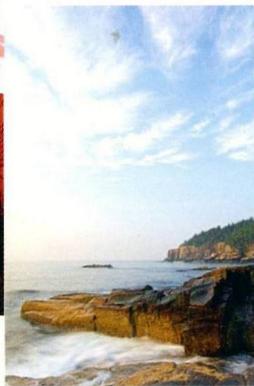
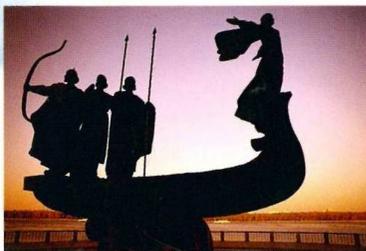

Кубань Україна

Выпуск 1

Памятник Кобзарю в г. Краснодаре
(ул. им. Т. Шевченко)

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ
ГОСУДАРСТВЕННОГО НАУЧНО-ТВОРЧЕСКОГО УЧРЕЖДЕНИЯ
«КУБАНСКИЙ КАЗАЧИЙ ХОР»
КРАСНОДАРСКАЯ КРАЕВАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«СОДРУЖЕСТВО КУБАНЬ - УКРАИНА»

КУБАНЬ – УКРАИНА
ВОПРОСЫ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Выпуск 1

Краснодар
2006

УДК 947.1/9(471.62)
ББК 63.3(235.71)
К 88

Кубань-Украина: Вопросы историко-культурного взаимодействия. Выпуск 1.
Краснодар, Изд..... 2006 г. 208 с.

В подготовке книги приняли участие историки, этнографы, фольклористы, музеееды из Краснодара, Майкопа, Москвы, Ростова-на-Дону. В сборнике представлены статьи по истории и культуре кубанского и украинского казачества, исследования по историографии, источниковедению, работы, посвященные историко-культурным взаимосвязям Кубани и Украины, рецензии и отзывы на новую литературу по обозначенной проблематике. Сборник рассчитан на студентов и преподавателей, работников учреждений культуры и образования, подвижников возрождения казачества, краеведов и всех, кто интересуется историей Кубани и её связями с Украиной.

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук О. В. Матвеев (научный редактор), кандидат исторических наук А. М. Авраменко, главный специалист Государственного архива Краснодарского края С. В. Самовтор, председатель Краснодарской краевой общественной организации «Содружество Кубань-Украина» И. М. Скибицкая (ответственный секретарь)

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор Краснодарского государственного университета культуры и искусств И.В. Устиновский,
доктор исторических наук, профессор Краснодарского государственного технологического университета С.А. Чуцрытников

Тексты печатаются в авторской редакции.

ISBN 5-9900773-1-9

© Краснодарская краевая общественная организация «Содружество Кубань-Украина», 2006.

© Коллектив авторов, 2006.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ 5

РАЗДЕЛ 1. ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЯЗИ

Б.Е. Фролов
Взятие острова Березань черноморскими казаками 7 ноября 1788 года:
мифы и реалии 6

В.И.Шкуро
Переселение малороссийских казаков на Кубань в 1821–1825 гг. 16

В.А. Матвеев
... единая Русь “разметнулась на полсвета”: особенности этнополитических
процессов в зонах смешанной восточнославянской колонизации на Юге России 28

Т.П. Хлынина
Украинизация Северо-Кавказского края: замыслы и воплощение
(по материалам Национального архива Республики Адыгея) 38

В.Н. Ракачѐв
Украинцы на Кубани: особенности демографической истории 45

Е.Ф. Кринко
Керченско-Феодосийская десантная операция: подготовка, проведение, итоги 57

А.М. Авраменко
Керченско-Феодосийская десантная операция (карта) 66

О.В. Матвеев
Монарх в исторической картине мира кубанского казачества
(конец XVIII – начало XX столетия) 67

И.М.Федина
Кубанские воспитанницы в институтах благородных девиц 108

А. Авраменко
Історія Кубані в сучасних українських атласах 112

РАЗДЕЛ 2. ДУХОВНОЕ ЕДИНСТВО

А.И. Федина
Украина в жизни первого кубанского писателя Я.Г. Кухаренко 121

З.Д. Мургузова
С.И. Борчевский, выпускник Харьковского университета. Штрихи к портрету 128

С.В. Самовтор Топонимическое освоение черноморскими казаками территории Кубани в конце XVIII - первой половине XIX в.	136
Л.Б. Мартыненко Современное бытование пословиц, поговорок и загадок черноморских казаков на Кубани	152
С.А. Жиганова Традиционная музыкальная культура славянского населения Кубани в контексте типологического изучения региональных песенных систем	159
М.В. Семенцов Народные представления о младенческом в кубанской этномедицинской традиции	168
В.М. Орел Бюст Кобзаря	178
<i>РАЗДЕЛ 3. ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ</i>	
А.М. Авраменко Первая энциклопедия украинского казачества.	182
О.В. Матвеев Кубанские исторические хроники	199
П.Н.Стрелянов (Калабухов) Казачьи полки и их вечные Шефы	202
Сведения об авторах	206

ОТ РЕДАКЦИИ

Еще недавно советские идеологи внушали нам, что в СССР решен национальный вопрос. Жизнь показала, что это не так. На развалинах СССР появились новые независимые государства, в том числе Российская Федерация и Украина. Разгорелись яростные споры о том, кто кого предал и имеет ли право Украина на самостоятельное существование. В России появились публикации, посвященные «украинскому сепаратизму», украинские авторы не менее активно разоблачают «имперский синдром» в современной России. Отношения между нашими странами сейчас явно ненормальны. Российские политики и общественные деятели возмущаются закрытием русских школ на территории Украины, но не считают нужным создавать украинские школы на территории России. Хорошо известны споры о Севастополе, о проблеме Черноморского флота, о разграничении Азовского моря и т.д. К сожалению, провокационные заявления краснодарского депутата А. И. Травникова о проблеме косы Тузла, имевших практические последствия, только обострили ситуацию. Политики, преследуя корыстные цели, катастрофически травмируют сознание представителей двух братских народов по обе стороны границы. Задача ученых – сохранить складывавшееся столетиями единое научное и духовное пространство. Очень важны, поэтому совместные научные конференции и сборники статей по их итогам, совместный поиск истины, преодоление сложившихся стереотипов.

В последние годы появились немногочисленные примеры такого сотрудничества. Так, в Москве еще в мае 1996 г. была проведена Международная конференция «Россия – Украина: история взаимоотношений», после чего был издан соответствующий сборник статей. В Петербурге по материалам международной конференции в 2004 г. издан интересный сборник «Украина и соседние государства в XVII веке», есть и другие примеры. Не менее активно поиском истины занимаются и в Украине. Недавно в Киеве на двух языках издан оригинальный сборник исторических эссе и научно-популярных очерков «Две Руси: Украина Incognita», цель которого – разоблачение исторических мифов, стереотипов и предрассудков в сознании украинцев и россиян.

Значительная часть населения Кубани, предки которого переселялись с территории Украины с конца XVIII века, особенно болезненно воспринимает разрыв связей со своей исторической родиной. Десятилетиями здесь проводилась политика ассимиляции, давно не существуют украинские школы, нет книжных магазинов, где можно было бы купить книги на украинском языке. Даже ученые, исследующие историю черноморского и кубанского казачества, испытывают огромные трудности в получении необходимой информации: очень многое, что напечатано в городах Украины, становится известным у нас с большим опозданием. Аналогичные трудности и у украинских коллег: в их трудах часто отсутствуют упоминания о многочисленных российских, в том числе кубанских изданиях, содержатся ошибки, которые можно было бы устранить при нормальных научных контактах. Наш сборник статей – попытка восстановить научные и культурные связи с украинскими коллегами, приглашение к обсуждению актуальных проблем нашей общей истории. Возможно, не всё в этом сборнике вызовет одобрение и понимание читателя, привыкшего к иным научным концепциям, но мы надеемся на конструктивный диалог. Аргументам надо противопоставлять контраргументы, а не эмоции.

Редакция и авторы сборника надеются, что его материалы заинтересуют не только специалистов, но и просто любителей истории Кубани и Украины, станут хорошим подспорьем в работе учителей и учащихся, сотрудников учреждений культуры и представителей возрождающегося казачества.

РАЗДЕЛ 1

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЯЗИ

Б.Е. Фролов

ВЗЯТИЕ ОСТРОВА БЕРЕЗАНЬ ЧЕРНОМОРСКИМИ КАЗАКАМИ 7 НОЯБРЯ 1788 ГОДА: МИФЫ И РЕАЛИИ

Штурм Березани никак не отнесешь к числу грандиозных или просто крупных событий в русско-турецкой войне 1787 – 1791 годов. Он не поражает ни числом участников, ни гекатомбами жертв, ни крайним ожесточением. Но далеко не всегда именно эти факторы определяют значимость события. Для войска верных казаков оно оказалось знаковым. Остров Березань стал символом казачьей отваги и самопожертвования.

Уже в конце XVIII в. взятие острова расценивали как запоминающуюся победу казачьего оружия, чему есть свои объяснения. Во-первых, это был первый значительный успех, одержанный исключительно силами казачьего войска. Во-вторых, действие происходило на виду у всей русской армии, что сразу сделало его широко известным. Ну и наконец, в затянувшейся осаде Очакова взятие острова Березань стало яркой вспышкой успеха, удачи и надежды. Неудивительно, что Г.А. Потемкин послал государыне довольно подробное донесение об этой победе. В свою очередь Екатерина II приказала в честь заслуг князя отчеканить медаль с надписями: «Усердием и храбростью», «Взятие Очакова, крепости Березанской и победы на Лимане в 1788 году». Мало того, взятие острова упоминалось и в траурной надписи на катафалке во время похорон князя 13 октября 1791 г. в Яссах (1).

Казачи же запечатали свою победу в названии образованного на Кубани куреня – Березанский. Знаменательно и то обстоятельство, что свое новое имя – «Черноморское» – войско верных казаков получило через месяц после взятия острова.

Неудивительно, что описание сражения обросло домыслами и легендами. Известный украинский историк И.В. Сапожников выделяет два рода мифов (2). Первый заключается в том, что остров взял де Рибас вместе с черноморскими казаками. Более того, де Рибас, прорвавшись к острову на двух канонерских лодках, спас жизнь отряду Головатого

на Березани. Мифотворцы другого толка увлеченно повествуют о неудачных попытках русского флота и пехоты во главе с А.В. Суворовым овладеть островом, но сделать это оказалось под силу только казакам. На Кубани подобную версию представлял П.П. Короленко (3). Говоря о безуспешных действиях Суворова, он, правда, оговорился: «Вероятно, Суворова не допустил к Березани турецкий флот».

Мы, в свою очередь, хотим упомянуть о приключенческой версии, у истоков которой стоял И.Д. Попко (4). В этой истории есть и глухая темная ночь, и бесшумное снятие часовых, и переодевание в турецкие одежды и другие детали, достойные голливудского боевика. На Кубани именно эта версия усиленно репродуцируется в популярном чтиве.

Прежде, чем перейти к самому штурму, дадим краткое описание острова и турецких укреплений на нем (5). Остров Березань располагается в двух километрах от берега и в семи километрах от устья Днепро-Бугского лимана. Его длина 852 метра, наибольшая ширина – 350 метров. Поверхность имеет наклон к северу, в южной части ее высота составляет 21 метр над уровнем моря. Берега крутые, обрывистые, самый удобный подъем находится в наиболее низкой северной части острова.

Крепость на острове турки начали сооружать в конце 1777 г. или в начале 1778 г. К осени основные земляные работы были закончены, и в крепость стали завозить пушки и военные припасы. В 1784 г. крепость посетил и подробно описал француз Лафитт-Клове. По его словам, крепость представляла небольшой земляной форт, «довольно плохо соображенный: орудия так тесно поставлены в амбразурах батарей, что ими трудно действовать». Нижняя батарея была расположена так неудачно, что становилась совсем бесполезной. Всех орудий небольшого калибра в крепости имелось 16.

К счастью, рекомендации француза по усилению крепости турки не осуществили. В северной части острова они возвели лишь одну батарею и линию окопов.

Крепость, расположенная в южной части острова, имела форму почти равнобедренного треугольника с длиной сторон 220–270 метров. По всему периметру ее окружал земляной вал с частоколом, а с северной стороны – ров глубиной до 3-х метров с подвесным мостом. В южном углу и на юго-восточной стене находились два круглых бастиона. К 1788 г. крепость имела 21 пушку. Если добавить к этому обрывистые берега высотой от 8 до 21 метра, то эта плохо устроенная, по мнению французского инженера, крепость могла стать для казаков очень крепким орешком.

По первоначальному замыслу Г.А. Потемкина овладеть Березанью должен был действительно А.В. Суворов. 11 июля 1788 г. князь написал ему: «Предлагаю я сделать поиск на Березани. Нужно истребить то пристанище; изготовьте отборной пехоты 600 человек» (6). Орденом от 13 июля Потемкин уже поручил «снести турецкий пост на острове», где, по его данным, было «войска только два байрака и 20 пушек». К слову сказать, и в этом, и в последующих ордерах Потемкина говорится о размещении солдат Суворова на галерах, вооруженных лодках и лодках верных казаков.

Но через несколько дней планы светлейшего изменились. Сохранился рапорт Суворова Потемкину от 16 июля, в котором он сообщает о получении приказа об «отмене действия к Березани» (7). Таким образом, А.В. Суворов к острову не ходил, да, наверное, и не мог этого сделать, ибо в районе Березани стояла турецкая эскадра. Остается только гадать, откуда П.П. Короленко почерпнул следующие сведения: «16 числа в 7 часов утра Суворов отправился в поход, но экспедиция эта оказалась неудачною; Березань оказалась неприступной...» (8). Можно допустить, что суда с десантом сделали движение к острову, но затем его приостановили, завидев превосходящие силы противника.

Наличие главных сил турецкого флота возле Березани делало взятие острова силами гребной эскадры практически невозможным. Однако осенью 1788 г. Гассан-паша увел свои суда на ремонт в Константинополь, и русские обрели свободу действий. 4 ноября кош получил уведомление генерал-поручика П.С. Потемкина об уходе неприятельского флота, а через два дня состоялся штурм острова казаками.

В ряде публикаций утверждается, что казаки предприняли два штурма, из которых первый, естественно, закончился неудачно. Вот что пишет А.Г. Сацкий: «Утром 7 ноября два десятка запорожских лодок под сильным орудийным и ружейным огнем подошли к высоким берегам о. Березань. Но их попытка атаковать остров закончилась взаимным обстрелом. Спустя два дня на штурм Березани направилось уже 39 канонерских, запорожских и бомбардирских лодок...» (9). Автор ссылается на архив Мордвиновых, опубликованный в 1901 г. Источник мог перепутать даты (Березань взята, без сомнения, 7 ноября), но вряд ли сам факт двух штурмов.

У И.Д. Попко читаем: «Первый штурм, направленный по плану командовавшего гребною флотилиею вице-адмирала Рибаса, с которым казачьи старшины не совсем соглашались, был не удачен и стоил казакам полной гибели двух лодок с лучшими людьми. На вторую попытку казаки решились как сами знали» (10). Скорее всего, И.Д. Попко в своей

реконструкции событий опирался на устные источники. Интереснейшая запись за 6 ноября имеется в дневнике Р.М. Цебрикова, переводчика при штабе князя Г.А. Потемкина: «В ночь посланы были запорожцы на лодках взять Березань, однако ничего не учинив там, при возвращении назад, поймали турецкую, из Очакова мимо нашей флотилии уже пролетевшую, лодку с десятью человеками...» (11). Итак, мы почти уверены в том, что накануне главного штурма предпринималась какая-то военная акция в отношении Березани, но пока ее характер не ясен: действительно ли это был неудачный штурм или предварительная разведка боем.

Никаких документальных свидетельств о неудачном штурме казаками Березани нам обнаружить не удалось. Из нескольких источников известно, что штурм состоялся утром 7 ноября 1788 г. на виду частей русской армии и ставки Г.А. Потемкина. В его донесении Екатерине II от 17 ноября содержится самое подробное описание этого дела. Приведем выдержку из него: «По удалении флота Турецкого, главнокомандующий, препоручив войску верных Черноморских казаков поиск на сей остров, приказал войсковому их судье подполковнику Головатому идти туда со всеми своими лодками и стараться взойти на берег, разбить неприятеля и овладеть крепостью. Предприятие сие пред лицом всей армии произведено в действо с совершенным успехом. 7 ноября по утру казаки приблизились к острову, выдержали с твердостью и мужеством сильный огонь неприятельский, потом сделав залп из пушек и ружей, вскочили в воду и вспалзывая на берег, бросились с таким стремлением, что прогнали неприятеля, отняли у него батареи и преследовали до самой крепости, где встречены были картечами; в сем случае поворотили они против крепости орудия с батареи и с своих лодок взятые. Жестокая канонада их, движение сделанное от флота, по данному сигналу, несколькими фрегатами и отправлением к острову лодок канонерских с бригадиром Рибасом, заставили неприятеля умолкнуть и просить пощады» (12).

Судя по донесению, лодки де Рибаса в деле фактически не участвовали, и их воздействие на турок носило скорее психологический характер. В сытинской военной энциклопедии 1911 г. утверждается об одновременном артиллерийском огне казаков и канонерских лодок Рибаса. Верные казаки взяли приступом прибрежную батарею, крепость же, судя по всем источникам, сдалась фактически без боя после нескольких выстрелов. Кстати, непонятно, как стреляли казаки из пушек, взятых ими со своих лодок? Еще П.П. Короленко с удивлением вопрошал: не мощные ли казацкие спины служили им лафетом?

В сражении со стороны казаков участвовало 836 человек: войсковой судья от армии подполковник А.А. Головатый; полковник М.С. Гулик; 6 полковых старшин – Василий Танский, Давид Белый, Иван Семенов, Семен Бурнос, Никанор Орлянский, Яков Животовский; 2 есаула – Василий Осанчук, Иван Козловский; 2 хорунжих – Иван Черный и Григорий Горб, 22 куренных атамана и 802 казака (13).

В рапорте к контр-адмиралу Н.С. Мордвинову А.А. Головатый сообщил: «При овладении войска верного казаками... 7 числа острова Березани убит атаман один куренной, казаков – шесть, ранены полковой старшина – один, куренных атаманов – три, рядовых казаков – восемнадцать» (14). 7 убитых и 22 раненных (из них 10 человек тяжело) – это очень чувствительные потери. Подобных казаки не знали ни в одном из многочасовых морских сражений. А ведь бой, по свидетельству очевидцев, не отличался особым ожесточением и был непродолжительным. Что же сообщают нам эти свидетели, наблюдавшие штурм с берега?

Из дневника Р.М. Цебрикова за 7 ноября: «Подъехавшие близко две лодки запорожские (автор записок, вероятно, оговорился, лодок было явно больше 20. – Авт.) к Березани востерпели довольно сильный огонь от турков, на оном острове для защиты оставшихся, как с пушек, так и с ружей; взяли вскорости оный остров. Турки, правда, мало защищались и отделись на произвол фельдмаршала князя Потемкина Таврического» (15).

Из дневника Ф.Ф. Сталя, адъютанта генерал-поручика В.В. Долгорукого: «7-го остров и крепость Березань были взяты нашими Запорожцами под команду их кошевого атамана Головатого (Ф. Сталь ошибается, атаманом был З.А. Чепега. – Авт.): утром около 9 часов казаки на своих чайках под сильным огнем и в виду нашей армии поплыли к острову, пристали к нему и овладели береговыми батареями, которые ими были обращены против неприятеля, отступившего к крепости, между тем наша маленькая флотилия приблизилась.

Гарнизон вывесил белый флаг, и два депутата были перевезены на лодке в главную квартиру для переговоров, которые кончились тем, что весь гарнизон должен был сдаться безусловно.

В 12 часов Головатый возвратился в главную квартиру с главным флагом крепости...» (16).

Обратим внимание на то обстоятельство, что оба наблюдателя, как и Г.А. Потемкин, говорят о сильном артиллерийском и ружейном огне турок во время приближения казачьей флотилии к острову. Действительно, моменты сближения и десантирования самые опасные,

и наверное, в этот период казаки понесли существенные потери. А потом еще – и картечь со стен крепости.

Далее приведем свидетельства офицера русской армии М.П. Загряжского: «На другой день видим: десятка три запорожских лодок идут к Березани в одну линию. По ним начинают стрелять из пушек; они не отвечают. Подходят так близко, как отмель позволила, делают залп, мечутся все в воду и батарею, на берегу стоящую из трех пушек, тот час берут. Идут к крепости, после нескольких выстрелов там выставляют белое знамя и сдаются» (17).

И еще один взгляд современника. В архивном деле, где подшиты письма к атаману З.А. Чепеге, сохранилось письмо, автор которого (установить его не удалось) 7 ноября 1788 г. сообщает атаману следующее: «...уведомляю вас, что помощью бога всевышнего наши запорожцы нехотя (?) без всякого остров у турков отняли сегодня поутру...» (18). Да, здесь присутствует некоторая доля бравады, но общая тональность оценки события сомнений не вызывает. Вероятнее всего, перед нами письмо кого-то из сподвижников Чепеги, и поэтому оно приобретает особую ценность как свидетельство очевидца из казачьего стана.

Все четыре документа однозначно говорят о непродолжительности штурма. Первый натиск казаков оказался столь дружным и стремительным, что турки быстро обратились в бегство, а крепость сдалась фактически без боя. Но три часа, «отведенные» Ф.Ф. Сталем на все дело (штурм, прибытие турецких депутатов, возвращение Головатого с флагом), вызывают большое сомнение: ведь не на глиссере же летали участники переговоров от острова к берегу.

И еще об одном: в картину штурма, представляемую со слов очевидцев, никак не вписывается рапорт командира одной из команд казачьей флотилии М.С. Гулика. 9 ноября 1788 г. он доложил А.А. Головатому о том, что в сражении «под островом Березанью» с 8 лодок его команды выстрелено зарядов с ядрами 254, с картечью – 57 (19). Получается почти по 40 выстрелов на пушку. Такой интенсивности огня не зарегистрировано ни в одном из июньских морских сражений под Очаковым. А если учесть, что команда Гулика составляла примерно треть казачьих сил, то какой же шквал огня обрушился на турок?!

Почти молниеносная сдача Березани и столь мощный и довольно длительный огонь не очень стыкуются. Правда, из документов тех лет известно, что казачьи (да, наверное, и армейские) командиры всегда завывшали расход боеприпасов. Тогда стычка превращалась в бой, а бой – в сражение. Кроме того, таким путем создавалась «заначка»

пороха и свинца. Был случай, когда М.И. Кутузов упрекал атамана за то, что в отчете войско показало расход боеприпасов в то время, когда боевые действия и не велись.

Больше всего нас заинтересовал столь значительный расход картечи – по 7 выстрелов на орудие. Обращаем внимание, что Гулик пишет о выпущенных с лодок зарядах. При подходе к острову сделан залп, пусть два. А по кому дальше стреляли картечью? Ведь лодки уже уткнулись в берег, и с них позицию турок картечью не возьмешь, да и свои уже атакуют врага. Словом, либо расход боеприпасов в отчете завышен, либо какой-то фрагмент боя выпал из поля зрения наблюдателей. Возможно, казачьи лодки сделали при подходе к берегу не залп-два, а интенсивно обстреляли картечью турецкую батарею и пехотинцев (правда, последние должны были сидеть в окопах). Именно картечью русские суда очищали берег перед штурмом Измаила. Скорее же всего, турки после первых залпов бросились бежать к крепости, не вступив в рукопашный бой с казаками, им вдогонку продолжали бить картечью. Подытоживая наш анализ, мы должны признать, что исследователям еще долго придется работать над уточнением всех фаз боя, общий же ход штурма и его характер более или менее понятны.

Победители захватили в крепости значительные трофеи: 11 знамен, 21 пушку, 111 ружей, 69 пистолетов, 49 сабель, 75 кинжалов и 57 патронниц (20). И.В. Сапожников справедливо заметил, что количество захваченных знамен, указанное в донесении Потемкина императрице, не соответствует численности Березанского гарнизона. Из приказа Главного дежурства Екатеринославской армии становится понятно, что Потемкину были представлены все турецкие знамена, имевшиеся в войске (21). В том же донесении князя численность гарнизона указана в 400 человек, в плен взят 321.

На участников штурма не обрушился, казалось бы, заслуженный поток наград. 7 ноября последовал приказ Главного дежурства Екатеринославской армии: «За похвальный поиск, учиненный сегодня верными казаками на остров Березань и овладение оною, его светлость главнокомандующий армиюю признавая, что успех сего дела к единому войску верных казаков относится, приказал объявить во всем Коше совершенную свою благодарность и при том повелевает, при отправлении сюда турок и им принадлежащего прибыть к его светлости несколькими старшинам для изъявления им своего удовольствия и получения всем за хороший их подвиг награждения» (22). 15 ноября в коше получили похвальный ордер самого Потемкина (23).

По обычаю тех лет казаки получили денежное вознаграждение, но

сумму установить не удалось: на казаков, турок, потерявших в Березани свое имущество, и на солдат, захвативших знамена в Очакове, было выдано около 7,5 тыс. рублей.

Вопреки единодушному (впрочем, ни на чем не основанному) мнению кубанских биографов о получении А.А.Головатым за Березань ордена Св. Георгия IV степени, И.В. Сапожников приводит доказательство в пользу того, что орден был выдан вовсе не за какой-то конкретный подвиг, а с обезличенной формулировкой «за отличие» (24). Мы думаем, что в присвоении Головатому 12 декабря 1788 г. звания кавалера решающую роль сыграл все-таки Березанский штурм.

О рядовых участниках штурма забыли уже через несколько дней. Оставшийся на острове казачий отряд буквально бедствовал. 2 декабря начальник Березанской команды М. Гулик подал А. Головатому рапорт, в котором присутствовали такие горькие фразы: «...и есть крайне нечего», «дров вовсе не имеется», «команда же скучает без жалованья... чрез то самое удержать не могу, вся разойдется» (25). Вина за столь плачевное положение казаков лежала на их непосредственном казачьем начальстве. Сам же Г.А. Потемкин уже 17 ноября доложил Екатерине II о полной бесполезности острова в стратегическом отношении и о своем решении «все оттуда свезть и, разоря укрепления, оставить». Поставив крест на крепости, Г.А. Потемкин забыл о находившемся там отряде.

А тут еще и зимняя непогода сделала то, что не удалось турецкому флоту – разбила большинство находившихся при Березани лодок. Финал геройского штурма заканчивался на минорной ноте...

В заключение приведем оценку столь славного дела, данную первыми кубанскими историками Я.Г. Кухаренко и А.М. Туренко: «...взятием острова Березань своею ничтожною гребною флотилиею показали (казаки. – Авт.) искусство и способность действовать не на одном только сухом пути, но и на море, за что и приобрели имя верных черноморцев» (26).

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Русская старина. Жизнь императоров и их фаворитов. – М., 1992. – С. 299.
2. Сапожников И.В. Остров Березань и его штурм 7 ноября 1788 года. – Ильичевск, 2000. – С. 4, 5.
3. Короленко П.П. Предки кубанских казаков на Днестре. – Б.м. Б.г. – С. 35.
4. Попко И.Д. Исторические и биографические очерки. – Екатеринодар, 1872. – С. 5
5. Описание дается по указанной работе И. В. Сапожникова.
6. Русская старина. Указ. соч. – С. 279.
7. Сапожников И.В. Указ. соч. – С. 69.
8. Короленко П.П. Головатый – кошевой атаман Черноморского казачьего войска. // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1904. – Т. 11. – С. 6.

9. Сацкий А.Г. Первая боевая эпопея Черноморского флота // Вопросы истории. – 1987. – № 11. – С. 86.
10. Попко И.Д. Указ. соч. – С. 5.
11. Сапожников И.В. Указ. соч. – С. 97.
12. Цит. по: Скальковский А.А. История Новой Сечи. – Ч. III. – Одесса, 1886. – С. 209.
13. ГАКК. Ф. 249. От. Д. 25. Л. 13–14.
14. ГАКК. Ф. 249. От. Д. 6. Л. 79.
15. Сапожников И. В. Указ. соч. – С. 97.
16. Там же. – С. 5.
17. Очарование страсти нежной // Родина. – 1993. – № 3. – С. 76.
18. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 15. Л. 6.
19. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 25. Л. 1.
20. Там же. Л. 5.
21. Дмитренко И.И. Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска. – СПб., 1896. – Т. 3. – С. 61.
22. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 25. Л. 4.
23. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 6. Л. 82.
24. Сапожников И.В. Указ. соч. – С. 45.
25. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 25. Л. 11.
26. Туренко А.М. Исторические записки о войске Черноморском. – Киев, 1887. – С. 7.

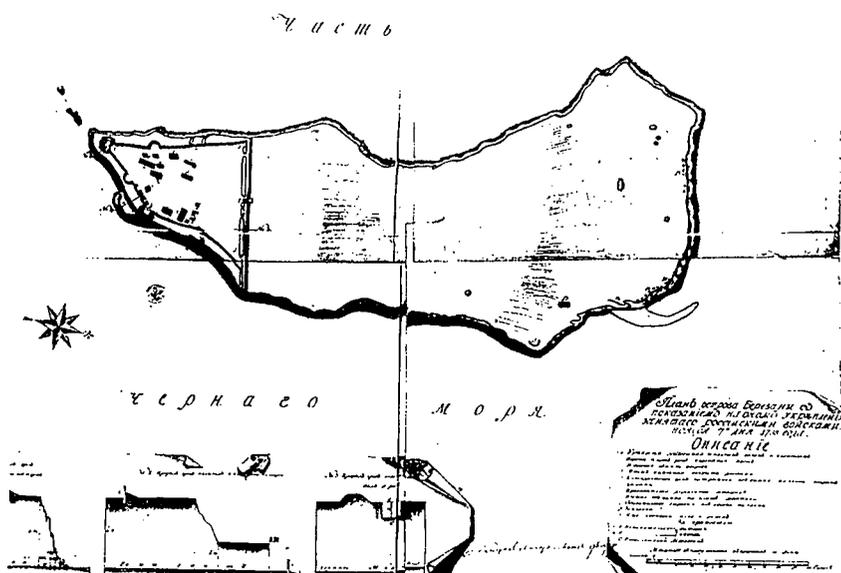

Рис. 1. План острова Берзаны 1788 г. Из фондов Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е. Д. Фелицина (КГИАМЗ)

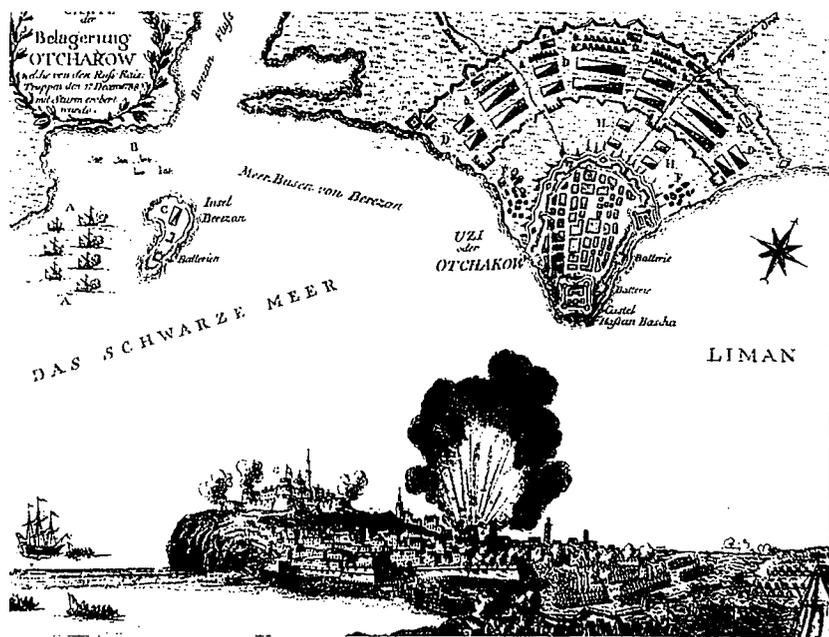

Рис. 2. Взятие Очакова в 1788 г. Западноевропейская гравюра. Из фондов КГИАМЗ.

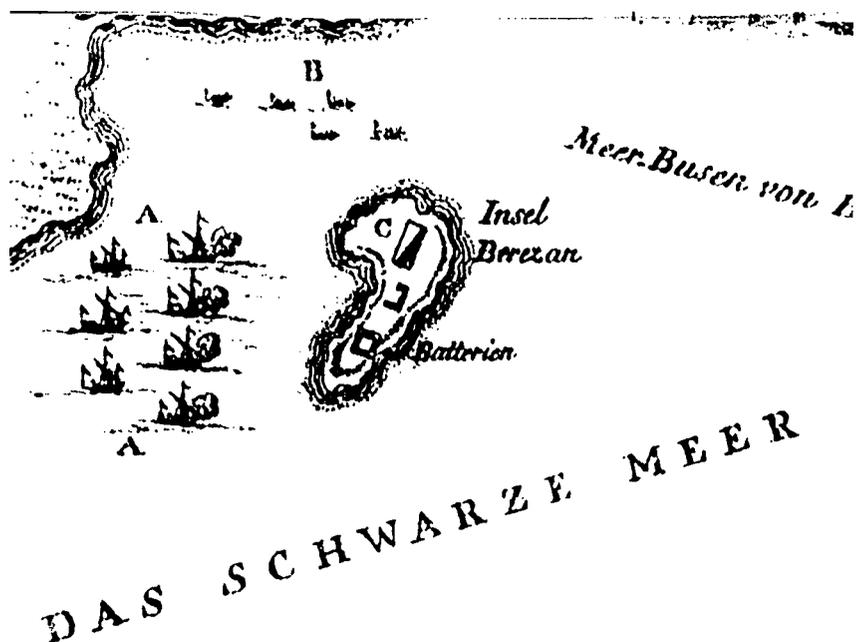

Рис. 3. Остров Берзань (фрагмент рисунка №2). Из фондов КГИАМЗ.

В.И. Шкуро

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ МАЛОРОССИЙСКИХ КАЗАКОВ НА КУБАНЬ В 1821–1825 ГГ.

Второе пополнение Черноморского казачьего войска казаками Полтавской и Черниговской малороссийских губерний прошло намного болезненнее, чем первое. Вмешался субъективный фактор. Еще до начала переселения 17 апреля 1820 года последовал именной указ, объявленный в приказе начальника Главного штаба, состоящий из двух предложений, которые коренным образом изменили судьбу Черноморья: «По Высочайшему соизволению Черноморское войско и Таманский гарнизонный полк причисляются к составу войск Отдельного Грузинского корпуса. О чем для сведения и надлежащего в потребных случаях исполнения объявляется по Армии и Всему Военному ведомству» (1).

Изначально в составе запорожцев преобладал малороссийский

или южнорусский элемент. С переселением на Кубань пополнение по-прежнему происходило как за счет задунайский запорожцев, так и за счет населения Новороссийского края, где преобладало все то же население. Черноморья входила в состав Таврической губернии в качестве Фанагорийского уезда. На новом месте система обороны строилась на опыте запорожцев, нашедших свои методы борьбы с хищными подвижными народами. Это выражалось в стремлении отвести мирное население подальше от границы и построить сплошную сеть укреплений, постов, батареек и залог, чтобы не пропустить хищников на свою территорию и, если сразу не удастся пресечь переправу через Кубань, то оповестить, что нападение совершено.

Тифлисское же начальство знало только опыт поселенных конных казачьих полков на Тереке и Верхней Кубани, где станицы со времен Ивана Грозного располагались на берегах рек, причем, из-за малочисленности населения далеко друг от друга. Сами селения обносились рвами и валами, у ворот устанавливались пушки. Нападавшие легко просачивались на российскую территорию и преследование производилось здесь же. На этой почве какое-то время было недопонимание между тифлисским и черноморским начальством, тем более что, как цитируют командира Кавказского корпуса А.П.Ермолова кубанский историк И.В.Бентковский, генерал писал: «Задолго прежде искал я средства избавиться сего войска».

Другой не менее известный кубанский историк Ф.А.Щербина в какой-то мере подтверждает взгляды А.П.Ермолова словами: «Ермолов... недружелюбно относился к черноморским казакам, не желая считаться с особенностями их быта» (2).

В результате произошло много накладок в процессе переселения, которых при взаимопонимании между местным и кавказским начальством вполне можно было избежать.

Жители полутора десятков кубанских станиц и до десяти тысяч кубанских родов могут считать своим «крестным отцом» начальника Главного штаба 2-й (Южной) армии со штаб-квартирой под Киевом генерал-майора П.Д.Киселева, боевого генерала, участника войны 1812 года. При посещении земли Черноморского казачьего войска генерала удивляли многие вещи. И прежде всего то, как здешние казаки, имея в своем составе менее восьми тысяч взрослых мужчин и постоянно отправляя свои лучшие полки на границу Царства Польского с Пруссией, в подкрепление Кавказской линии, в Дунайскую армию, да и в гвардейские дивизионы в Царское село и Варшаву, умудрялись охранять (и охранять достойно) 260-верстную границу с горами

от поста Изрядный источник (недалеко от станицы Воронежской) до берегов Черного моря у Анапы (в то время основным рукавом реки Кубани был Джигинский). И еще одно безусловно, поразило командированного генерала – это постепенное уменьшение населения и разорение казачьего хозяйства из-за постоянного отсутствия мужчин в семьях.

По итогам своей поездки по Черномории П.Д. Киселев составил обозрение Черноморского казачьего войска, которое было направлено в комитет Министров. При рассмотрении обозрения в Правительствующем Сенате было отмечено: «Генерал-Майор Киселев в обозрении его Черноморского войска изъясняет:

1). Что Черноморские земли при великом своем пространстве не имеют довольного населения.

2). Что Черноморские казаки, быв с учреждения своего внепрестанном действии с соседними народами, приобвыкли к воинскому состоянию, но не могли привести себя в цветущее положение, и скудность в войске весьма ощутительна.

3). Что главные доходы войска составляли донине в скотоводстве и рыбных ловлях, но и оных казаки по непрерывному оборонительному своему положению распространить не имеют возможности.

4). Что хлебопашество по тем же причинам так мало соответствует плодородию земли, войску принадлежащей, что Войсковое Управление принуждено покупать провиант по большей части в соседних губерниях для содержания кордонных полков.

5). Что таким образом постоянное оскудение войска со временем не дозволит казакам собственными способами охранять границу, и тем поставит Правительство в необходимость возобновить прежние на сей предмет важные денежные издержки.

В отвращении сего Генерал-Майор Киселев полагает весьма полезным и необходимым, на обширном пространстве, занимаемом войском Черноморским земли, умножить число жителей, переселенном из Малороссии еще двадцати пяти тысяч казаков по прежнему примеру»(3).

Предусматривалось, что само переселение будет проводиться на основании правил, составленных министром внутренних дел князем Куракиным и утвержденных императором 17 марта 1808 года. На переселение отводился трехлетний срок. За ход переселения отвечали губернаторы Полтавской и Черниговской губерний, а координатором выступал Малороссийский военный губернатор. Списки переселяемых направлялись в казенные палаты губерний, а все спорные вопросы

должны были решаться министром внутренних дел.

Пока шла переписка и уточнялись детали, 30 августа 1821 года в Кушевском курене появилась первая группа переселенцев. И, затем, обозы с переселяющимися пошли сплошным потоком вплоть до глубокой зимы.

Позже Черноморская войсковая канцелярия разъясняла новому Командующему Отдельным Кавказским (бывшим Грузинским) корпусом генерал-фельдмаршалу И.Ф. Паскевичу: «...Судя по числу переселившихся в войско малороссийских казаков польза от них могла быть и более, но из них большая часть выслана из прежних мест жительства бедные. Дряхлые старики, малолетние и искалеченные и для военной службы неспособные» (3).

Как можно понять из этого документа, военный губернатор Малороссии князь Репин учел, что военное начальство теперь находится не под Киевом, а где-то за далекими Кавказскими горами, решил одним махом избавиться от той категории свободного населения, которая в силу каких-то обстоятельств не могла продуктивно работать и, естественно, не могла своевременно платить подати в государственную казну.

Все было сделано очень быстро. Вместо трех лет в первые четыре месяца в Черноморию прибыло две трети всех намеченных к переселению. С 30 августа по 23 декабря 1821 года прибыло 16239 мужского и 14119 женского пола душ, да еще многие партии и отдельные семьи зазимовали в селениях по пути из Малороссии в Черноморию. Основная масса переселенцев двигалась в осеннюю слякоть и зимние холода, поэтому главной своей задачей войсковое начальство считало встречу новоселов на границах своей земли и быстрейшее их размещение по старым куренным селениям до наступления теплого времени года. С прибытием первых партий от особых чиновников, назначенных для приема и размещения переселенцев, и от куренных атаманов пошли рапорты о том, что у большинства переселенцев нет средств к существованию, а у многих из них средств не было и по-прежнему месту жительства.

Ф.А. Щербина отмечал, «что в последние годы – 1819, 1820, 1821 годы были неурожайными..., что в 1821 году в Черноморию налетела в несметном количестве саранча и истребила не только хлеб, но и травы, и что войско вследствие уменьшения войсковых доходов, не в состоянии было продовольствовать голодающих переселенцев»(5).

Первые кубанские историки Я.Г. Кухаренко и А.М. Туренко, которые сами были живыми свидетелями тех событий, добавляли к сказанному:

«...Страдавшие равномерно от голода Закубанцы в сем году бежали толпами на жительство в Черноморию, в особенности женщины с детьми и попечительное войсковое правительство с отеческим участием в общем бедствии принимало и водворяло их...»(6)

Войсковое начальство и казаки-старожилы старались помочь новым жителям: из войсковых запасов было роздано 9900 руб. денег, 3803 четверти муки (четверть – мера сыпучих тел, равная 209 литрам) и 297 четвертей ржи. Выехавший на Дон есаул Черный закупил там 5000 четвертей хлеба. Еще 5000 четвертей было взято займы в провиантных магазинах регулярной армии на территории близлежащих губерний и областей. О том, что в Черномории нет достаточных материальных и финансовых средств Войсковая канцелярия еще 29 июля 1821 года предупреждала новое Кавказское начальство. Поэтому командир Отдельного Кавказского корпуса А.П.Ермолов по пути из Санкт - Петербурга решил заехать и ознакомиться с переданной в его подчинение новой территорией и пробыл здесь два месяца (сентябрь – до 20 ноября). И.В. Бентковский привел такую цитату из воспоминаний генерала: «В Черномории нашел я переселяемые из Малороссии семейства в ужаснейшей бедности. Войско без всяких средств вспомоществовать им. В одно время выслано из Малороссии вдвое большее число, нежели распоряжено было правительством. На прежних местах жительства своих, продавали они имущество за бесценок, ограблены были земской полицией чиновниками и многие, лишившись в дороге скота своего, без средств идти далее не могли, остались зимовать по разным губерниям, выпрашивая для существования милостыни. В такой нищете нашел я их разбросанных по дороге, возвращаясь из Петербурга.»(7).

Пока большие начальники писали казенные бумаги и записки, простые обыватели принимали в свой дом по одной семье переселенцев и делились с ними всем, что было у самих.

В декабре 1821 года для оказания помощи переселенцам а Екатеринодаре создается общественный комитет под председательством наказного атамана полковника Г.К. Матвеева, который обращается с собым посланием к населению Черномории. Все, у кого были излишки: хлеб, скот, деньги – везли это в комитет. Офицеры, вошедшие в состав этого общественного учреждения, объезжали куренные селения и хутора, собирая пожертвования. Результаты были налицо. Так, бывший войсковой атаман Ф.Я.Бурсак пожертвовал 200 руб., 50 мер зерна, 20 коров, 20 овей; подполковница Марфа Дубонос 50 руб., войсковая подполковница Анна Барабаш 50 руб. и приняла пять бедных душ на покормление», войсковой старшина Голуб 5 коров, 20 овец, 5 четвертей

хлеба; Николай Курганский 25 руб., Семён Красовский 4 руб. и одну корову, Толстопят 15 руб., Щербина 11 руб., Бабич одну корову и т.д. (8).

Продолжались изыскиваться средства Войсковой канцелярии. Так, по информации Я.Г. Кухаренко и А.М. Туренко были проданы все лошади Войскового конного завода. В феврале 1822 года есаул Звягинцев с 60 тысячами руб. выехал в Кавказскую область, где приобрел 1000 четвертей ржаной муки и 200 четвертей пшена(9).

Вновь прибывающих поджидала ещё одна беда-болезни. По информации войскового доктора Прохоровича причины были в следующем:

«1) в слабом от природы сложении весьма многих переселенцев, в недостатке пищи и одежды во время пути при суровости осеннего времени;

2) в непривычке к новому климату и воде, солоноватой особенно в р.Ее;

3) к тесному помещению в избах (в некоторых селениях Ейского округа он находил по 20 душ в одной избе);

4) в неимении отдельных домов для помещения трудно больных и, наконец, в недостатке Медикаментов» (10)

Безусловно, все эти причины по отдельности и все «букетом» сказывались на здоровье переселенцев. Но нужно иметь в виду, что при первоначальном заселении сюда прибывали бывшие запорожцы, которые веками жили в экстремальных условиях, а прибывающие были потомками реестровых казаков, всегда проживавших в благоустроенных селениях. Попав же в непривычные жизненные условия, они просто не выдерживали физически. Как бы на то ни было, но из 51072 душ обоего пола 15848 душ, или треть всех прибывших к 1 мая 1826 года умерли. (11) Но пришла ранняя весна. Отогрела тела и души. Надо было думать о будущем. Хотя первоначально собирались всех новичков разместить по старым куренным селениям, на практике осуществить это было трудно, многие селения были тогдашние условия в создании всем равных возможностей хозяйственной жизни: пахоте и уборке урожая, содержании молочного скота и обеспечении его водопоями, выгонами, выпасами, в заготовке сена и т.д.

С весны начали основывать новые селения. И в новых поселениях, как это было принято, новосёлов селили вперемешку со старожилами здешних мест. Это было необходимо, чтобы последние лучше перенимали опыт жизни в новых условиях. Иногда старожилов поселяли на какое-то время раньше новосёлов, иногда одновременно. В

документах пока удалось установить время, когда на местах поселения появлялись первые переселенцы... Условно можно считать эти даты временем основания этих куренных селений.

12 апреля 1822 года к новоустроиваемому селению Новочелбасскому (сейчас станица Крыловская Ленинградского района) прибыло 35 семей из Пирятского повета Полтавской губернии со старшим (старейшиной) Саввой Фесечка, а к Верхнеалбашскому (станция Новоминская) 12 семей из того же повета со старейшиной Мокием Фесечка (12)

Не установлена пока точная дата поселения Нижнеалбанского селения (станция Новодеревянкская). В документах Комитета по устоявству переселенцев имеется список 32 семей, прибывших в это селение из Борзенского повета Черниговской губернии, к которому приложено свидетельство Изюмского уездного исправника от 15 апреля 1822 года о «том, что при следовании партии чрез Изюмский уезд прошлого 1821 года в ноябре месяце и по случаю заставшей зимы, остановилась она партия в слободке Барвенковой, где и пробыла до сего числа, ныне же по открытию настоящей весны и удобному времени отправляется в свое место, назначенное им к заселению, благополучно». Следующее сведение о водворении здесь переселенцев относится к 4 июня 1823 года. Тогда здесь поселилось семейство Ильи Шульгатого из Лубенского повета Полтавской губернии (13).

В мае месяце переселенцы прибыли в два устраиваемые куренные селения. 16 мая в селение Ясенское (станция Новошербиновская) прибыла партия старейшины Якова Синевла из 42 семей из Конотопского повета, а 18 мая в селение Великобейсугское (станция Батуриная) – 43 семьи, прибывшие со старейшинами в двух партиях с Никитой Голубом и Тимофеем Кантуром из Борзекского повета (14).

В июне переселенцы прибыли сразу в три куренные селения. 1 июня в сел. Малобейсугское (станция Дядьковская) привел партию из 29 семей старейшина Григорий Сергиенко из Конотопского повета; 12 июня в Новоконурское (станция Нововеличковская) привел партию из 29 семей старейшина Павел Шуть из Золотошского повета, а 27 июня в Новокачатинское селение привел партию старейшина Иван Басараб из Гадяцкого повета – все поветы Полтавской губернии (15).

В июле и августе прибывали переселенцы в два новоустроиваемые селения. 9 июля в Новокирпильское селение (станция Сергиевская) прибыло из Полтавского повета 30 семей во главе со старейшиной Иваном Балясным (16)

Как сообщал наказной атаман Черноморского войска полковник

И.К.Матвеев командиров донских полков в Грузии и на Кавказской линии находящихся генерал-майору М.Г.Власову, прибывшая из Конотопского повета партия переселенцев из 19 семей со старейшиной Василием Левченко 20 августа 1822 года была поселена во вновь назначенное при речке Сосыке выше плотины капитана Самсона Белого куренное селение. Через три дня в это же Сосыкское селение (станция Павловская) были поселены 23 семьи, приведенные из Гадяцкого повета старейшиной Петром Коваленко. Можно отметить, что и самая последняя организованная партия переселенцев, прибывшая в Черноморию из Новгород-Северского повета Черниговской губернии 17 августа 1825 года, поселена была в Сосыкском курене (17)

В ходе переселения малороссийских казаков в Черноморию во внутренней части войска было основано еще одно Новотихеньское куренное (станция Новолеушковская). 27 мая 1824 года из Кролевецкого повета Черниговской губернии прибыло 22 семьи со старейшиной Степаном Макаренко (18).

Во все время нахождения в Екатеринодаре генерала А.П.Ермолова шла временами скрытая, а иногда и открытая дискуссия о путях расселения переселенцев. Генерал настаивал на водворении новых селений по берегу реки Кубани. В результате был найден компромисс, но закончился он долгим отчуждением тифлисского начальства от черноморцев. В результате вдоль Кубани в 1823 году договорились поселить 6 новых селений, но селить их в основном старожилыми казаками. Для этого решено было сделать особый вызов желающим поселиться на виду неприятеля. Таких оказалось 1224 семьи. Но накануне отъезда в Тифлис 19 ноября 1822 года Ермолов вручил генералу-майору М.Г.Власову, только что назначенному вместо Матвеева командующим Черноморской кордонной линией, подробнейшую инструкцию, которая заканчивалась словами «Распоряжение сие возлагаю собственно на ваше усмотрение и ответственность и остаюсь уверенным в успехе». В ней, в частности, говорилось: «Вновь поселяемые близ границы курени и вообще распространение старых куреней должны быть правильным образом, т.е. иметь площадь и улицы прямые и довольно широкие. В середине селения отнюдь не иметь садов и поэтому под строения и дворы отводить места умеренной величины, дабы слишком обширное поселение не отнимало возможности обороны. Сады не ближе должны быть как в 200 саж. От ограды селения и также прорезаны прямыми и широкими улицами. Со стороны, обращенной к Кубани, сады разводить не допускать. Селения должны быть огорожены и обнесены рвом, из которого земля присыпается к плетню. Таковым порядком располагать

все селения в Екатеринодарском и Таманском округах; в прочих же только наблюдать правильное расположение улиц, но сады иметь внутри и вокруг селений позволяется. Лес, нужный на обзаведение новопереселенцев, когда Кубань покроется льдом, можно вырубать на левом берегу оной, употребив достаточное количество войск в прикрытие и приличную осторожность; до того же доставить оный по речке Давидовке и с острова Кара-Кубань»(19).

С наступлением весны 1823 года куренные атаманы получили распоряжение отправить казаков, занесенных в списки переселяемых на границу в распоряжение командира 10-го Черноморского конного казачьего полка для совместной работы по постройке укрепленных куренных селений. В апреле началась на месте будущих Елисаветинского и Марьянского куреней, а в мае в остальных – Новомышастовского, Новоекатеринославского, Новоольгинского и Чернопротоцкого. По окончании строительства рва, частокола, ворот и площадок для орудий начали прибывать в семьи казаков.

В Елисаветинском курене было поселено 197 семей старожилых казаков из Тимашевского(90), Величковского (55), Кушевского (34) и т.д. куренных селений и к ним добавили 109 семей переселенцев.

В Марьянском курене поселили 185 старожильческих семей, из которых 132 семьи было из Роговского куреня и к ним подселили 123 семьи переселенцев.

В Новомышастовское куренное селение поселили 161 семью старожилых казаков и 292 – переселенческих. Здесь больше всего оказалось выходцев из Платнировского (43) и Поповического (41) куреней. Интересно отметить, что в Новомышастовском куренном селении поселилось 9 выходцев из Мышастовского куреня, которых тянуло на старое пепелище. Это семьи Каленика Черного, Федора Горбенко, Ивана Демченко, Афанасия Бабенко, Марка Пащенко, Ивана Рогового, Максима Остроуха, Григория Шевченко и вдовы Ефимии Черной. Скорее всего у них здесь на кладбище осталось много близких.

В селении Чернопротоцкое (станция Петровская) поселили 301 семейство старожилых казаков и к ним подселили 233 переселенческие семьи. Сюда из старых куреней прибыли примерно равные партии семей казаков Березанского, Брюховецкого, Медведовского, Деревянковского, Новонижестеблиевского, Старонижестеблиевского и других куреней (20).

Не все гладко оказалось в «проекте», авторы которого кавказские генералы руководствовались стратегическими, а не бытовыми

соображениями. Новоольгинское и Новоекатериновское куренные селения вскоре пришлось упразднить, так как каждый год по весне они полностью заливались вешними водами. А вот казаки Чернопротоцкого куренного селения, которые также по одному - двум месяцам жили в палатках и шалашах на близлежащих возвышенностях, ровно десять лет писали прошение о переселении на другое удобное место. Такое разрешение было получено в 1832 году (21).

Автор так подробно останавливается на каждом из куренных селений, основанных во время переселения 1821-1825 гг., потому что это, самая неразработанная страница в нашей кубанской истории. Часто у одной и той же основанной тогда станицы называются разные даты поселения. К примеру, такой выдающийся знаток Кубанского края, как Е.Д.Фелицын, составивший военно-историческую карту Северо-Западного Кавказа, где даны не только даты основания и наименования не только населенных мест, но и военных постов, существовавших в период 1774-1864гг., - не показывает на карте станиц, основанных в начале XIX века. Ф.А.Щербина глухо сообщает, что курени, основанные в период 2-го переселения малороссийских казаков (1821-1828), получили свои наименования в мае 1828 года.

Разгадка этого явления может быть только в одном – все 17 новонаселенных куренных селений, за исключением Новоелисаветинского и Новомышастовского, в первые десять лет своего существования имели другие, «неузнаваемые» сейчас наименования. А в топонимии нашего края происходило следующее: 31 августа 1824 года Черноморская войсковая канцелярия «...Между прочим заключила: как куренные селения Динское и Пластуниевское, Сергиевское и Платнериевское, Леушковское и Крылиевское, Дядьковское и Корениевское, Березанское и Батуриновское, учрежденные в войске тогда, когда в оных почиталось еще весьма довольное количество людей, поселены на здешней земле в одних местах: первые два при речке Кочетях, по правую сторону с размещением одними только Казачьими домами; Сергиевское и Платнериевское при речке Кирпилях, первое по левую сторону течения реки, а второе по правую; Леушковское и Крилиевское на Челбасах, Дядьковское и Корениевское при речке Бейсужку, а последние два на Великом Бейсуге с таким же разграничением, как Сергиевское и Платнериевское

Жители оных хлебопашеством, сенокосом, скотоводством и прочими довольствами на одной земле, имеют в каждах двух куренях по одной церкви, следовательно курени сии бывши в таком состоянии и после произошедшей разными случаями убыли, имея в себе малое

количество людей, весьма напрасно имеют каждый себе название и разграничения и поэтому дабы дать лучшую возможность в нарядах людей на службу и обеспечить жителей общественными пованностями, которые им теперь удвоятся; - оставить на будущее Динской и Пластуновский названием одним Пластуновским куренем; Сергиевский и Платнеровский – Планнеровским; Леушковский и Крыливский -Леушковским; Дядьковский и Коренивский – Коренивским и Березанский и Батурицкий - Березанским»(22)

Упреждая последующее распоряжение Черноморской войсковой канцелярии мы можем констатировать, что на пять лет в Черноморском казачьем войске исчезло даже упоминание исторических запорожских куреней, пришедших на Кубань в 1792 году, а именно: Батурицкого, Динского, Дядьковского, крыловского и Сергиевского.

Через три года, закончив хозяйственное устройство переселенцев на новом месте и заручившись одобрением будущих распоряжений по названиям от командующего войсками в Кавказской области, в Черномории и Астрахани генерала от кавалерии Г.А.Емануэля, Черноморская войсковая канцелярия собралась на заседание, чтобы навести порядок в наименованиях куренных селений. Прежде всего было подтверждено объединение десяти куреней в пять. Освободившиеся пять исторических запорожских наименования были даны: Батурицкий стал называться Великобейсугский курень, Динским – Новокочатинский, Дядьковским – Малобейсугский, Краловским – Новочелбасский и Сергиевским – Новокирпильский.

Наименование Нововеличковский получил Новоконурский курень, Новодеревянковский – Нижеалбашский, Новолеушковский – Новотихенский, Новоминской – Вышестеблиевский, Новомышастовский сохранил свое простонародное название и Ясенский получил название Новощербиновский.

И, наконец, Новоелисаветинский курень получил наименование Елисаветинский, Новомарьянский – Марьянский, Сосыцкий – Павловский, Чернопротоцкий – Петровский, а Новоекатериновский курень сохранил свое наименование (23).

Следует подчеркнуть, что жизнь в станицах, поселенных при реке Кубани, была отнюдь не безоблачной. У целой группы казаков 8-го Черноморского конного полка и 6-й Черноморской артиллерийской роты №6, награжденных Георгиевскими крестами (знаками отличия военного ордена Святого Георгия) в представлении записано: «...12-го октября 1823 года был при отражении закубанских черкес, прорвавшихся было чрез цепь границы в пределы Елисаветинского поста для

разорения вновь устраивающегося у онога селения». Это Белый Кузьма Сидорович (крест №45135), белый Федор Емельянович (№45134), Губа Семен Авраамович (№ 45136), Дубина Онофрей Андреевич (№45148), Каракай Василий Матвеевич из Екатиринодарского куреня (№45140), Кондруцкий Иван Григорьевич (№45132), Кордовской Александр Константинович (№45142), Ляшенко Андрей Данилович (№45141). Как видим, в данном конкретном случае черноморские старожилые казаки героически защищали селение, где были неприспособленные к таким делам жители. А что дело это было нешуточное, говорит сам факт такого количества наград. Обычно давали одну - две на одно громкое дело (24).

В целом, приспособление к новым условиям существования прошло успешно, и прибывшие из Малороссии казаки принимали участие в русско-персидской (1826-1828) и русско-турецкой (1828-1829) войнах.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ) Собр. 1. Том 37. СПб, 1830. Ст. 28241.

2. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т.II Екатеринодар, 1913, С.55

3. ПСЗ. Т.37. Ст. 28241

4. ГАКК. Ф.250. Оп. 2 Д.672. Л.10-11

5. Щербина Ф.А. Указ. соч. С.63

6. Кухаренко Я., Туренко А. Обзорение фактов о Черноморском войске. Екатеринодар, 1833. С. 200 (Рукопись. Ставропольская краевая научная библиотека им. М. Ю. Лермонтова).

7. Бентковский И.В. Заселение Черномории с 1792 по 1825 год. Екатеринодар, 1880. С. 92-93.

8. ГАКК Ф. 345. Оп. 1. Д. 174. Л. 38-41

9. Кухаренко Я., Туренко А. Указ. соч. С. 197, Щербина Ф. А. Указ. Соч С.63

10. Бентковский И.В. Указ. соч. С.99

11. ГАКК. Ф.250. Оп. 2. Д.493. Л. 15

12. ГАКК. Ф.345. Оп. 1. Д. 169. Л. 151-152, 147-149

13. ГАКК. Ф.345. Оп. 1 Д.37. Л.2-11; Д. 169. Л. 231-232

14. ГАКК. Ф.345. Оп. 1 Д.169. Л. 169-170.

15. ГАКК.Ф.250. Оп. 2. Д.473.Л.714-744; Д.169.Л.171-173,164-168

16. ГАКК. Ф.345.Оп.1 Д.169 Л.181-182

17. ГАКК.Ф.345.Оп.1. Д.169. Л.188-189, 193-196, 297-298.

18. ГАКК.Ф.345.Оп.1. Д.169.Л.251-252.

19. Бентковский И.В. Указ.Соч. С.102

20. ГАКК.Ф.250.Оп. 2.Д.473.Л.492-526, 440-472, 221, 843-889

21. ГАКК.Ф.250.Оп. 2 Д.672.Л.11

22. ГАКК.Ф.250.Оп. 2 Д.536.Л.1

23. ГАКК.Ф.249.Оп.1.Д.1397.Л.43-50

24. ГАКК.Ф.250.Оп.2.Д.906. Л. 287-288, 285-286, 292-293, 288-289, 423-424, 424, 438-439, 418-419, 429-431

**... ЕДИНАЯ РУСЬ «РАЗМЕТНУЛАСЬ НА ПОЛСВЕТА»:
ОСОБЕННОСТИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ
В ЗОНАХ СМЕШАННОЙ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ
КОЛОНИЗАЦИИ НА ЮГЕ РОССИИ**

После разъединения восточного славянства на исходе XX в. учеными неоднократно в обращениях к соотечественникам по обе стороны границы высказывалось тревожное предостережение, остающееся до сих пор не услышанным: «Необходимо уважать исторический выбор наших предков!» [1]. Своеобразно обосновал единство восточных славян писатель Н.В. Гоголь, отмечая наличие «обеих природ» в своей душе, «хохлацкой» и «русской» [2]. В его понимании единая и неделимая Русь «разметнулась на полсвета» [3].

Незадолго до революционных потрясений 1917 г., замечая наметившиеся центробежные тенденции, представлявшие тогда незначительную еще угрозу для целостности государства, русский ученый В.И. Вернадский с сожалением констатировал: «Мы недостаточно оцениваем значение огромной непрерывности нашей территории» и указал на то, что «добытая кровью и страданиями... истории», она «должна ... охраняться как общечеловеческое достижение ...». В ней он не без основания видел «первоисточник силы» не только восточного славянства, но и всех других народов, населявших пространства Российской империи [4].

Взаимосвязанность окраин с центром в ее пределах была иной, чем в колониальных империях Запада. В полемике по вопросу о правомерности применения колониальной типологии к российской иноэтнической периферии до 1917 г., А.В. Щербина в подтверждение наличия все же в отдельных случаях соответствующих признаков зависимости сослался на «пассивное торговое сальдо» империи с финляндской окраиной [5]. Однако оно, подчеркнем особо, доказательством служить не может, так как само преобладание ввоза товаров над вывозом не подтверждает существование колониального статуса.

Подобный неэквивалентный обмен прослеживался и между собственно русскими областями, где также не преодолевалось отрицательное «сальдо» для ряда удаленных от промышленных районов субъектов, другие, напротив, имели показатели более высокой развитости тех же капиталистических условий в земледелии. Кубанская область,

например, по количеству использовавшейся сельскохозяйственной техники, занимала в России второе место. По ее употреблению для аграрных нужд она опережала ту же Финляндию [6]. Но вряд ли кто-нибудь станет подвергать сомнению целесообразность нахождения таких субъектов как Кубанская область в едином государственном пространстве.

Конечно, Великое Княжество Финляндское имело совершенно иную степень сплочения с ним и оставалось вплоть до отделения в 1917 г. зоной двойственного цивилизационного тяготения, с ярко выраженным западным вектором, что и обусловило его вполне закономерное обособление, также, впрочем, как и Польши. Приведенные А.В. Щербиной факты преобладания ввоза на эту окраину на 62,7% по официальным источникам и 66,9% – по финским указывают все же на ее затратность для России [7].

Убыточность Финляндии и Польши подтверждает в воспоминаниях и генерал П.Г. Курлов, хорошо знавший по роду службы в царской охранке и как бывший губернатор западные административные ареалы империи. На них тоже тратились средства весьма ощутимые для бюджета [8]. На этих окраинах существовал более высокий жизненный уровень населения, а при колониальных порядках, замечу, такого не бывает. Обмен, даже если вывозы из метрополий превышали поступления товаров в них, неизменно обеспечивал странам Запада, владевшим зависимой периферией, в том числе Австро-Венгерской и Германской империям, огромные экономические преимущества. В России, в отличие от них, все как раз было наоборот [9]. В результате разнообразных послаблений стремление к «безубыточному владению ... окраинами» [10] в России оказывалось нереализованным и на них производились огромные затраты, возлагавшиеся на государственную казну. Не являлась колонией и Украина.

При образовании СССР в 1922 г. ей отошла вследствие допущенных геополитических просчетов немалая часть территорий (Курской, Воронежской губерний, Области Войска Донского и др.), издавна принадлежавших России. До сих пор даже те, кто этого не хотел бы, вынуждены признавать, что есть «традиционные регионы» на востоке и юге Украины, где «компактно проживают» русские [11], точнее «целые области с русским перевесом», с перемешанным населением, в составе которого не существует «нетерпимости между украинцами и русскими», а смешанные браки никто «смешанными» не считает и поэтому затруднительно «выбрать ... национальность из двух» [12].

Они сложились вследствие того, что на всем пространстве «от

Азова до Днестра», вошедшем в пределы России в разных сочетаниях в ходе упорной длительной борьбы с Турецкой империей в XVIII в. [13] и затем в XIX в. «от Днестра и до Кавказа» происходила совместная восточнославянская колонизация, сопровождавшаяся во многом идентичными этнополитическими процессами.

Перепись 1897 г. не подразделяла русский язык на самостоятельные ответвления. Он признавался совокупностью «... наречий великорусских, белорусских и малорусских». Сравнительное их изучение неизменно показывало ученым, разрабатывавшим проблему, наличие в прошлом для этих наречий единой первоосновы, «общей некогда всему русскому народу ...». Признавалось в этой связи существование «общерусской эпохи», когда русский язык был един, несмотря на сохранявшиеся местные внутриэтнические диалекты и «... на всем своем протяжении переживал общие явления». Даже накопившиеся несоответствия не смогли разрушить ее по ходу многовековой лингвистической эволюции и указывали, как признавалось тогда, на близость наречий между собой. В них выделялись и более мелкие части, поднаречия, представлявшие, несмотря на различия, некую целостность в контексте общего языкового комплекса. Различия же внутри его были неизмеримо меньше, чем у западных и южных славян [14].

Это связано, прежде всего, с тем, что складывание у последних этнических обособлений изначально происходило более замкнуто. Из-за этого для каждого отделившегося от целого родственного культурного поля усиление самобытности выступало приоритетной тенденцией в развитии. В восточнославянском этническом массиве взаимоувязанность, в том числе идеологическая (конфессиональная), напротив, была гораздо теснее, и условия к его разобщению появились гораздо позже. Наличие «великорусских, белорусских и малорусских» разделений в нем не прослеживается в X – XI в. [15], как и в последующие несколько столетий.

По верному, на наш взгляд, уточнению А.И. Солженицына «... народ наш разделился на три ветви лишь по грозной беде монгольского нашествия да польской колонизации». Утверждения же, что «чуть не с IX в. существовал особый украинский народ с особым нерусским языком», он назвал надуманными и фальшивыми [16]. Таким образом, «непризнание» самостоятельности существовавших в пределах этого массива диалектных несовпадений обуславливалось не «злым имперским умыслом», как утверждают некоторые исследователи, а состоянием научных представлений, к тому же, как мы видели, вовсе небезосновательных.

Об отсутствии каких-либо «великодержавных расчетов» в этом свидетельствует и то, что подобные представления существовали не только в России. Так, в 1848 г. галичане, находившиеся в составе Австро-Венгерской империи, называли свой национальный совет не иначе как «Головна Руска Рада» [17]. А участники «москвофильского» течения (И. Наумович, Д. Зубрицкий и др.), появившегося в 50-х гг. XIX в. в Восточной Галиции, также отрицали наличие у украинцев своей культуры. В этой части Австро-Венгрии в середине XIX в. даже официальная переписка велась на искаженном русском языке. В выпущенной же во Львове в 1857 г. «Народной педагогии» малороссы и закарпатские русины признавались неотъемлемой составляющей «единого российского народа». Этой версии в конце XIX в. придерживался и видный западноукраинский поэт-просветитель А. Павлович [18].

Ее подтверждали нередко и опросы самого украинского населения, особенно на территориях, входивших в состав России [19]. Примечателен в этой связи один из эпизодов в ходе нарастания революционного кризиса в 1905 г. В наиболее критический для империи момент Николаю II подали петицию с миллионом подписей из Волынской губернии, в которой излагалась глубокая обеспокоенность за судьбу России и содержалась просьба «сохранить самодержавную власть и не уступать своих прав Государственной Думе». Кроме того, волынцы с убежденностью заявили в адресе царю, что «... они не «украинцы», а русские ..., что любят родину» [20]. Точка зрения о национальном единстве восточного славянства разделялась на протяжении всего XX в., в отличие от отечественной историографии после 1917 г., и русской эмиграцией за рубежом.

Отстаивалась она, например, П.А. Сорокиным, профессором Петербургского университета, высланным из страны в 1922 г. и получившим в Америке признание в качестве основателя «научной социологии», подтверждением чему служит предоставленная ему возможность возглавить первую ассоциацию, объединившую ученых данного направления. Проведенные на протяжении многих лет изыскания позволили ему в 1967 г. вновь высказать суждение о том, что «русская нация состоит из трех основных ветвей русского народа – великороссов, украинцев и белорусов» и даже дать ее несколько более расширенное толкование. По мнению П. А. Сорокина, в нее также необходимо включать заимствовавшие русскую культуру или «ассимилированные этнические группы, входившие в дореволюционную Российскую империю и ... Советский Союз» [21].

Очевидно, что эта реальность являлась не следствием русификации, которая носила естественный характер и принудительно никогда не проводилась, а отражением исторической памяти, сохранявшейся у восточнославянского населения со времен Киевской Руси. После разъединения его в XIII в. при нашествии монголо-татар, с погрома которых берет отсчет превращение «Киевщины в Украйну» [22], и установлении контроля над западными русскими землями со стороны Литвы, а затем и Польши она под влиянием внешних воздействий ослабевала, претерпевала трансформацию, но, несмотря ни на что, окончательно не исчезла. Так, по признанию М. Павлык, автора книги «Москвофильство и украинофильство среди австро-русского народа», изданной во Львове в 1906 г., «толчки во всяком движении среди австро-венгерских русинов всегда исходили из России» [23].

Привлечение многочисленных свидетельств из различных источников в последние годы позволило поставить под сомнение сложившиеся в прошлом стереотипы о причинах восстановления единства восточного славянства в XVII в. и установить predeterminedность этого судьбоносного геополитического свершения этническим родством и единством веры. Это подтверждается, в частности, и в обращении Б. Хмельницкого к украинскому народу 8 (21) января 1654 г. в Переяславле: «Бог освободил нас из рук врагов нашего восточного Православия, хотевших искоренить нас так, что и имя русское не упоминалось в нашей земле» [24]. Второе, украинское самосознание, у присоединявшегося населения возобладало, видимо, уже на каком-то ином этапе развития. Преимущественно русскими считали себя и запорожские казаки [25], в том числе в момент переселения на Северный Кавказ, точнее, в его западную часть, в конце XVIII в.

Формировавшийся здесь на протяжении нескольких столетий и наиболее интенсивно во второй половине XIX в. восточнославянский этнический массив имел свои региональные особенности. Еще в середине этого века В.И. Даль при сборе сведений для толкового словаря заметил, что на всем южном пространстве страны, в которое входили, как известно, наряду с другими территориями северо-западные пределы края и все административные районы Новороссии, все больше набирала силу тенденция к «обрусению» культуры. Она находила выражение, помимо всего, в сложившемся уже к тому периоду «новороссийском» наречии, вобравшем в себя сросшиеся двойственные русские и украинские языковые компоненты [26].

В энциклопедическом издании «Россия» конца XIX в. под редакцией Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона особенности этого говора названы

«южновеликорусскими», с пояснением, что они отражают своеобразие колонизации окраин Московского государства преобладающей степени «из пограничных со степью местностей». Помимо Новороссии к ареалу распространения этого говора были отнесены также Область Войска Донского и Воронежская губерния [27]. Но более верным, на наш взгляд, являлось определение В.И. Даля. Отмеченная им двойственность могла появиться, несомненно, лишь при примерном численном равенстве русского и украинского колонизационных потоков или при незначительном преобладании одного из них, в противном же случае не получилось бы синтеза. Более поздние изыскания отечественных ученых также подтверждали, что по языковым компонентам можно установить происхождение миграционных составляющих [28].

Этническая их совместимость в свою очередь обусловила «обрусение» самосознания смешанного по составу населения. Такое совмещение восточнославянских диалектов с преобладанием общерусского консолидирующего начала прослеживается с самых ранних этапов заселения различных присоединявшихся пределов Европы, а затем и Азии [29]. Это вызывалось, как уже было отмечено, сохранявшейся со времен Киевской Руси исторической памятью, а также общими для империи процессами интеграции восточного славянства, видоизмененной лишь после 1917 г. Все наносное, накопившееся за века разъединения, отходило на вторые позиции или исчезало вовсе.

В пределах восточнославянского этнического поля, также как и на территории Новороссии, где во многом были сходные процессы, историческая кодификация самосознания и культуры для родственных имевших совместное прошлое колонизационных составляющих происходила преимущественно на общерусской основе и даже есть основание утверждать – с существенным преобладанием данной тенденции. Это находило и находит до сих пор выражение в соответствующей самоидентификации населения («мы украинцы, мы русские»).

Это со всей очевидностью подтверждает заключение В.И. Даля о слиянии восточнославянского населения в этих зонах смешанной колонизации в особую этнокультурную общность с наличием специфического языка, новороссийского наречия, и общерусского, как когда-то в Киевской Руси, самосознания. Сделанное им еще в середине XIX в., на наш взгляд, перспективное для дальнейшего изучения и разносторонней концептуальной расшифровки эмпирическое наблюдение не нашло, к сожалению, своевременного признания в других отраслях знаний. Оно не было учтено и при проведении в 1897 г.

переписи в Российской империи, опиравшейся во всех остальных аспектах на самые лучшие достижения отечественной и зарубежной науки. Новороссийское наречие в материалах этой переписи было статистически показано преимущественно как малороссийское, которое рассматривалось как разновидность русского языка [30].

После 1917 г. оно было ошибочно причислено к специфическому ответвлению украинского языка, а содержащиеся в нем русские языковые компоненты стали по незнанию относить на счет «русизмов». Однако, несмотря на наступившие перемены, население данных местностей продолжало разговаривать привычным способом. Его лингвистические особенности продолжали оставаться исходя из сложившихся представлений не понятыми. В ходе переписи 1920 г., проведенной с завершением наиболее крупных финальных эпизодов гражданской войны [31], и вследствие этого весьма неполной и неточной, население, говорившее на новороссийском наречии, было записано совершенно искусственно как украинское, что учитывалось при установлении пределов соответствующей «национальной» границы и административно-территориального деления при образовании СССР в 1922 г. Значительная часть Новороссии оказалась в составе Украины.

На основе записи национальности у какой-то части проживавших в бывших зонах смешанной восточнославянской колонизации, отошедших к Украине, наметилась перегруппировка самосознания, так как объективные исторические знания на этот счет, играющие, как известно, не последнюю роль в его становлении, отсутствовали, а существовавший пробел заполнялся в соответствии с утвердившейся эпохой искаженными теоретическими суждениями в понимании данной реальности. По этой же причине после ряда акций протеста закрепилось и новое восприятие пространства.

Временное правительство в 1917 г., как ясно теперь, на переговорах с Центральной Радой занимало более близкие к действительности позиции в вопросе о границе, предлагая автономию в пределах собственно украинских областей, вошедших в состав России по переяславским решениям 1654 г. и отчасти в другие периоды, с правом на проведение только в них соответствующей языковой и культурно-образовательной политики [32].

О том, что такой подход, исключавший радикализм, соответствовал интересам и большинства самого украинского народа, можно судить, в частности, по одному, но весьма характерному для прояснения ситуации в целом эпизоду, произошедшему вскоре после Февральской революции. При возвращении на Родину Г.В. Плеханов узнал от группы

попутчиков, малороссов по происхождению, находившихся в течение ряда лет в плену у немцев, что им предлагали «войти в организацию пленных малороссов, стоящих за отделение Украины от России», обещая увеличить за это «паек, ... давать менее изнурительную работу и лучшее вознаграждение». Но они и слышать не хотели «о такой сделке со своей совестью» и с огромным риском для жизни бежали из плена. При этом они пояснили, что русских считают своими братьями и признают лишь широкую автономию в составе России [33].

Эти настроения имели тогда весьма широкое распространение и сохранялись вплоть до окончания гражданской войны, показывая наличие нуждавшейся в реализации устойчивой тенденции. Так, «Украинский национальный комитет», имевший связи даже с Галицией, всецело стоял на позициях неделимости России, отстаивая для Украины в будущем лишь местную автономию. Входившие в него представители украинского народа признавали «гибельность самостийных течений», в их числе и движения под предводительством Петлюры, призывая к единению «русских сил» [34].

По записи № 62 заседания Юридического совещания от 13 июня 1917 г. можно с полным основанием констатировать, что Временное правительство не было противником украинской автономии. Оно настаивало лишь на соблюдении законных параметров при ее реализации органами власти всех уровней, включая обязательность волеизъявления народа путем всеобщего голосования и было против удовлетворения требований организации, полномочия которой сомнительны. Значительная часть населения даже собственно малороссийских губерний была в 1917 г., переломном и поэтому весьма показательном, против идеи автономии и украинизации. Из-за ставки именно на них и иные «этнические ценности», а в дальнейшем и выход из состава России Украинская Центральная Рада не получила поддержки местного самоуправления, наиболее широко отражавшего настроения масс, ни в одном городе Украины, в том числе и в Киеве [35].

Для ведения переговоров об автономии была создана комиссия из товарищей министра внутренних дел Н.Н. Щепкина и С.Д. Урусова, достаточно известных профессоров права С.А. Котляревского и Н.И. Лазаревского. Комиссия подготовила карту автономной Украины, согласно которой в ее состав могли войти только следующие губернии: Киевская, Волынская, Подольская, Полтавская и Черниговская. Таким образом, всего пять «собственно малороссийских» административных образований. По мнению современного крупного специалиста по проблеме российско-украинских отношений Д. Бондаренко, эти

пределы являлись «исторически и этнографически справедливыми», так как это именно та территория, которая вошла в состав России в разных пропорциях в 1654, 1793 и 1795 гг., и большинство населения ее составляли украинцы.

Слободская Украина и Донбасс принадлежали ей еще до воссоединения двух восточнославянских народов и имели, также как и Новороссия, смешанную заселенность с существенным преобладанием русскоязычного элемента. Отличало их, кроме того, то, что они изначально складывались как полиэтнонациональные субъекты империи, для каждого из которых русский язык и культура издавна служили скрепляющим и централизующим началом, своего рода устойчивым цивилизационным измерением. Население здесь не признавало власть Центральной Рады даже после большевистского переворота и ее III универсала, объявившего этот край территорией Украины. Оно смирилось с изменениями лишь под воздействием отмеченных выше обстоятельств, прежде всего при условии не нарушения целостности страны и государственно-политической интегрированности с Россией. В этой связи, можно сказать, Временное правительство защищало интересы всего русскоязычного населения губерний, где оно составляло большинство, и вполне оправданно, исходя из реальности, исключало их из предполагаемой «украинской автономии» [36].

Тем не менее, к сожалению, эти усилия оказались из-за нараставшего радикализма не реализованными, и, казалось бы, несбыточные замыслы при поддержке нового режима, руководствовавшегося уже иными представлениями по проблеме границ, оказались в значительной мере осуществленными. До сих пор Украина не представляет государства с устоявшимся этнополитическим единством. Для значительной части украинцев, например, И. Мазепа, изменивший России накануне Полтавской битвы 1709 г. и переметнувшийся на сторону шведов, по-прежнему является предателем, а его изображения на денежных знаках воспринимаются как издевательство над здравым смыслом, для какой-то части населения этой республики он выступает в качестве «героя и борца за идею национальной независимости».

Соответственно под таким же углом зрения, «предательства и целесообразности отдаления от Москвы», рассматриваются действия тех современных политиков, которые стремятся сделать Украину членом НАТО. Как показывают социологические опросы, в среде простого народа устойчиво сохраняется надежда на то, что разъединение с Россией носит временный характер. Единой остается и православная церковь, нравственные позиции которой в этом отношении остаются

пока не оцененными по достоинству. Выражая настроения верующих, священники этой конфессии по всей Украине, в том числе и в западных областях, продолжают нести службу, как и прежде, на русском и украинском языках, провозглашая перед началом молитв здравицы в честь патриарха «всёя Руси» Алексея II. Так что не исчезла еще «гоголевская» Украина и она, возможно, как показали последние президентские 2004 и парламентские 2006 г. выборы, со временем скажет свое веское слово для истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Заявление участников международной научной конференции «340 лет Переяславской Рады»// 340 лет Переяславской Рады. Международная науч. конф. Тезисы докладов Вып. 2. Донецк, 1994. С. 52.
2. Корнилов Д.В. Дух Переяславской Рады и общественно-политическая мысль Украины конца XIX–XX в. // Там же. С. 10.
3. Гоголь Н.В. Мертвые души. М., 1980. С. 241.
4. Вернадский В.И. Задачи науки в связи с государственной политикой в России // Научная мысль Кавказа. 1995. № 1. С. 9.
5. Щербина А.В. К вопросу о специфике Российской империи и имперского типа государственности (по материалам современных исследований) // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Общественные науки. 2004. № 3. С. 47.
6. РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 1. Д. 1706. Л. 43.
7. Щербина А.В. Указ. соч. (Подсчет мой.).
8. Курлов П.Г. Гибель Императорской России. М., 1991. С. 111.
9. Матвеев В.А. Северокавказская окраина Российской империи: колония или субъект единого Отечества // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Общественные науки. 2004. № 3. С. 36 – 42.
10. РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 147. Л. 203.
11. Удовенко Г.И. Народный Рух Украины в борьбе за власть // Независимая газета. 1999. 18 июня. С. 6.
12. Солженицын А. Как нам обустроить Россию: Посильные соображения. Л., 1990. С. 12.
13. Русская политика в восточном вопросе (Ее история в XVI – XIX в., критическая оценка и будущие задачи). Историко-юридические очерки С. Жигарева. М., 1896. С. 129.
14. Россия. Энциклопедический словарь (Б/и: Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А. СПб., 1898.). Л., 1991. С. 564.
15. Там же. С. 565.
16. Солженицын А. Указ. соч. С. 10.
17. Там же. С. 11.
18. Освободительные движения народов Австрийской империи. М., 1981. С. 202, 206.
19. Матвеев В.А. Переяславская Рада в исторических судьбах Украины и России // Посев. 1995. № 1. С. 94 – 100.
20. Шульгин В.В. Указ. соч. С. 96 – 97, 504, 510.
21. Сорокин П. О русской нации. Россия и Америка. Теория национального вопроса. М., 1994. С. 24.
22. Россия. Энциклопедический словарь ... С. 570.
23. Освободительные движения народов Австрийской империи ... С. 330.

24. Костомаров Н.И. Исторические произведения. Автобиография. Киев, 1989. С. 394.
25. Там же. С. 351 – 360.
26. Даль В.И. О наречиях русского языка // Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1989. С. 81.
27. Россия. Энциклопедический словарь ... С. 538.
28. Там же.
29. Там же. С. 566.
30. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г./ Под ред. Н.А. Тройницкого. Т. 65. Кубанская область. СПб., 1905. С. 60 – 61.
31. ГАРФ (бывш. ЦГА РСФСР).Ф. 296. Оп. 1. Д. 283. Л. 123-об.
32. Красный Архив. 1928. № 5(30). С. 51 – 55.
33. Плеханова Р. Год на Родине. Из воспоминаний // Диалог. 1991. № 8. С. 91.
34. Врангель П.Н. Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.). В 2 т. ч. 2. М., 1992. С. 345.
35. Бондаренко Д. Временное правительство и Украинская Центральная Рада: федерализация или распад государства? // Россия. XXI век. 1999. № 5. С. 151–153.
36. Там же. С. 156–158.

Т.П. Хлынина

УКРАИНИЗАЦИЯ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО КРАЯ: ЗАМЫСЛЫ И ВОПЛОЩЕНИЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ АДЫГЕЯ)

Пристальное внимание советского руководства к особенностям жизни и быта «разноплеменного» населения Северо-Кавказского края в конце 1920 – начале 1930-х гг. приняло характер массовых кампаний по «исключительно интенсивной работе среди национальных меньшинств» [1]. Таковыми, согласно общепринятой законодательной практике того времени, оказывались все те, кто «не относился к коренной национальности данного края, автономной республики, области» [2]. Помимо государственной заботы и материально-технической помощи им полагались и своеобразные формы административно-территориального устройства, находившие выражение в создании национальных районов, округов, сельских советов и призванные учитывать специфику «хозяйственного уклада, неизжитые еще остатки родовых и сословных отношений отдельных групп советского населения» [3].

Показательно, что наиболее распространенной формой учета специфики национальных меньшинств на Северном Кавказе стали нацменовские сельские советы, по выделению которых даже была

разработана специальная инструкция Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета. Согласно ей, «нацменовским населенный пункт, село, деревня, аул считается тогда, когда проживающее там население не менее половины количества семей составляют нацмены одной какой-нибудь определенной национальности». При этом особо отмечалось, что «если для выделения самостоятельного сельского совета необходимо не менее 300 человек, то для нацменовского сельского совета допускается исключение в сторону уменьшения этой цифры» [4].

Национальными меньшинствами в крае наряду с армянами, греками, немцами, шапсугами были признаны и украинцы, численность которых по данным переписи 1926 г. составляла 3.106.852 чел. [5]. Обретение нового статуса неизбежно сопровождалось и целым комплексом практических мероприятий, получивших наименование украинизации и включавших в себя перевод производственной документации на родной язык, коренизацию аппарата управления, открытие национальных школ и культурно-просветительных центров. Процесс украинизации, равно как и иные мероприятия, сопряженные с вовлечением национальных меньшинств в «русло социалистического строительства, находился в ведении краевых властей и курировался Советом Национальностей ВЦИК.

При Президиуме Северо-Кавказского исполнительного комитета была учреждена должность уполномоченного по нацменделам, которую в течение долгого времени занимал Хачатурян. В своей практической деятельности он, как свидетельствуют материалы фонда «Адыгейского областного исполнительного комитета», руководствовался «принципами национальной политики партии и советской власти», а также «директивами Президиума ВЦИК, Совета Национальностей СССР». Основными направлениями его работы в 1930 – 1931 гг. должны были стать: «поднятие и улучшение культурно-экономического и политического уровня нацменнаселения края»; «подготовка и переподготовка национальных кадров, создание промышленного пролетариата»; «проведение коренизации нацменрайонов и сельских советов, дальнейшее выделение самостоятельных административно-территориальных единиц из компактных по своему национальному составу населенных пунктов» [6].

Они предусматривали также созыв Краевого совещания уполномоченных Президиумов областных и окружных исполкомов по делам национальных меньшинств, повестка дня которого предполагала обсуждение и вопроса «о ходе работы по украинизации». Примечательно,

что во многих документах, исходящих от Северо-Кавказского краевого исполкома, осуществление украинизации связывалось со специальной комиссией. При этом работа среди остальных национальных меньшинств обходилась в организационном отношении силами куда более скромными, представленными самими уполномоченными [7]. Более того, создание нацменовских сельских советов, приобретшее с осени 1930 г. «сугубо политическое значение», не включало «в данную работу выделение украинских сельских советов», проводившееся на основе краевого плана украинизации [8].

Некоторая «обособленность» процесса украинизации от общей направленности «улучшения хозяйственного и социально-культурного положения национальных меньшинств» нашла свое отражение и в создании Краевого украинского научно-исследовательского института. Его организация связывалась «с политически важной задачей украинизации ряда районов на Северном Кавказе и изучением проблем их хозяйственного и культурного строительства» и должна была быть завершена к 1 июня 1931 года. Полностью развернуть его работу планировалось в 1932 г., а пока на «подготовительные нужды из краевого бюджета ассигновывалось 10 тыс. руб.» [9]. Институт был создан и приступил к «практической деятельности» в установленные сроки, в целях же «обеспечения его нормальной работы» Краснодарскому горисполкому предлагалось немедленно предоставить соответствующее помещение [10].

11 февраля 1930 г. Президиум Совета Национальностей ВЦИК СССР принял постановление «О практическом осуществлении национальной политики в Северо-Кавказском крае», где в частности отметил «ряд существенных недостатков работы краевого исполкома». В области украинизации им особо подчеркивалась необходимость «широкого обсуждения и популяризации намеченных мероприятий по украинизации среди рабочего и батрацко-средняцкого населения, как одного из важнейших мероприятий правильного разрешения национального вопроса в крае». Предлагалось создание «в центре Северо-Кавказского края, округах с украинским населением очагов национальной культуры – театров, библиотек, литературного объединения писателей-украинцев» [11].

Для широкого обсуждения принятого постановления и подведения итогов в области работы среди национальных меньшинств в первой декаде июня 1930 г. состоялось Краевое совещание уполномоченных по нацменделам. Оно признало правомерность нареканий со стороны вышестоящих органов власти и разразилось целым рядом резолюций,

в том числе и «По вопросу о ходе работ по украинизации советского аппарата в крае». В ней указывалось, что «несмотря на проведение некоторых подготовительных мероприятий по украинизации советского аппарата в отдельных населенных пунктах с украинским населением в Кубанско-Терском, Донском, Ставропольском и Черноморском округах, все же данные крайисполкомом директивы окрисполкомами не выполнены, в связи с чем намеченные 3-летним планом мероприятия на 29 – 30 г. фактически сорваны» [12].

В качестве причин срыва мероприятий государственной важности назывались обстоятельства сугубо личного свойства. К ним были отнесены: «отсутствие должных мер по борьбе с проявлениями великодержавного шовинизма и украинского национализма»; «отсутствие планов работы кооперативных организаций, не только не приступивших к проведению мер по украинизации, но и явно того не желавших»; «безучастность краевой и окружной печати, за исключением «Червонной газеты», не принимавшей никакого участия в украинизации». Основным же препятствием в осуществлении данного процесса называлась «позиция кулачества и украинской интеллигенции», которые «используют слабо проведенную украинизацию в своих классовых интересах, выступая в качестве ее поборников. Там же, где уже наметились сдвиги, выступают против нее, запугивая темные массы тем, что якобы украинизация проводится для того, чтобы держать эти массы в темноте» [13].

Первостепенными мерами по исправлению сложившейся ситуации признавались перевод делопроизводства в советах на украинский язык, приобретение учебных пособий для школ на родном языке, учет советского актива, владеющего украинским языком «из числа батраков, бедняков и середняков с целью их использования на руководящей работе» [14]. Еще одна резолюция касалась подготовки сельскохозяйственных кадров из украинцев, в качестве основного учебного заведения для которых был определен Славянский техникум. Характерно, что уже к концу 1930 г. ему удалось «украинизировать всех 160 учащихся, часть из которых украинцами не являлась» [15].

22 марта 1931 г. Президиум Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета рассмотрел вопрос «О ходе украинизации в Кушевском и Старо-Минском районах». По итогам заседания были приняты весьма резкие постановления, в частности, отметившие факты невыполнения районными исполкомами решений ВЦИК по «практическому осуществлению украинизации». В отношении Старо-Минского района обращалось внимание на отсутствие «хотя бы одного

украинизированного станичного совета и политпросветительского учреждения». В качестве неотложной меры по «экстренному выправлению сложившейся ситуации» к 1 июня 1931 г. предлагалось довести число украинцев районного аппарата до «не менее 65 %» [16].

Ревизия состояния дел по украинизации Кушевского района выглядела еще более угрожающей: работа со стороны исполнительного комитета признавалась «безобразно халатной» и «политически вредной». Причиной тому оказывалась идейно оправданная бездеятельность районной власти, полагавшей что «незнание литературного украинского языка самим украинским населением есть основание веское для невыполнения решений вышестоящей власти». В районе, где 78 % населения составляли украинцы, а из 18 украинских сельских советов только один (Шкуринский) перешел на «национальное делопроизводство», такое положение дел могло расцениваться и расценивалось только как катастрофическое [17]. Перед районным исполкомом ставилась крайне жесткая задача – завершить украинизацию всех станиц района не позднее 1 августа 1931 г., в случае же очередного срыва планового задания руководству грозили меры уголовного наказания [18].

26 августа 1931 г. Президиум Северо-Кавказского исполнительного комитета вернулся к рассмотрению принятых постановлений по этим районам. Отмечалось, что исполкомы добились вполне удовлетворительных результатов. Правда, их достижение оказалось связанным с «фактом роспуска Президиума Ново-Сергеевского стансовета и привлечением к уголовной ответственности руководства Старо-Минского ЕПО за игнорирование украинизации их аппарата» [19]. Однако именно с этого времени районы исправно назывались в числе передовых, чей опыт настоятельно рекомендовалось использовать в деле украинизации остальным районам [20].

Неоднократным предметом заботы краевого исполкома оставалась и работа Краснодарского и Ейского районов. Первый из них «имел все необходимые предпосылки для успешной украинизации в лице 80 % населения украинцев, а также грамотных народном языке» [21], авторой – «хорошую перспективу стать центром украинской культуры» [22]. Тем не менее, к концу 1931 г. только в 5 станицах Краснодарского района – Степановской, Андреевской, Красносельской, Копанской, Старой Корсунской – делопроизводство было переведено на украинский язык [23]. Перспектива же превращения Ейского района в «заповедный край украинского просвещения» желала оставлять лучшего. Проведенный в январе 1932 г. месячник по распространению украинской литературы

«выявил крайне неблагоприятное состояние украинизации района» [24]. 8 февраля 1932 г. Президиум Национального Совета крайисполкома рассмотрел вопрос «О состоянии украинизации и ходе месячника по продвижению украинской литературы в Ейском районе». В принятом по итогам обсуждения постановлении отмечалось, что районные органы власти не выполнили решения краевого исполнительного комитета об украинизации всех учреждений к началу 1932 г.

Выражая «всемерную озабоченность таким отношением к делу крайней политической важности», Национальный Совет предупреждал исполком, что «если украинизация не будет завершена в срок, то он будет вынужден возбудить вопрос о способности Ейского советского руководства к осуществлению национальной политики партии» [25]. Несколько позднее, уже в конце года, Национальный Совет вернулся к обсуждению вопроса «О работе книгоиздательских организаций по продвижению украинской литературы». В частности, было выяснено, что «проведение полной украинизации 20 районов Северо-Кавказского края, преподавание в массовых школах повышенного типа, рост коллективизации и ликвидация неграмотности предъявляют повышенные требования и другую литературу по хозяйственно-политической кампании на украинском языке». Тем не менее, крайсоюз план реализации украинской литературы выполнил на 31.1 %, что и послужило, по заключению Национального Совета, «причиной задержки украинизации в ряде районов» [26].

Национальный Совет указал и на необходимость понимания различий при работе «в районах, намеченных к сплошной украинизации, которых согласно плану насчитывалось 20, и в районах с преобладающим украинским населением», чье количество определялось «возможностями и настроениями местной власти». Различия заключались в том, что в первом случае украинизации подлежали все без исключения сферы хозяйственной и общественно-политической жизни населения, а во втором – только советский и партийный аппараты власти, делопроизводственная документация ряда учреждений и школьное обучение.

К сожалению, дальнейшие «следы» украинизации Северо-Кавказского края в документальных источниках, отложившихся в фондах Национального архива Республики Адыгея, обнаружить не удалось. Тем не менее, проанализированные материалы 10 дел фонда «Адыгейского областного исполнительного комитета» – переписка с Комиссариатом по делам национальностей, Северо-Кавказским исполнительным комитетом и его Национальным Советом – позволяют

сделать следующие выводы. Во-первых, процесс украинизации, хотя и был связан с «коренным улучшением хозяйственно-культурного обслуживания национальных меньшинств», только к нему не сводился. По своей наличной численности в крае украинцы являлись скорее национальным большинством, что собственно и предопределило необходимость создания особой комиссии и отдельного плана по работе с ними.

Во-вторых, в качестве особой заботы партии и советского правительства украинцы выступали только за пределами национальных образований Северного Кавказа, в самих же автономиях они практически повсеместно приравнивались к «великоросской народности». Так, в Адыгейской автономной области по данным Всероссийской переписи населения 1926 г. украинцы составляли 24.178 чел., представляя собою «третью по численности после черкесов и великороссов группу учтенных народностей» [27]. Однако национальным меньшинством им стать так и не удалось, несмотря на официальное «не отнесение» к коренной национальности области. Причиной чему, вероятнее всего, послужила «культурно-историческая близость к русскому населению», а также «преобладающая выраженность в ряде районов автономии» [28].

В-третьих, мероприятия в области украинизации свидетельствовали о попытках власти «закрепить» украинское население в районах его традиционного и давнего проживания, тем самым, придав ему статус если и не коренного, то, во всяком случае, старожильческого. И хотя первоначальные результаты украинизации были не совсем обнадеживающими, им, тем не менее, удалось сформировать представление о прочной взаимосвязи Северного Кавказа и Украины, близости и нерасторжимости судеб их народов.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Государственное учреждение «Национальный архив Республики Адыгея» (далее – ГУ НАРА). – Ф.Р. – 1. Оп.1. Д. 320. Л.19.

2. Там же. Л.31.

3. Там же. Л.52.

4. Там же. Д.320. Л.81.

5. Русские на Северном Кавказе в 20 – 30-е годы: Документы, факты, комментарии. Нальчик, 1995. С.35.

6. ГУ НАРА. – Ф.Р. – 1. Оп.1. Д. 320. Л.19.

7. Там же. Л.28.

8. Там же. Л.81.

9. Там же. Д.391. Л.11.

10. Д. 397. Л.53 об.

11. Там же. Д.320. Л.53.

12. Там же. Л.49.
13. Там же.
14. Там же. Л.49 об.
15. Там же. Л.62.
16. Там же. Д.391. Л.14.
17. Там же. Л.17.
18. Там же. Л.18.
19. Там же. Д. 397. Л.30, 30 об.
20. Там же. Л. 46.
21. Там же. Л.47.
22. Там же. Д.482. Л.35.
23. Там же. Д. 397. Л.46 об.
24. Там же. Д.482. Л.35.
25. Там же. Л.64 об.
26. Там же. Л.166.
27. Там же. Д.320. Л.4.

28. По данным той же переписи 1926 г. украинцы составляли: в Преображенском районе 6180 чел., в Хакуринохабльском – 8360 чел., в Натырбовском – 6.702 чел. «Прочие» же национальности, среди которых собственно и велась «нацменовская работа» насчитывали в совокупности 7.001 чел.

В.Н. Ракачёв

УКРАИНЦЫ НА КУБАНИ: ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ*

История Кубани теснейшим образом связана с украинским этносом. Первые переселенцы – запорожские казаки, попадают сюда в XVIII в., после официального присоединения правобережных степных пространств Кубани к России по Кючук-Кайнарджийскому мирному договору 1777 г. и Манифесту о присоединении Крыма, правобережной Кубани и Тамани 1783 г.

С этого времени здесь начинает формироваться украинская этнографическая группа, основу которой составили запорожские казаки и крестьяне украинских губерний, переселенные сюда для несения службы и освоения свободных территорий.

Активная миграция украинского населения на Кубань идет в течение всего XIX в., которое поселялось и осваивало преимущественно западные районы. Это обусловило тот факт, что до 1930-х гг. украинцы были самым многочисленным народом в регионе, в том числе и по

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 05-06-80306 «Народонаселение Кубани в XX веке: историко-демографическое исследование»

отношению к русским.

Данные о национальном составе населения Кубанской области за 1882 г. представленные в Кавказском календаре за 1886 г. указывают на тот факт, что 46,8% жителей области составляли украинцы, тогда как на долю русских приходился 41,0%, горцев – 9,73, немцев 1,3, армян – 0,6%, и т.д. (рис. 1).

Однако, качество статистических отчетов XIX в. оставляет желать лучшего, они отрывочны, зачастую неточны, что было связано как с частыми территориальными изменениями, так и со сложностями определения национального состава населения.

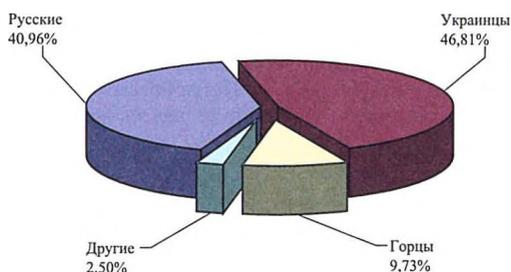

Рис. 1. Национальный состав населения Кубанской области на 1882 г.
Источник: Кавказский календарь на 1886 год. Тифлис, 1885. С. 191–192.

Один из наиболее точных подсчетов народонаселения Кубани был проведен в 1897 г. в рамках Первой всеобщей переписи населения Российской империи. Ее программа содержала ряд вопросов: пол; возраст; семейное состояние; сословие, состояние или звание; место рождения; место приписки; место постоянного жительства; вероисповедание; родной язык; грамотность и т.д. Однако, интересующего нас пункта о национальной принадлежности в переписи не было.

Отсутствие в переписи этого вопроса приводит нас к необходимости рассматривать национальную принадлежность по вопросу о родном языке. По переписи 1897 г. это язык, который опрошиваемый считал своим родным языком.

Компактное расселение и относительная замкнутость национальных групп проживавших на Кубани на рубеже XIX-XX в. позволяет соотнести данные по родному языку с национальностью, и дает возможность интерпретировать их как этническую принадлежность, признавая некоторую относительность и условность выводов.

В Кубанской области по данным переписи 1897 г. доля украинцев составляла 47,36%, и несколько превышала долю русского населения

(42,56%), причем почти половина всего украинского населения области проживала в двух западных отделах – Темрюкском (28%) и Ейском(22%).

В Черноморской губернии численность украинцев по материалам переписи 1897 г. составляла 16,9%, тогда как доля русских была здесь значительно выше – 42,8%. Таким образом, исторически сложилось так, что украинское население преимущественно селилось и численно преобладало в северо–западных районах Кубани. Однако шло постепенное смешивание этих групп. Это подтверждает известный краевед Б.Д. Городецкий, который писал, что «учесть их (казаков и иногородних) по двум группам – малорусской и великорусской, нет никакой возможности. Можно отметить, что преобладающим элементом являются малороссы, но малорусская речь сохранилась преимущественно у женщин, мужское население в большинстве говорит на русском языке. Чисто малорусское наречие преобладает в Таманском, Ейском и Екатеринодарском отделах» .

Представляет интерес распределение украинского населения по основным демографическим характеристикам. Так 92% украинцев Кубанской области и 72,1% Черноморской губернии были сельскими жителями, что было обусловлено природно-климатическими особенностями территории, благоприятными для сельского хозяйства.

Традиционно во всех районах, находящихся в процессе колонизационного заселения, мужское население, как более активное и предприимчивое, преобладает над женским . Поэтому естественно, что среди населения Кубани, в котором преобладал переселенческий элемент, долгое время значительной была доля мужчин. Однако с каждым годом росло количество местных уроженцев. Половой состав этой части населения строился по общим законам биологического соотношения полов, и постепенно половая структура населения выравнивалась. Но все же потребовался длительный период, чтобы нейтрализовать воздействие причин, определивших перевес мужской части населения.

Перепись 1897 г. зафиксировала момент, когда основная волна переселенцев уже осела, прочно обосновавшись на новом месте. Половой состав населения стал в большей степени определяться естественным приростом, чем результатом миграций. Но преобладание все еще оставалось на стороне мужской части населения.

Согласно данным переписи, у украинцев, проживавших в Кубанской области, соотношение полов было практически равным при незначительном преобладании мужчин – 50,3 против 49,7%.

В Черноморской губернии дисбаланс полов был особенно ошутим в силу того, что эта территория заселялась гораздо позднее и имела хозяйственную специфику. На 1000 мужчин у украинского земледельческого населения здесь приходилось 750 женщин. Однако, как видно на рис. 2, у ряда других этносов разрыв в численности мужского и женского населения был выражен еще сильнее.

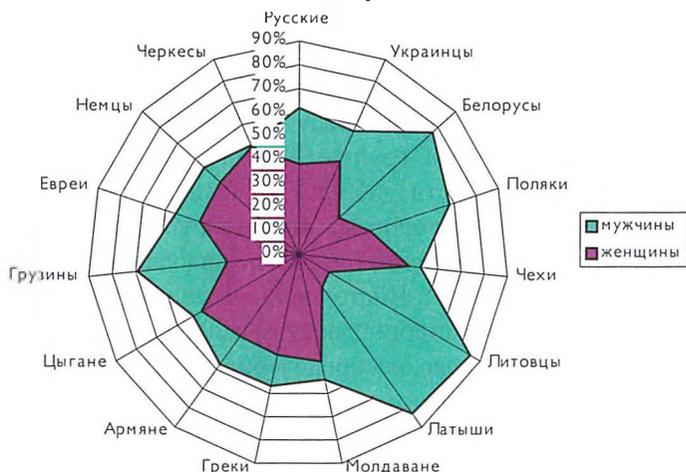

Рис. 2. Соотношение мужского и женского населения у отдельных национальностей Черноморской губернии в 1897 г. Рассчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 70.

Кубань в конце XIX–начале XX в. по-прежнему привлекает значительные массы переселенцев, при этом высокие показатели сальдо миграции сочетаются с высокими показателями естественного прироста. Действие этих факторов в совокупности привело к увеличению численности как всего населения региона, так и украинского населения. В данный период мигранты из украинских губерний были наиболее массовой группой среди переселенцев и пополняли преимущественно ряды иногороднего населения (табл. 1).

Место происхождения иногородних	Ейский Отдел	Лабинский отдел	Майкопский отдел
Южнорусские губернии	40,9	47,7	45,7
Украинские губернии	42,7	41,7	43,7
Районы Северного Кавказа	12,5	6,7	6,0
Прочие губернии	3,9	3,9	4,4

Источник: Население Кубанской области по данным вторых экземпляров листов переписи 1897 г. Екатеринодар, 1906. С. 518–538.

первая мировая война и последовавшие за ней Февральская, Октябрьская революции и Гражданская война существенно повлияли на социально-демографические процессы в стране. Радикальные социально-политические изменения первого десятилетия XX в. по-разному отразились на демографическом развитии регионов России. Кубань, будучи одной из территорий активного противостояния «красных», «белых», «зеленых» испытала в полной мере влияние всех этих факторов, изменивших демографические структуры.

Вследствие военных действий численности населения страны значительно уменьшилась, нарушилось соотношение полов, что негативно отразилось на процессах брачности, и не могло не сказаться на показателях рождаемости.

Кубань и в середине 1920-х гг. по-прежнему сохраняет статус одной из самых крупных и многонациональных территорий в стране. Население четырех округов Северо-Кавказского края, послуживших основой образования Краснодарского края, составляло в 1926 г. 3 038 052 чел.

Украинцы к 1926 г. остаются здесь самой значительной по численности этнической группой, составляя 45,48% жителей Кубани. За период с 1897 по 1926 гг. их численность в крае выросла на 73,95%, однако темпы ежегодного прироста были невысокими – 2,55%. В Кубанском и Черноморском округах, на их долю приходилось соответственно 61,48 и 35,66% населения. Значительная часть украинского населения сосредотачивалась в Армавирском (32,27%) и Майкопском (29,73%) округах.

Украинцы, как и большинство других народов Кубани, были преимущественно сельскими жителями. В Кубанском округе доля украинцев среди сельского населения составляла 66,58%. В Темрюкском районе в селе их проживало 86,98%, в Уманском (современный Ленинградский район Краснодарского края) – 85,12, Брюховицком – 82,76, Каневском – 84,54, Краснодарском – 83,92%.

Среди городских поселений округа выделялся Приморско-Ахтарск, где украинцы составляли более половины жителей – 64,46%. Значительно меньшей была доля украинского населения в административном центре Кубанского округа г. Краснодаре – 29,88%, в таких городах как Горячий Ключ – 34,94%, Темрюк – 26,17% и Тихорецк – 19,54%.

В Черноморском округе больший процент украинцев также отмечен в сельской местности – 43,96, тогда как в городах их проживало 22,45%. Значительное число украинцев на селе перепись зафиксировала в

Анапском (61,73%) и Геленджикском (49,93%) районах. Наименьшее число их проживало в Шапсугском национальном районе – 5,9% от всего населения района.

Незначительным был процент украинского населения в крупных городских поселениях Черноморского округа. Так в Анапе доля лиц данной национальности составляла 32,68%; Геленджике – 25,04, Новороссийске – 22,78, Туапсе – 17,03%.

Украинцы Армавирского округа компактно расселялись в сельской местности, составляя 34,68% от численности всего сельского населения округа. В Успенском районе их доля составляла 43,9% от всех жителей района, в Вознесенском – 42,83, Отрадненском – 41,72, Армавирском – 40,98, Кропоткинском – 31,47, Григориполиском – 39,12, Лабинском – 31,58, Курганинском – 21,97, и меньше всего в Петропавловском районе – 13,9%.

В городских населенных пунктах, таких г. Кропоткин и Армавир, доля украинцев составляла соответственно 35,48 и 23,66% от всех жителей.

В Майкопском округе украинцы составляли 29,73% населения (28,39% в городских поселениях и 31,36 в сельских).

Среди сельских местностей Майкопского округа наибольший процент украинского населения был отмечен в Хадьженском районе (47,6%), в Белореченском (41,64%) и Дондуковском (41,75%). Минимальный процент украинцев перепись зафиксировала в Армянском районе (5,4%).

Относительная численность украинцев, проживающих в Майкопе (помимо него к городским поселениям относился только п.г.т. Майкопские нефтепромыслы с числом жителей 2 851 чел.), составляла 28,57%, что примерно соответствовало показателям по Краснодару, Армавиру и Новороссийску.

Таким образом, украинцы, жившие на территории перечисленных четырех округов, были в большинстве своем сельскими жителями и проживали практически на всей территории.

Значительный удельный вес украинцев и абсолютный численный перевес обусловили проведение на Кубани в 1920-х гг. в период коренизации политики «украинизации».

В годы «украинизации» (1926–1932 гг.) на Кубани более чем в 400 школах велось преподавание на украинском языке, в Краснодаре выходили украинские газеты, в Пединституте существовало отделение украинского языка и литературы, работал украинский театр, краевое радио транслировало украинские передачи. Педтехникумы в станицах

Полтавской и Уманской готовили украинские учительские кадры для всего Северного Кавказа .

Политика коренизации, развитие национальных районов стимулировало развитие национальной культуры, способствовало сохранению традиций, развивало навыки самоуправления. Представители этнического меньшинства активно привлекались для работы в учреждениях госаппарата. Однако подобная практика была недолгой и не получила должного развития.

В то же время реальные этнокультурные процессы протекали в другом направлении. Как показывает анализ материалов переписи 1926г., понятия народности и родного языка в некоторых случаях оказывались несовпадающими. В одном из выпусков «Кратких сводок» материалов переписи обращается внимание «на явление, обнаруженное переписью, в особенности по Северо-Кавказскому краю, резкое превышение доли населения, показавшего своим родным языком русский язык, сравнительно с учетом по народности, повышения за счет, главным образом, украинцев и частью белорусов...» .

Действительно, на Кубани по данным переписи 1926 г. значительная часть населения отнесенная к украинцам считала родным русский язык (по трем округам, около 32%)

В Кубанском округе, где абсолютное большинство населения (61,5%) составляли украинцы, численность лиц с украинским языком падала до 49,0% прежде всего за счет повышения русскоязычных. Отмеченная тенденция – сокращение численности украиноязычных по сравнению с численностью украинцев по национальности, в меньшей степени, но так же имели место в трех других округах: в Армавирском украинцы составляли 32,9% населения, украиноязычные – 8,0%; в Майкопском – соответственно – 28,6% и 10,6%; в Черноморском – 35,7% и 17,4% .

Это можно объяснить в значительной степени разным подходом при проведении переписей. Именно на Северном Кавказе и на Кубани, в частности, критерии определения национальностей могли восприниматься и трактоваться по-разному . При этом для значительной части населения Кубани был характерен в 1926 г. один немаловажный штрих – число лиц, для которых русский язык был родным, значительно превышало число русских по этнической принадлежности. То есть для многих людей, назвавших себя в переписи 1926 г. украинцами, родным языком был русский.

Обозначенная тенденция в последующие годы получила дальнейшее развитие. В итоге данные переписи 1939 г. зафиксировали уникальную

в своем роде с точки зрения этнокультурных и этнодемографических процессов ситуацию: за межпереписной период на 86,5% увеличились численность русских на Кубани, тогда как численность украинского населения уменьшилась на 89,2% (рис. 3).

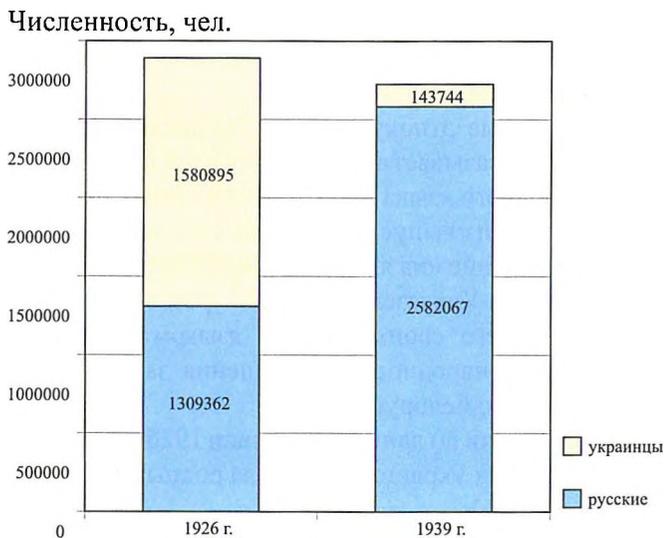

Рис. 2. Соотношение численности русского и украинского населения в 1926 г. и 1939 г. Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1928. Т.5; Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. М., 1992.

Целый комплекс факторов самой различной природы определили как общее сокращение численности населения региона, так и отдельных национальных групп в его составе. Прежде всего, это последствия коллективизации, репрессий, голода, когда сокращение местного населения (преимущественно украинского), компенсировалось массовыми миграционными потоками из южнорусских и центральных областей России, из Ростовской области и Ставропольского края для того, что бы заселить опустевшие станицы. В массе своей и этот миграционный поток в этническом плане был русским.

С другой стороны, быстрый рост численности и удельного веса русских и сокращения украинцев среди населения Кубани в 1930-е гг. обусловлен и таким обстоятельством, как продолжающиеся процессы ассимиляции основной части украинцев, которые до 1930-х гг., перейдя на русский язык как родной, вероятно еще сохранили свое этническое самосознание, а в 1930-е гг. сменили его на русское, т.е. происходил

процесс этнической конверсации.

По мнению В.М. Кабузана, это уникальное явление в истории. «Украинский этнос, некогда преобладавший над русским в этом регионе, полностью утратил здесь свои позиции, причем даже на территории бывшей Земли Войска Черноморского, где доля русских была невелика и украинцы были почти единственными жителями. Около 2 млн чел. украинской национальности сменили здесь свое этническое самосознание на русское» .

В дальнейшем доля украинцев в составе населения края была незначительной. Однако, вплоть до 1990-х гг. они были вторым после русских по численности этносом в крае.

За два десятилетия с 1939 по 1989 г. удельный вес русского населения в крае повышался и составил к 1989 г. 90,9%. Доля украинцев уменьшилась с 4,9 до 3,9%. В течение 30 последующих лет украинцы устойчиво сохраняли тенденцию к сокращению относительной численности, при небольшом абсолютном приросте. Незначительное увеличение их доли в составе населения края наметилось к концу 1980-х гг. (табл. 2).

Таблица 10

Доля украинского и русского населения в составе населения Краснодарского края по данным переписей 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг.

Год переписи	1939	1959	1970	1979	1989
русские	88,1	90,9	89,8	89,2	86,7
украинцы	4,9	3,9	3,8	3,6	3,9

Наиболее кардинальные изменения в численности и размещении народов в Краснодарском крае происходят с конца 1980-х гг. Доля украинцев в составе населения края составила – 3,94%. Украинцы, в этот период проживают во всех городах и районах края. Наибольшая их концентрация наблюдается в горсоветах: Краснодарском – 14,25%, Сочинском – 12,03, Новороссийском – 7,11, Армавирском 3,41, Геленджикском– 2,3% от численности всех украинцев края . Можно отметить, что произошло перераспределение украинского населения по территории края, их численность существенно увеличивается в тех районах и городах, которые прежде не являлись местами их традиционного расселения.

Таким образом в 1989 г. в полиэтничной структуре населения Краснодарского края, как и прежде, доминирующим этносом являлись русские, вторая позиция сохранялась за украинцами. По итогам

естественного и механического движения населения в период с 1989 по 2000 гг. численность украинцев в крае увеличились на 8,03%, однако они переместились со второй позиции на треть, уступив это место армянам, доля которых к 2000 г. в крае составила 4,83% против 3,96% у украинцев.

По данным переписи 2002 г. относительная численность украинского населения в крае еще более сократилась и достигла показателя 2,57%. В целом численность украинского населения в крае за период с 1989 г. по 2002 г. сократилась на 27%.

Вплоть до конца 1950-х гг. Кубань оставалась территорией с преобладающим сельским населением. Согласно данным переписи 1926 г. сельское население Кубани составляло 15,9%, городское – 84,1%. Подавляющая часть украинцев (90,9%) проживала в сельской местности.

Темпы урбанизации на Кубани были невысокими. Перепись 1939 г. зафиксировала в крае 24,8% городского и 75,2% сельского населения. Процент горожан среди украинцев в крае был несколько выше общекраевых показателей и составлял 27,9%, сельского населения соответственно 72,1%. Городское население в крае росло медленными темпами и только к концу 1907-х гг. перевалило за половину. Динамика роста городского населения у украинцев несколько опережала краевые показатели. Так в 1959 г. доля горожан в крае составила 39,4%, у украинцев – 49,1%, в 1970 г. – 47 и 57,4%, в 1979 г. – 51,3 и 59,2% соответственно. К 1989 г. доля горожан у украинцев составляла 60,26, сельских жителей – 39,71 %.

Преимущественно в 1980-90-е гг. более быстрыми темпами росло население в сельской местности. На 4,32% выросло украинское население в городе и на 13,58% в селе.

Несмотря на активные процессы урбанизации доля городских жителей среди украинцев по данным переписи 2002 г. несколько снизилась по сравнению с показателями 1989 г. и составила соответственно 57,7. Сельское население в свою очередь увеличилось до 42,3%.

Если до революции и гражданской войны у украинцев как и у большинства народов проживающих в крае отмечалось преобладание мужского населения, то в результате действия данных факторов ситуация существенным образом изменилась. Согласно материалам переписи 1926 г. у украинцев на 1000 мужчин приходилось 1096 женщин, у русских – 1112, тогда как в среднем по краю 1085.

По данным переписи 1939 г. доля мужского населения среди украинцев значительно превышала краевые показатели и составляла

54,5%.

Вследствие войны, репрессий, депортаций увеличилась диспропорция между полами у многих народов Кубани, что в свою очередь зафиксировала перепись 1959 г. Однако и в последующие годы перевес женского населения сохранялся (табл. 3).

Таблица 2
Соотношение мужчин и женщин у народов Кубани в 1959–1979 гг., %

Народы	1959 г.		1970 г.		1979 г.	
	мужское	женское	мужское	женское	мужское	женское
Все население	44,32	55,68	45,12	54,88	45,54	54,46
Русские	43,77	56,23	44,58	55,42	45,1	54,9
Украинцы	48,78	51,22	48,53	51,47	46,89	53,11

В 1989 г. украинцы в крае относятся к числу народов с преобладанием женского населения, которое составляло 55,28%. В дальнейшем диспропорция полов увеличивается, что обусловлено, прежде всего, факторами социально-экономического характера. По данным переписи 2002 г. женское население у украинцев Краснодарского края составило 57,1%, тогда как доля мужчин снизилась до 42,9%.

Демографическое развитие разных народов определяют, с одной стороны исторически сложившиеся традиции и особенности национального характера, своеобразие региональных социально-экономических условий еще продолжает, с другой, процессы в которые в той или иной степени оказались втянуты все народы страны: это активные территориальные перемещения, формирование однотипных ориентаций в вопросах быта и образа жизни, семьи.

В период с 1959 г. по 1979 г. усилились процессы перехода представителей других народов на русский язык. Высокие темпы процессов смены родного языка были у украинцев. Доля лиц с родным языком украинским за указанный период снизилась с 46,2% до 41,4% .

Нужно отметить что ситуация в языковой сфере в целом складывалась достаточно специфически. Несмотря на значительный процент украинского населения, традиционно проживавшего на территории Кубани, многие из тех, кто имел украинские корни зачастую идентифицировали себя с русскими, или с казачеством. То есть важную роль в этнической идентификации для жителей Кубани играла не национальная, а сословная принадлежность предков, или же при определении национальности решающим становится место рождения

или район длительного проживания. Кроме того, большое влияние на развитие этого процесса имело так же и то, что официальным языком на Кубани всегда был русский язык. И хотя в дореволюционные годы и в первые десятилетия Советской власти наряду с русским на Кубани издавались украинские газеты и журналы, а в начале 1930-х гг. в школах на некоторое время вводилось обучение на украинском языке, влияние украинского на широкие массы населения было слабее, чем влияние русского языка.

В 1980-90 гг. доля лиц с родным языком своей национальности у украинского населения Кубани не превышала половины. В 2002 г. процент владеющих русским языком среди украинцев края составил 99,89%, тогда как доля владеющих украинским среди всех жителей края составляет 1,55%.

Таким образом, приведенные выше данные свидетельствуют об активном процессе сближения различных групп русского и украинского населения, переселявшихся на Кубань в разное время. Разнородность этнического состава населения в значительной степени определяла сложный процесс формирования культурно-бытовых особенностей населения края, неотъемлемой частью которого является украинский элемент.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Городецкий Б.М. Очерки по Кубановедению // Кубанская школа. 1915. № 3. С. 175.

2. Казьмина О.Е., Пучков П.И. Основы этнодемографии. М., 1994. С. 113.

3. Учитывая тот факт, что территории составившие в 1937 г. Краснодарский край, по административно-территориальному делению 1926 г. входили в состав Северо-Кавказского края, была сделана выборка районов вошедших в Краснодарский край. Понимая условность подобного демографического подсчета, автор, однако, считает этот метод более оптимальным при расчете этнического состава населения Кубани в 1926 г. Таким образом, были взяты 4 округа – Армавирский, Кубанский, Майкопский и Черноморский. Вместе с тем при подсчете не учитывались территории из Армавирского округа отошедшие впоследствии к Карачаево-Черкесской АО и Ставропольскому краю: г. Баталпашинск и районы Баталпашинский, Каменобродский, Невинномысский, Новоалександровский. И, соответственно, учитывались территории вошедшие впоследствии в состав края: из Донского округа – г. Ейск и районы Ейский, Кущевский, Староминской, из Сальского округа – Белоглинский район.

4. Здесь и далее по тексту приводятся данные рассчитанные по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1928. Т. 5. С. 57–62, 71–81, 96–100.

5. Справка «Об украинских культурных обществах Кубани» председателя Общества украинской культуры Кубани Н.А. Тернавского.

6. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 года. Краткие сводки. М., 1928. Вып. 4. С. 5.

7. Там же.

8. Кубанские станицы. Этнические... С. 32.

9. Население России в XX в... Т. 1. С. 27.

10. Казьмина О.Е., Пучков П.И. Основы этнодемографии. М., 1994. С. 113.

11. Кабузан. В.М. Указ. соч. С. 112–113.

12. Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1979 г. Распределение населения по национальности и родному языку по Краснодарскому краю... ; Всесоюзная перепись населения 1979 г. Распределение населения по национальности и родному языку по Адыгейской АО... ; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Распределение населения по национальности, родному языку по Краснодарскому краю... ; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Распределение населения по национальности по Адыгейской АО...

13. Там же.

14. Там же.

15. Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Распределение населения по национальности, родному языку и второму языку народов СССР по Краснодарскому краю... ; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Распределение населения по национальности, родному языку и второму языку народов СССР по Адыгейской автономной области...

16. Рассчитано по: Распределение населения Краснодарского края по национальности и родному языку на 1959 г. // ГАРФ. Ф. Р–1490... ; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г... ; Национальный состав населения Краснодарского края по данным Всесоюзной переписи населения на 17 января 1979 г...

17. Кубанские станицы. М., 1967. С.33–34.

Е.Ф. Кринко

КЕРЧЕНСКО-ФЕОДОСИЙСКАЯ ДЕСАНТНАЯ ОПЕРАЦИЯ: ПОДГОТОВКА, ПРОВЕДЕНИЕ, ИТОГИ

Историю России и Украины, Кубани и Крыма тесно связывает совместное боевое прошлое, одной из самых героических и одновременно трагических страниц которого является Керченско-Феодосийская десантная операция во время Великой Отечественной войны [1]. Она проходила с 25 декабря 1941 г. по 2 января 1942 г., будучи составной частью контрнаступления Красной Армии в зимней кампании 1941 – 1942 гг. Большая часть территории Крыма была захвачена войсками вермахта еще в октябре – ноябре 1941 г., упорное сопротивление продолжали оказывать лишь защитники Севастополя, но 11-я армия генерала Э. фон Манштейна готовилась нанести по ним последний удар.

В середине декабря Ставка Верховного Главнокомандования утвердила представленный командованием Закавказского фронта (командующий – генерал-лейтенант Д.Т. Козлов, начальник штаба – генерал-майор Ф.И. Толбухин) план десантной операции на Керченский полуостров, внося в него поправки, предложенные командованием Черноморского флота. Замысел советского командования заключался

в высадке войск в районе Керчи и в Феодосийском порту с целью окружить и уничтожить керченскую группировку противника, в дальнейшем предполагалось развить наступление вглубь полуострова, деблокировать войска Севастопольского оборонительного района и полностью освободить Крым. Для операции привлекались войска 51-й (генерал-лейтенант В.Н. Львов) и 44-й (генерал-майор А.Н. Первушин) армий Закавказского (с 30 декабря 1941 г. – Кавказского) фронта, подчиненного ему в оперативном отношении Черноморского флота (вице-адмирал Ф.С. Октябрьский) и Азовской военной флотилии (контр-адмирал С.Г. Горшков).

Советская группировка включала 8 стрелковых дивизий, 2 стрелковых бригады, 2 горнострелковых полка и другие части, 198 орудий, 256 минометов, 43 танка. Прикрытие с воздуха обеспечивали около 500 самолетов фронтовой авиации и 161 самолет Черноморского флота. Но 2/3 самолетов были устаревших конструкций, скоростных истребителей и бомбардировщиков насчитывалось не более 15 %. При этом основная часть самолетов базировалась на удаленных от района боевых действий аэродромах Кавказа – в Моздоке, Сальске, Тихорецке, Армавире, Ставрополе. На море поддержку оказывали свыше 250 кораблей и судов, включая 2 крейсера, 6 эсминцев, 52 сторожевых и торпедных катера. Общая численность участников операции составила 82,5 тыс. чел., что позволяет считать ее самым крупным советским десантом в истории Великой Отечественной войны.

Основные силы противника в Крыму были сконцентрированы под Севастополем, на Керченском полуострове находилась группировка, включавшая 46-ю пехотную дивизию, 8-ю румынскую кавалерийскую и 4-ю горнострелковую бригады, 2 танковых батальона, 2 полка полевой и 5 дивизионов зенитной артиллерии. Численность войск противника составляла 25 тыс. чел., 180 орудий, 118 танков. С воздуха их прикрывали около 100 самолетов 2 авиагрупп. Для обороны противник создал многочисленные опорные пункты, особенно хороша была укреплен Феодосия. Для блокады осажденного Севастополя с моря на подходе к нему действовали 2–3 немецкие подводные лодки и до 20 торпедных катеров. В Керчи и Феодосии противник кораблей не имел, минные заграждения были выставлены только в Феодосийской бухте. В целом, советский военный флот имел преимущество на Черном море.

Основным плацдармом для подготовки Керченско-Феодосийской операции стала Кубань. Оперативная группа Закавказского фронта располагалась в Краснодаре, оперативная группа штаба Черноморского флота и командование 44-й армии – в Новороссийске, командные пункты

51-й армии и подчиненной ей Азовской флотилии – в Темрюке. Главный удар наносила 44-я армия в районе Феодосии, вспомогательный – 51-я армия в районе Керчи. Высадку войск планировалось провести 2 эшелонами на фронте в 250 км одновременно в нескольких пунктах. Для этого соединения 44-й армии сосредоточивались в Новороссийске, Анапе и Туапсе, 51-й армии – в Темрюке, Тамани и Кучугурах. С учетом отсутствия опыта организации подобных операций, вся подготовка к ней осуществлялась в обстановке глубокой секретности, не только рядовые, но и командиры не знали пунктов высадки, планы десанта были известны только строго ограниченному кругу лиц. В результате даже после высадки советских войск на Керченский полуостров противник сначала расценивал ее как отвлекающий маневр.

Операцию назначили на 21 декабря, срок подготовки был предельно сжат, и личный состав 44-й и 51-й армий, ранее не участвовавший в десантах, усиленно обучался приемам ведения ближнего боя, тактике захвата и удержания плацдармов. Поскольку равнинное западное побережье Таманского полуострова легко просматривалось противником, учения проходили только в темное время суток. Со значительным напряжением работали и тыловые службы, от которых требовалось в самое короткое время снабдить корабли, авиацию и десантные части боеприпасами, горючим, продовольствием, инженерно-техническим и спасательным имуществом. Между тем, в портах Таманского полуострова не было подъемных кранов, отсутствовали необходимые десантные суда для перевозки танков, орудий и другой тяжелой боевой техники. По указанию командующего Черноморским флотом в Туапсе и Новороссийске, наряду с боевыми кораблями, были сконцентрированы суда Черноморско-Азовского пароходства – 10 пароходов и 7 теплоходов. Азово-Черноморская рыбацкая флотилия выставила для переброски десанта 54 самоходных судна, 12 плашкоутов, две баржи и 210 байд, использовались также суда Доно-Кубанского речного пароходства, находившиеся в таманском и темрюкском портах. Кроме этого, командование мобилизовало все плавучие средства населения Тамани, что дало еще 300 судов. На гражданских кораблях проводились подготовительные работы: определялись мощность подъемных средств и уровень осадки, изготавливались приспособления для перевозки тяжелых грузов свыше 40 т [2].

Однако осуществить операцию вовремя не удалось из-за начавшегося 17 декабря немецкого наступления на Севастополь. Используя преимущество в силах, а также фактор внезапности, противнику удалось подавить ряд батарей береговой артиллерии и,

несмотря на ожесточенное сопротивление советских войск, прорвать с севера их оборону. Чтобы не потерять Севастополь, советскому командованию пришлось срочно перебрасывать к нему подкрепления из числа сил, готовившихся к десанту. 21 декабря из Новороссийска прибыла 79-я бригада морской пехоты, за ними из Поти и Туапсе переправились еще 2 стрелковые дивизии и другие части, позволившие отбить наступление противника [3]. В результате сроки десанта на северное и восточное побережье Керченского полуострова были перенесены на 26 декабря, а высадка в Феодосию откладывалась до 29 декабря, в связи с ожиданием возвращения кораблей Черноморского флота из Севастополя. По словам наркома Военно-Морского Флота адмирала Н.Г. Кузнецова: «Противник, вероятно, догадывался о возможности высадки десанта в Феодосию, но, судя по всему, к этому времени уже перестал опасаться его, увидев, какие значительные силы нам пришлось отвлечь на севастопольское направление. Однако он просчитался» [4].

Перед началом операции в самом сложном в навигационном отношении месте – мелководной Тузлинской промоине – черноморские гидрографы поставили в качестве ориентира 2 катера, по намеченному маршруту выставлялись буи и вежи. Для проводки судов через промоину были назначены 9 опытных лоцманов. Обойти косу Тузла с севера мешали вражеские батареи, установленные на берегу Керченского полуострова. Значительные усилия приложили работники новороссийского морского порта: 10 крупнотоннажных транспортов одновременно, примерно за три часа, были загружены вооружением и боеприпасами, причем погрузка производилась под покровом темноты, а трюмы в целях светомаскировки освещались лампами синего цвета, установленными в картонные колпаки. Вместе с военными транспортами на места высадки десантов отправлялись лучшие бригады и грузчики порта. «Героика работы портов и судов по обеспечению нужд наступающих крымских армий, – говорилось в отчете Черноморско-Азовского пароходства за второе полугодие 1941 г., – является настолько присущей всему флоту бассейна, что трудно выделить лучших. Любое судно, любой порт, не считаясь с трудностями и риском, самоотверженно выполняли и продолжают выполнять любое задание командования» [5].

Существенно осложнил десантирование сильный шторм, разыгравшийся как раз в ночь на 25 декабря в Керченском проливе. Сила ветра достигала 8–9 баллов, рыболовецкие шаланды, сейнеры, мотоботы, баркасы и шлюпки в такую погоду были малопригодны для переброски войск. Кроме того, у берега образовалась кромка льда,

препятствовавшая подходу судов, а те не имели средств для выгрузки тяжелой техники и высадки войск на необорудованный берег. Большие трудности возникли и с использованием авиации. Близлежащие кубанские аэродромы к началу операции оказались неподготовленными, размокшие от дождей посадочные площадки не позволяли принять самолеты с тыловых аэродромов, а часть авиации Черноморского флота прикрывала войска, оборонявшие Севастополь. В итоге в операции участвовало гораздо меньше самолетов, чем планировалось, завоевать господство в воздухе над районами высадки не удалось.

Тем не менее, десантная операция началась. С 12 ч 30 мин. до 16ч. 40 мин. из Темрюка, Пересыпи, Кордона Ильич отчалили 4 отряда Азовской военной флотилии с задачей ударом с севера овладеть Керчью; пятый отряд вышел в море в 22 ч из Кучугур, направляясь к западной окраине Керчи. Для достижения внезапности высадка планировалась без артиллерийской подготовки, транспорты вооружались собственной артиллерией, которая устанавливалась на палубе. Почти 120 км пришлось преодолеть судам в бушующем море. Начальник штаба Азовской военной флотилии А.В. Свердлов в своих воспоминаниях так описал невероятные трудности десанта: «Рвались буксирные тросы. Мелкие суда заливало водой. Льдинами проламывало борта. Моряки и десантники бушлатами и ватниками затыкали пробоины, котелками и касками вычерпывали воду» [6].

Штормом разметало суда, сорвало часть ограждений на Тузлинской промоине. Под градом пуль, разрывами снарядов, мин и бомб десанникам пришлось прыгать в ледяную воду. Но и выбравшись на сушу, они страдали от холода, одежда на морозе моментально покрывалась ледяной коркой. Моряки, стоя по грудь в воде, держали руками трапы, по которым десантники устремлялись на берег. Из каждой сотни десантников в этот день погибло в среднем 57 чел. Большинство подразделений 1-го и 2-го отрядов пришлось вернуться в Темрюк, не удалась и высадка 3-го и 5-го отрядов. Удачной оказалась только высадка 4-го отряда в районе мыса Хрони, он смог закрепиться на захваченном плацдарме.

В 18 ч из портов Тамани и Комсомольска вышли в море 3 отряда Керченской военно-морской базы, чтобы высадить десант в районах Камыш-Буруна и Эльтигена с задачей овладеть Керчью с юга. Высадка производилась под прикрытием дымовой завесы, поставленной специально выделенными катерами, при поддержке артиллерийского огня с Таманского полуострова и была более удачной. Но из-за штормовой погоды дальнейшая переброска войск приостановилась и

была возобновлена только 28 декабря. Всего с Таманского полуострова Азовская флотилия перевезла и высадила севернее и восточнее Керчи свыше 6 тыс. бойцов, 9 танков, 10 орудий, 28 минометов, 204 т боеприпасов; Керченская военно-морская база переправила в район юго-восточнее Керчи более 11 тыс. чел., 47 орудий, 198 минометов, 229 пулеметов, 12 автомашин, 210 лошадей. Из Анапы корабли Черноморского флота доставили около 3 тыс. бойцов, 14 орудий, 230 т различных грузов. [7].

Несмотря на крайне неблагоприятные условия, 51-я армия высадила основные силы на керченский плацдарм и, хотя и не смогла полностью выполнить поставленную задачу, но ожесточенными боями отвлекла противника, обеспечив условия для успешной высадки войск 44-й армии. В ночь на 29 декабря в Феодосийский залив вошли корабли Черноморского флота под командованием капитана 1-го ранга Н.Е. Басистого. Не встретив противодействия противника, они подошли к Феодосии и начали артиллерийскую подготовку. После этого в порт устремились 12 сторожевых катеров, на которых находился штурмовой отряд из 300 добровольцев – морских пехотинцев. Под вражеским огнем они взобрались на обледеневшие плиты причала и в короткой схватке очистили пирс от противника. Командир отряда сторожевых катеров капитан-лейтенант А.П. Иванов вернулся на одном из них к боновым заграждениям и подал сигнал боевым кораблям: «Путь свободен».

Отбивая атаки вражеской авиации, под артиллерийско-минометным огнем противника вошедшие в порт эсминцы «Шаумян», «Незаможник», «Железняков», крейсер «Красный Кавказ» и крейсер «Красный Крым», стоявший на внешнем рейде, высадили основные силы десанта – 4500 чел., 18 орудий и 6 минометов. В течение дня крейсер «Красный Кавказ» был атакован вражеской авиацией 14 раз, а крейсер «Красный Крым» – 11 раз, за участие в Керченско-Феодосийской операции они были удостоены гвардейского звания. Десантником на суше также приходилось брать с боем каждый дом и каждую улицу, но к утру 30 декабря Феодосия с окрестностями была освобождена. Впоследствии генерал-майор А.Н. Первушин сравнивал десант в Феодосийский порт «с безудержной, лихой кавалерийской атакой» [8]. 31 декабря из Туапсе в Феодосию прибыли транспорты со вторым эшеленом десанта. Всего сюда было доставлено из кубанских портов 22 тыс. бойцов и командиров, 127 орудий и 24 миномета, 34 танка, 326 автомашин и транспортов, 1550 лошадей, более 1 тыс. т боеприпасов и других грузов. Советские войска развернули наступление в северном и северо-западном направлениях, что вынудило фашистов начать отход и из Керчи.

Развивая наступление, советские войска к исходу 2 января достигли южного берега Сивашского залива в 15 км западнее Ак-Моная и Коктебеля в 15 км юго-западнее Феодосии и здесь вынуждены были перейти к обороне. Их положение оставалось тяжелым, 23 градусный мороз при штормовом северо-восточном ветре сковал льдом Керченский пролив, Таманский залив, порты Темрюка, Тамани и Керчи. Снежная пурга замела дороги, суда, находившиеся в пути, оказались зажатыми льдами. Ледоколов не было, войска испытывали трудности в снабжении боеприпасами и продовольствием, не имели артиллерийской и танковой поддержки. Тогда для транспортировки войск и техники с косы Чушка на крымский берег инженерные войска проложили ледяную дорогу, путем наращивания льда, используя подручные бревна, доски, циновки. По этому пути, ставшему своеобразной «дорогой жизни» для десанта, в Керчь переправились тысячи бойцов с оружием и снаряжением, часть крупнокалиберной артиллерии, армейские медицинские учреждения. Ледовый мост часто разрушался во время бомбежек, но переправа не прекращалась.

В результате операции для группировки противника, находившейся в восточной части Керченского полуострова, создалась угроза окружения. Начальник Генерального штаба сухопутных войск вермахта генерал-полковник Ф. Гальдер записал в дневнике 27 декабря 1941 г.: «Противник производит переправу у Керчи. Обстановка в тактическом отношении очень напряженная». На следующий день, 28 декабря: «До сих пор не удалось ликвидировать сопротивление противника в районе Керчи. Противник продолжает подтягивать сюда новые силы». 29 декабря: «Очень тяжелый день! В Крыму командир 42-го армейского корпуса (граф Шпонек) под впечатлением высадки в Феодосии десанта противника отвел из Керчи 46-ю пехотную дивизию. Хотя он был тотчас же снят с должности, однако ущерб, нанесенный в результате отхода дивизии, вряд ли можно возместить». 30 декабря: «Снова тяжелый день! Высадка противником десанта у Феодосии создает затруднительное в оперативном отношении положение в Крыму. 31 декабря: «Опять тяжелый день! Наступление 22-й пехотной дивизии у Севастополя успеха не имело. В связи с этим необходимо приостановить наступление, чтобы высвободить силы для переброски в Феодосию, [где] противник усиливает свою группировку и расширяет фронт» [9].

По свидетельству Э. Манштейна, командование 11-й армии отдало приказ румынскому горному корпусу силами двух бригад «немедленно сбросить в море высадившийся у Феодосии десант... Но и этой надежде не суждено было сбыться. Наступление румынского горного корпуса на

Феодосию не только не имело успеха, но более того, румыны отступили перед немногими советскими танками, отойдя от рубежа восточнее города Старый Крым». За оставление Керченского полуострова главнокомандующий группой армий «Юг», генерал-фельдмаршал В. фон Рейхенау запретил награждать личный состав 46-й пехотной дивизии: «Эта мера явилась, по-видимому, следствием категорического приказа Гитлера, который, принимая в декабре 1941 года командование над сухопутными силами, запретил им отступать назад хоть на один шаг независимо от обстановки». Граф Шпонек, командир 42-го армейского корпуса, который отвел из Керчи 46-ю дивизию, был вызван в ставку фюрера, отдан под суд военного трибунала и приговорен к смертной казни, замененной заключением в крепость. Он просидел два с лишним года в крепости Гермерсгейм и 20 июля 1944 г. был расстрелян по приказу Г. Гимmlера. Части 46-й дивизии противника, оставив Керчь, избежали окружения, но потеряли свыше 2 тыс. пленными, почти всю технику и артиллерию. «Такой чересчур поспешный отход 46 пд, – отмечал Э. Манштейн, – никак не мог способствовать сохранению ее боеспособности» [10]. Немецкое командование вынуждено было снять из-под Севастополя две дивизии и переправить их на Керченский полуостров. Только тогда наступление частей Красной Армии было остановлено.

Хотя советским войскам и не удалось перерезать пути отхода противника, они освободили Керченский полуостров, овладели морскими портами Керчь и Феодосия, что позволило в последующем развернуть здесь войска Крымского фронта. Поражение керченской группировки противника вынудило немецкое командование с 31 декабря прекратить второй штурм Севастополя. Освобождением от фашистских войск Керченского полуострова была предотвращена возможность их вторжения на Кавказ через Таманский полуостров. Однако эти результаты были достигнуты крайне тяжелой ценой, за 9 суток операции потери советских войск составили 41935 чел., из них 32453 – безвозвратные, 9482 – санитарные [11]. Таким образом, в ходе операции пострадало более половины всех десантников, а почти 40 % погибло, отдав свою жизнь за захват керченского плацдарма. К сожалению, советское командование не сумело в полной мере воспользоваться результатами операции и переценило имевшиеся возможности. Ставка приняла неоправданное решение о немедленном освобождении Крыма. В результате бесплодных боев в январе – апреле 1943 г. погибло еще более 270 тыс. чел., а когда силы Крымского фронта окончательно иссякли, 11-я армия Манштейна перешла в контрнаступление, приведшее к

захвату Крыма. Однако эти последующие неудачи не умаляют значения действий участников Керченско-Феодосийской операции.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Зубков А.И. Керченско-Феодосийская операция. М., 1974; Мазунин Н. Керченско-Феодосийская десантная операция // Военно-исторический журнал. 1976. № 12.
2. Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945: Расскреденные документы. Хроника событий. В 3 кн. Кн. 1. Хроника событий 1941 – 1942 гг. Краснодар, 2000. С.159 – 160.
3. Великая Отечественная война. 1941 – 1945. Военно-исторические очерки. Кн.1. Суровые испытания. М., 1998. С.311.
4. Кузнецов Н. Г. Накануне. Курсом к победе. М., 1991. С. 442 – 444.
5. Кубань в годы Великой Отечественной войны... С.173.
6. Свердлов А.В. Воплощение замысла. М., 1987. С.24.
7. Кубань в годы Великой Отечественной войны... С.174.
8. Первушин А.Н. Дороги, которые мы не выбирали. 2-е изд. М., 1974.
9. Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника штаба сухопутных войск 1939 – 1942 гг. М., 1971. Т.3. Кн.2. С.151 – 155.
10. Манштейн Э. Утерянные победы. Ростов-на-Дону, 1999. С.246.
11. Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993. С.175.

КЕРЧЕНСКО-ФЕОДОСИЙСКАЯ ДЕСАНТНАЯ ОПЕРАЦИЯ 25 ДЕКАБРЯ 1941 Г - 2 ЯНВАРЯ 1942 Г*

* Печатается по: Голос минувшего: Кубанский исторический журнал. Краснодар, 1999г № 3/4. с.96.

МОНАРХ В ИСТОРИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА КУБАНСКОГО КАЗАЧЕСТВА (КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XX СТОЛЕТИЯ)

Изучая эпоху Людовика IX Святого, видный французский историк Жак Ле Гофф так формулировал свою исследовательскую задачу: «В сущности, надо задаться вопросом, были ли общество, к которому принадлежал святой король, ментальные приёмы биографов и свидетелей, принимавших участие в процессе канонизации, чувствительность эпохи и способы запоминания безучастны к индивидууму (включая и того, кто стоял на вершине общества), или же, напротив, не считалась ли индивидуальная личность одним из способов восприятия, определения и объяснения себя и другого и, в частности, героев биографий, житий»[1]. Приблизиться к пониманию взаимоотношений модели и реальности в народных представлениях о монархе – интереснейшая задача, значение которой трудно переоценить.

В исторических представлениях русского народа монарх является сакральной ценностью высочайшего значения, уступающей только Богу. Советские историки немало писали о «царистских» иллюзиях, «наивном монархизме» русских крестьян. Причина таких представлений виделась им в безвольной вере в доброго царя апатичной, невежественной массы. Подобный взгляд, распространённый и в наши дни, отличается не только идеологической заданностью. Его заблуждение в том, что в расчёт не принимается главная составляющая: в основе монархизма, как проявления народного сознания лежало, прежде всего, восприятие царя как помазанника Божия. Народ передавал свою волю во власть воли Высшей, которая наделяла властью монарха. Но при этом и сам царь осуществлял государственное послушание, отрекаясь от личной воли[2].

Монархизм казаков, по мнению ряда исследователей, представляя вариант народного монархизма, обладал существенной спецификой. Так, он не исключал более или менее длительного сосуществования государства и автономных казачьих сообществ, отдельных случаев расхождения казачьих интересов с интересами государства. Особое пограничное положение, отдалённость от центра, формировали в сознании казачества устойчивую оппозицию «власть близкая-власть далёкая»[3].

Тем не менее, и для казаков XVIII – XIX в. монарх – общий отец всех подданных, всех православных, высший покровитель и благодетель[4].

Об этом красноречиво свидетельствуют эпитеты, которыми казаки снабжают царя в песнях: «Батюшка», «Наш отец», «Отец общий», «Православный царь», «Белый царь», «Ты, батюшка, земной Бог», «Царь наш, русский, православный», «Ах ты наш надежда, благоверный царь», «Наш надежда православный царь». Рассмотрим особенности формирования облика русских самодержцев конца XVIII – начала XX столетий в исторических представлениях кубанских казаков.

Екатерина II. Восприятие екатерининской эпохи в казачьей картине мира обнаруживает отчетливо выраженный мифологический характер. Оно основывается на убеждении в полном и совершенном перерождении казачества, причем Екатерина II выступает как разрушитель старого и созидатель нового казачьего мира. В известной песне кубанских казаков отмечается: «Гэй, чорна хмара наступае, та дрибный дощик з нэба, / Гэй, зруйнуваты Запорижжя та колысь будэ трэба. / Гэй, ой маты Катэрына, та шо ты наробыла, / Гэй, шо то войско запорижскэ та й занастыла»[5]. В другой песне Екатерина объясняет запорожцам, что возвращения к прежнему войску, неподконтрольному государственной власти, не будет: «Нэ на тэ ж я, вражи сыны, / Москаля збирала, / Щоб стэп добрый, край вэсэлый / Назад повэртала»[6]. Манифестом от 3 августа 1775 г. объявлялось: «Сечь Запорожская вконец уже разрушена, с истреблением, в будущем и самого названия». Смена наименования войска символизировала смерть прежнего казачества и рождение нового. Не случайно Екатерина II предупредила Г.А. Потемкина: «Что... запорожцы верно служат, сие похвально, но имя запорожцев со временем старайся заменить иным, ибо Сеча, уничтоженная манифестом не оставила по себе ушам приятное прозвище. В людях же незнающих штоб не возбудила мечты, будто за нужно нашлось восстановить Сечу, либо название»[7]. Смена названия войска – символический ритуал. Наименование «Войско верных казаков» (с 1790 г. – Черноморское войско) выбиралось не только ради «ушам приятного прозвания», но и для приобретения качеств, обозначенных новым именем. «Историческое сознание в подобных случаях, – отмечает Б.А. Успенский, – как бы уступает место сознанию космологическому, которое заставляет воспринимать исторический процесс в мифологических категориях и терминах. Поскольку космологическое сознание наделяется религиозными коннотациями, оно может обуславливать при этом нечто вроде сакрализации исторических деятелей [...]: если в исходной ситуации статус сакральности определяет восприятие некоторого состояния как первоначального, нового, то в данном случае, напротив, статус новизны

предает историческим событиям отпечаток сакральности» [8].

Злая мачеха, «вража маты» для Украины и запорожцев становится «жизнедатльницей и благодетельницей Екатериной Алексеевной» для Кубани: «Благодарим импэратрыцю, молимся Богу / Що на вона указала на Тамань дорогу» [9]. В песне «Ой, тысяча симсот дэвяносто пэршого року» казаки без особого сожаления констатируют гибель старого и строительство нового мира: «Бувай же здорова, Днипр-рика мутная, / Пидем на Кубань крайшой и напыться. / Бувайтэ здорови, вси курини нашы, / Тут вам без нас развалыться» [10]. На Украине продолжали бытовать тексты, в которых «объявление верховной воли об уничтожении Запорожского Коша выражено в песнях символическим образом стрелянии из ружей и пушек и падения бомбы посреди Сечи» [11]. Для кубанцев более актуальными становятся тексты о пожаловании Екатериной II кубанских земель, топонимические предания, связанные с императрицей [12]. Подобные представления нашли отражения в воззвании на памятник в ст. Таманской, в котором говорилось: «9 сентября 1896 года, во время празднования двухсотлетия Кубанского казачьего войска совершена в г. Екатеринодаре закладка памятника императрице Екатерине II, воздвигаемого кубанским казакам. Наши потомки вечные времена будут взирать на созданный нами паятник и, вспоминая все оказанные войску благодеяния, возносить мольбы за мать-царицу Екатерину II, которая всещедрой рукой излучала их на казаков, представителей нынешнего Кубанского войска.

Нужно представить себе неопишемое счастье верных казаков черноморских, когда они получили Высочайший дар – грамоту на весь Таманский полуостров с землями между берегом Азовского моря и рекою Кубанью, нужно представить себе, скаким благоговением вступили они впервые на дарованную землю, чтобы не только бдительно охранять границы дорогого отечества, блюсти имена храбрых воинов, но и всячески стараться заслужить звание добрых и полезных граждан. В знак признательности за благодеяние и Высочайшее дарованную грамоту, мы, кубанцы, воздвигаем в гор. Екатеринодаре памятник императрице Екатерине II, благодетельнице нашей, а в знак такого знаменательного события, как первое вступление на высочайше дарованную землю, казаки ст. Таманской, как верные сыны Кубани, на общественном сборе 6 марта 1894 года, под председательством своего станичного атамана сотника В.И. Толстопята, имели суждение, что 1 октября 1894 года исполняется сто лет со дня основания в станице Таманской церкви во имя Покрова Пресвятой Богородицы, а также, что в нынешней станице Таманской в 1792 году в августе месяце верные

черноморские казаки впервые высадились на дарованную землю, и постановление ходатайствовать об открытии подписки на сооружение в Таманской станице в память знаменательных событий памятника, ассигновав с своей стороны из общественных сумм станицы пятьсот рублей» [13].

Смена «казачьей вольности» на «разум вольности» Екатерины II [14] наблюдается и в исторических представлениях линейных казаков Кубани. В.А. Потто отмечал: «Хоперцы очень гордились тем, что вместе с Донцами не поддались обольщениям смутьянов и не только не пускали к себе воровских людей, но бились с ними насмерть во все продолжение бунта. «Мы стояли прготив злодея, – говорили они, – за свою законную царицу, а вы то что делали в это время! Гуляли по матушке по Волге, да грабили своих же? Эх, вы, Пугачевцы!». Волжцы угрюмо отмалчивались, но в душе сознавали, что причинами их шатания были не они сами, а те непорядки и неустройства в войске, которые довели его до падения в боевом и нравственном отношении. Но то, что было, уже прошло. Теперь они помнили истинный смысл дисциплины и, как увидим, стократ заслужили свою вину, составив себе на Кавказе почетное и громкое имя» [15].

Во 2-й главе уже указывалось, что с именем Екатерины II в народных представлениях связывалось основание не только черноморских станиц, но и станиц Старой и Новой линии, а также Закубанья. Хранит народная память и трагические обстоятельства обретения нового статуса, связанные с драмой переселения. Некоторые варианты известной на Кубани песни «Зажурылысь чорноморци» увязываются не с переселением в Закубанье в 60-е годы XIX в., а с екатерининской эпохой, с освоением нового края в конце XVIII в., когда казаки «слизьмы умываються» [16]. А.Д. Ламанов писал со слов старожилов о переселении донских казаков на Кубанскую линию: «Старик Харитон Коновалов, родившийся на втором году населения станицы, умерший в 1892 г. от холеры; Каленик Барыкин, старики офицеры: Меркурий Шерстобитов, Антон Мельников, Парфентий Терешин и др. передали со слов своих родичей и родственников, что во время выселения донцов на Кубань был генерал Иловайский. Получив Высочайшее повеление о переселении на Кубань известного числа казачьих семейств, Иловайский решил послать туда семейства тех казаков, которые в то время несли службу на Кубанской линии [...]. Весть об этом быстро достигла берегов Кубани и встревожила здесь казаков настолько, что они в большинстве, оставив свои полки, бежали на Дон в свои станицы [...]. Значительное большинство назначенных таким образом к переселению,

соединились с бежавшими казаками, явились к Иловайскому, требуя правосудия и приостановку переселения. Неурядицы усиливались и приняли форму бунта, последствием чего было наказание виновных кнутами и водворение их на Кубани. Местных жителей и теперь дразнят «кнутобойцами» [17].

В то же время историческая память кубанцев пропитана мощной инерцией национального подъема, обусловленного военными успехами екатерининской эпохи, позволившим России в успешном соперничестве с сильнейшими государствами того времени прочно утвердиться на Черном море, на западных и восточных стратегических рубежах. Не случайно в жанровую систему кубанской песни прочно вошли панегирические канты, восходящие к поэзии М.В. Ломоносова, А.П. Сумарокова, В.И. Тредиаковского. Поэзия кантов – это поэзия состояния наивысшего эмоционального подъема, причем в отличие от лирики, массы людей – полка, войска, народа в целом [18]. Соратники побед Г.А. Потемкина, П.А. Румянцева, А.В. Суворова, казаки по праву считали себя причастными к «бессмертной доблести полков в век золотой Екатерины». «Отряд, взявший Березань, – писал В.А. Потто, – назвал себя по имени крепости, гордился этим названием и впоследствии, на Кубани, передал это имя одной из станиц на Бейсуге» [19]. А.И. Головатый докладывал 16 сентября 1788 г. в Кош: «Бывшие в сражении противу неприятельского флота прошедшего июня 7, 17 и 18 числа сего войска казакам отпущены серебряные медали, коими все таковые и ныне действующие в команде моей удовольствованы» [20]. Медали на оборотной стороне имели надпись «За храбрость на водах очаковских июня 1788».

При этом в народной версии событий не обошлось без преувеличений. Так, в песне о взятии Измаила казаки «закричали враз «ура!»: / «Ура, ура! город взяли, / Потрясли мы стены, вал» [21]. На самом деле участие черноморцев во взятии Измаила было драматичным. «Татарский хан Каплан-Гирей, победитель австрийцев под Журжей, – писал А. Осипов, – предпринял отчаянную попытку отбросить русских. Во главе трехтысячного отряда он напал на черноморских казаков, порубил их и прорвался в глубь русских полков» [22]. Лишь подоспевшие егеря и гренадеры ликвидировали прорыв. Гиперболизация казачьей доблести в век Екатерины II косвенным образом подтверждает знаковость фигуры этой императрицы в исторической картине мира казачества Кубани. С Золотым веком Екатерины связывались утопические ожидания, которые постоянно жили в казачестве.

Павел I. На коронации Павла I весной 1797 г. присутствовала

депутация черноморских казаков. Вся пышность и величие торжеств не могли не произвести впечатления на депутатов-черноморцев. Казаки «неоднократно пересказывали о них на службе, в семье, приводя в восторг слушателей» [23]. «Коронационные празднества, – отмечает американский историк Ричард Уортман, – презентовали Павла как высшего религиозного лидера, одаренного от неба знаком христианского предназначения. Въезд в Москву состоялся в Вербное воскресенье, что сближало его с въездом Христа в Иерусалим. Коронационные оды обращали особенное внимание на религиозное величие Павла; авторы од сравнивали его с Христом, приводя слова, адресованные Христу, а ранее к патриарху: «Благословен грядый во имя Господне» [24].

Анализируя аспекты политики Павла I в отношении казачества, Б.В. Виноградов отмечал: «Особенно многозначительна практика православного церковного строительства в Екатеринодаре – новом российском центре на Кавказе, всячески поощряемая властями» [25]. Интересно, что применявшиеся при возведении храмов Черномории архитектурные приемы относились к так называемому «украинскому барокко» [26]. Прилагательное «украинское» здесь использовано как определяющее географическое положение, а не этническую принадлежность. Венгерский славист А. Андьял в монографии «Мир славянского барокко» объяснял причины данного явления сходством историко-культурного процесса в Центральной и Восточной Европе в XVI – XVII в., определив эти регионы как «мир пограничных крепостей» [27]. В панегирической поэзии «украинского барокко», в так называемых «виршах на погреб» гетману П. Конашевичу-Сагайдачному, хранителям религиозной традиции Острожским, просветителю П. Могиле и в других воплотился образ рыцаря, идеального шляхтича. Самосознание украинского рыцаря «однозначно свидетельствовало о его славянских корнях, и об исполнении им воинского долга защитника государства и Отечества, а также о принадлежности к православной вере отцов» [28]. Поэтому черноморская старшина отчасти оказалась подготовленной к внедряемым в сознание россиян элементов рыцарского этоса. «В представлениях Павла о себе, – пишет Р. Уортман, – совмещались полководец и священник – и смесь эта выросла из его мальчишеских грез о себе как главе средневекового рыцарского ордена русских дворян. В день коронации он издал «Установление о Российских императорских орденах», показывающее их символическую важность в его царствование» [29]. Идея рыцарства с его исторической репутацией благородства, бескорыстного служения, храбрости была противопоставлена яacobинству и «екатерининской

лжи», облагороженное неравенство отныне противостояло «злому равенству» [30]. По тону документа, написанного Т.Т. Котляревским «в виде просьбы Государю, видно, что Котляревский не любил брататься с рядовою чернью, как это велось в Сечи; но вместе с тем он прекрасно понимал основные начала казачьего самоуправления и необходимость гарантии этого последнего законодательным путем. Справедливо обвиняя своих предшественников в захватах войсковой земельной собственности, в стремлении подчинить общественные интересы своим личным выгодам, Котляревский в то же время просил Императора возвратить некоторые старинные права казачеству» [31].

В числе казачьих регалий свято хранились «одно большое, белое, с золотыми лучами, и четырнадцать малых знамен – «В значение службы Всероссийскому престолу», – и милостивое слово (от 16 февраля 1801 года), подтверждающее войску его права, преимущества и обязанности и водворяющее в нем порядок и гражданственность» [32]. Для Павла I, – пишет Р. Уортман, – регалии «составляли священную сущность монархии, требующую от подданных беспрекословного подчинения власти его, Павла. потомков. В этом смысле он вернулся к московской вере в то, что регалии несут в себе харизму династии» [33]. Что касается казачества, то регалии, по словам Б.Е. Фролова, – объединяли его «в одно боевое товарищество. Для стариков они были материальным воплощением их боевых подвигов, для казаков действительной службы – символом воинской чести и боевого содружества, для малолетков – мощным средством военно-патриотического воспитания, предметом гордости за деяния своих дедов и отцов» [34]. Император Павел поднял значение знамен, до его правления считавшихся амуничной принадлежностью. Он указал знаменам служить бессрочно (до этого служили 5 лет) [35].

События Персидского бунта показали, что казачье мировоззрение весьма не просто подгонялось под устанавливаемые эталоны. Однако вряд ли оправдано помилование Павлом I приговоренных к повешению черноморцев рассматривать лишь как «популистские жесты» [36]. Павел I оправдал здесь образ и модель царя ожидаемого, отца Отечества. В своих отношениях с армией Павел руководствовался образом рыцаря чести, который «строг и правосуден» и все же «милостив в прощении» [37]. Может быть поэтому короткое правление Павла I оставило след в топонимии Кубани [38]. Источники о реакции казачества Кубани на убийство императора еще нуждаются в выявлении, однако можно с уверенностью утверждать, что народное мнение всегда было на стороне царя-мученика. В репертуаре русских воинских песен сохранился плач о «родном батюшке Павле-императоре» [39]. «Император Павел, –

отмечал А.А. Керсновский, – несмотря на всю свою строгость и вспыльчивость, любил солдата – и тот чувствовал это и платил Царю тем же. Безмолвные шеренги плачущих гренадер, молча колеблющиеся линии штыков в роковое утро 11-го марта 1801 года являются одной из самых сильных по своему трагизму картин в истории русской армии [40]. Интересна в этом плане и реакция уральских казаков. Л. Масянов писал: «Большими симпатиями пользовался Павел I, вероятно потому, что он предал забвению Пугачевский бунт и выразил желание иметь при себе гвардейскую сотню Уральцев. Сотня была сформирована под командой Севрюгина и была в большом фаворе у Императора. Когда во дворце решено было задушить Павла, то граф Панин предусмотрительно услав Уральскую сотню в Царское село, боясь, что Уральцы вступятся за него. И до последнего времени многие казаки берегли неразменный серебряный рубль Павла с изречением «Не нам, не нам, а имени Твоему» [41]. Обстоятельства гибели императора Павла давали некоторые основания полагать, что мученичество его было добровольным. Утверждали, что он не согласился избежать смерти ценою отречения от престола, отдав тем самым жизнь за самодержавие. В Петропавловском соборе служили заказанные народом панихиды по этому государю [42]. В 1810–1820-е годы распространились по стране слухи о чудесном спасении Павла I. Его видели в старце Афанасии Петровиче [43]. Таким образом модель и реальность во многом совпадали в образе Павла I.

Александр I. Основными вехами народного взгляда на царствование Александра I стали Отечественная война 1812 года и смерть императора. В песнях о войне Александр I предстает символом национального единства. В тексте, записанном А.А. Кошицем в станице Новоминской Ейского отдела в 1904 г. говорится: «Мы сослужим службу верную, гей, / Александру, значит Первому!» [44]. В песне, записанной в станице Ивановской, Александр I спрашивает с Наполеона за разорение «матушки Москвы»: «Ох, и зустричает его Белой Государь: / «Гей, здравствуй, здравствуй, шельма Бонапарт! / Ох, здравствуй, здравствуй, шельма Бонапарт, / Гей, на что ж, шельма, Москву разорил?» [45]. Подобный характер изображения Государя был скорее данью модели, чем свидетельствовал о признании его реальных заслуг в Отечественной войне 1812 года. Более того, от угроз Наполеона Александр Павлович «заплакал и сильно затужил». Только войско Черноморское, предводительствуемое храбрым Кутузовым может спасти императора и Россию. В песне, записанной А.А. Кошицем в 1905 г. в станице Новотиторовской от семидесятичетырехлетнего Максима Артемовича Шутько, говорилось: «Ой, пише, пише, а король Французский, /

Гей, та й до Билого Царя: / «Ох, и отдай землю, Олександра Павлов, / Гей, а то в корень разорю! / Гей, а поставлю свое храбро вийско, / Гей, по купеческим домах. / Ох, и распишу я штабов-генералов / Гей, по великих господах. / Гей, а сам стану я, король Французский, / У царскому, у дворцы, / Ох, и буду пыты, шей буду гуляты, / Гей, шей роскоши занимать. / А тебя прошу я, Олександра Павлов, / Гей, у порога постоять!» / Ох, и как заплаче, та й сильно затужить, / Гей, Олександра Билой Царь: / «Ох, и сенаторы, вы мои советныкы, / Гей, посовитуйте мени, / Ох, и ачи мени корону оддаты, / Гей, ачи йты з ним воювать?» / Ой, обизвался генерал Кутузов: «Гей, не плач, Белой Царь, / Ох, и давай войско, только Чорноморське. / Гей, я й сам пойду воювать. / Ох, и буду быты, шей буду рубаты. / гей кров до капли проливать!»[46].

В этой малозаметной, но все же прослеживающейся тенденции снижения образа царя видный исследователь народной истории А.В. Буганов видит особенности эпохи 1812 г., когда подъем национального чувства в результате победы в войне, расширение социального кругозора народа в войне «формировали понимание прав и свобод, выходявшее за рамки привычных представлений»[47]. Нам представляется, что подобные изображения царя продиктованы вполне устоявшейся моделью. Угроза вражьего правителя – общее место песен XVIII века, когда императрицу утешают Румянцев, Потемкин или Суворов. Здесь срабатывает еще более древняя традиция противопоставления героя окружающей его среде. Герой выступает единственным, кто в надежде на Бога верит в могущество России и ее армии[48]. Поэтому и в кубанской картине мира Александр I не реальный монарх, а говоря словами Ж. Ле Гоффа монарх «общих мест»[49]. Человеческую сущность императора «созидатели памяти» растворили в общих местах, старательно превращая ее в модель. Так, народная песня обнаруживает «смятенье» царя в битве под Лейпцигом, делая главным героем полковника Ефремова. И.Ф. Варавва записал весной 1952 г. в ст. Красноармейской от казака Василия Ивановича Рзянкина, 1881 года рождения, такой текст: «Под Лейпцигом занималась / В небе красная заря. / На кургане собирались / Три союзника-царя / Бонапарт всей сечей грянул, / Он Лейпциг не уступал. / И на холм по фронту прямо / Тучу латников послал. / Меж союзников смятенье, / Крик победный вдруг затих: / – В отступлении спасенье, – / Кто-то так сказал из них. / Наш Ефремов саблю вынул, / Конь взвился под седоком. / На затылок кивер сдвинул, / И пошли мы напролом. / Вражьи латники сдержали / Бег разъяренных коней, / В пики дружно принимали, / Мы непрошенных гостей. / Скоро пушки подоспели / Мы их сняли с передков / Огонечком обогрели / Бонапартowych стрелков / Кирасиры

в деле сдали, / Повернули коней вспять / Мы их дружно провожали / Верст примерно двадцать пять»[50]. На самом деле, когда вся масса французской конницы под командованием Мюрата обрушилась на центр войск союзников под Лейпцигом, именно император Александр I не растерялся и своими спокойными распоряжениями выправил положение. Историк Собственного Его Императорского Величества конвоя писал: «Французская конница шла неудержимым потоком: на ее пути все было смято и уничтожено, и наш боевой центр прорван. Наполеон торжествовал и уже послал в Лейпциг королю саксонскому поздравление, не сомневаясь в окончательной победе.

Прорвав центр, атакующие летели прямо на деревню Госсу, у которой на возвышении, за плотиной, находился Император Александр I со своей свитой и конвоем. Вблизи, кроме четырех эскадронов Л. Гв. Казачьего полка не было других войск. Неприятель мчался прямо на свиту государя... В этот критический момент боя Александр I, сохранив полное самообладание, приказал: графу Орлову-Денисову скакать к Барклаю-де-Толли с повелением немедленно к отступившему центру выдвинуть тяжелую конницу, а начальнику резервной артиллерии генералу Сухозанету подтянуть все батареи, обратился к единственной своей охране Лейб-казакам и Черноморцам. «Позвать полковника Ефремова!» – услышали казаки Государевы слова». И далее о подвиге казаков, воспетом в песне: «Ефремов высоко поднял свою обнаженную саблю и сделал ею в воздухе крестное знамение. Казаки, взяв на перевес свои длинные пики, с гиком ринулись на латников и врубались в их ряды, атаковав фланг французского кирасирского полка. Пораженная этим неожиданным ударом, неприятельская кавалерия заколебалась; первые ряды ее смяты и рассеяны, остальные остановились и, атакованные одновременно с фронта русской конницей, а с другого фланга прусскими кирасирами и драгунскими полками, повернули назад»[51].

Как видим, народная песня взяла из реальных событий то, что вписывалось в модель об испуганном царе и нерастерявшемся герое, исключив всю остальное.

С одной из самых загадочных страниц русской истории – смертью императора Александра I связана песня «Добрый царь Лександра в Таганроге жисть скончал». В начале 1825 г. Александр I отправился в поездку по южной части Европейской России, отменив назначенный им смотр войск у Белой Церкви. Во время этой поездки, после короткой болезни он умер в Таганроге 19 ноября. Гроб с его телом везли через Москву и другие города в Петербург, куда похоронная процессия прибыла только в марте 1826 г. В варианте, записанном В.В. Тёр и О.В.

Тёр в станице Отрадной гонец везет «молодым бабам грусть-тоску»: «Кульерчик, сиз голубчик, / Ты откуль скоро бежишь? / – Я бежу, душа Маша, / Со Туретчины в Москву; / Я везу, душа-Маша, / Молодым бабам грусть-тоску. / А тебе, душа-Маша, / Невеселое письмецо. / Как твоего ли Александры / Давно в живее его нет; / как твой ли Александра / В Таганроге жизнь кончал»[52].

В более раннем варианте, зафиксированном еще А.Д. Бигдаем обнаруживаем первую часть известного в целом по России текста о смерти Александра I: «Как поехал царь Лександра / Свою армию смотреть / Обещался царь Лександра / К Рождеству домой прибыть / Уже праздники проходят / Александры дома нет / Его маменька родная / День и ночи не спала. / А жена то молодая / Стосковалася по нем. / – Ой, я выйду на ту гору, / До которой выше всех. / Ой, я гляну в ту сторону / И где то армия стоит»[53].

В текстах о смерти Александара I нам видится своеобразное клише древних плачей, которые сосредотачивались на личном горе и касались обстоятельств личной жизни умершего. Откликнувшись на кончину монарха, породившую значительный комплекс слухов, догадок, легенд о старце Федоре Кузьмиче, народная песня облекла это событие в модель, восходящую, возможно, еще к плачу Ярославны о князе Игоре.

Николай I. Знаковой фигурой этот император предстал в исторической памяти казачьих станиц 1-го Кавказского Линейного батальона, которые были сформированы по Высочайшему повелению из казенных селений Ставропольской губернии. Управляющий военным министерством князь Долгорукий писал 3 января 1849 г. министру государственных имуществ: «Государь император разрешил учредить один пеший казачий батальон при 1-й бригаде кавказского Линейного казачьего войска, по особому штату и положению, с тем вместе соизволил высочайше повелеть:

1) Для удобнейшего комплектования казачьего батальона и конных полков сей бригады обратить навсегда в состав Кавказского Линейного казачьего войска четыре сменные казачьи селения Ставропольской губернии: Новорождественское, Тихорецкое, Терновское и Новопокровское, всего в числе 8345 душ мужского пола или сколько окажется со всеми землями к селениям сим принадлежащими.

2) Числящиеся на этих селениях казенные недоимки с податях и других сборах за прошедшее время с них сложить и не взыскивать»[54].

Перемена статуса этих селений с крестьянского на казачий стала точкой отсчета семейной исторической памяти. А.И. Гордышев

писал о старожилах станицы Новопокровской, что среди них бытует много рассказов о графе Евдокимове, потому что «граф Евдокимов лично ездил к Государю Николаю Павловичу чтобы записать в казаки охотников четырех казенных селений Новопокровская, Тихорецкая, Терновская, Рождественская; все они были Ставропольской губернии. В 1846 году было ходатайство графа Евдокимова, а утвердили казаками, эти села названы станицами в 1848 году февраля 9-го дня. Стало быть старики старожившие чаще всего вспоминают войну против горцев с 48 года до занятия Западного Кавказа» [55]. Вспоминать действительно было что: 1-й батальон сразу же по сформировании покрыл себя славой. «Присланные лучшие офицеры и урядники, – вспоминал Аполлон Шпаковский, – оправдали свое назначение, и не прошло года от сформирования батальона, как новые казаки с боя заслужили себе знамя». Современники буквально любовались созданной по указу императора новой казачьей частью: «Весело и бодро шли в первый поход молодые казаки; любо было смотреть на стройные красивые их ряды: черные короткие чекмени с патронами на груди, опоясанные кинжалами, широкие шаровары в длинные сапоги, в молодцевато-надетых папахах с ружьем с правым плечом на погонах. Они смотрели такими молодцами и, не рисуясь, внушали уверенность своими открытыми типичными физиономиями, что не ударят в грязь, столкнувшись с татарвой и не посрамят имени казака» [56].

Хорошо помнили императора и казаки бывшего Азовского войско, переселенного на Кубань. И.Ф. Миронов в юбилейном очерке ст. Северской писал: «Государь Николай I простил запорожцев за их давнюю измену и на их просьбу, поселить их на Кубани, по рассказам стариков, ответил: «Хорошо, я поселю вас на Кубани, только не теперь, а после. Если же я почему либо не сделаю этого, то мой сын, наследник, свято исполнит мое обещание». [...] Места своего поселения Азовцы называли временными, до поселения на Кубани, квартирами, хорошо помня обещание императора Николая I» [57].

Благословляющим войска на битву предстает Николай I в песне, созданной в годы Крымской войны: «Битва – целое семейство, / Трудно было нам стоять, / Где нас царь благословил, / Там и Божья благодать. / За царя и за Россию / Мы готовы умирать, / За царя и за Россию / Будем смело воевать» [58].

Формированию такого образа императора во многом способствовала лубочная народная живопись. Очень характерен лубок, изображающий Николая, переправляющегося через Дунай в сопровождении десяти казаков. Николай стоит в центре картинке в лодке, с простертой рукой.

Он изображен гигантом, господствующим над рядами карликовых голов казаков и пейзажем на заднем плане. В лубках императору придавался облик богатыря, возвышающегося над подданными, признававшими его сюзеренитет и власть[59]. Известно, что Николай I вмешивался в стратегические планы своих генералов, настаивая в войну 1828–1829 г. на одновременной осаде турецких крепостей Варны, Силистрии и Шумлы. Николай I даже ненадолго взял на себя в 1828 г. командование, но скоро отправился в свой лагерь в Браилове, чем и завершил свою роль церемониального командующего. У. Фуллер характеризовал эту роль императора как «одну из основных ошибок компании»[60]. Однако для народного сознания поведение императора было значимым и востребованным, а сам император прекрасно понимал знаковость своих поступков. В песне, записанной А.Д. Бигдаем в команде Псекупской больницы от Казакова Монаха и Ляха из ст. Староджералиевской, Фисенко из Усть-Лабинской и Вакуленко из ст. Полтавской были такие слова: «Гей, а не тучи, не гром, идут хмары темные, / Гей, гей по поднебесами идет, идет. / Гей, то не тучи, не гром, то, братцы, не громы, / Российское войско идет. / Гей, они не идут, а храбро маршируют, / Гей, гей меж собою говорят, говорят: / – Гей, трудно нам, братцы, ребята, / Завалы турецкие взять. / Гей, а еще труднее сердце разгорится, / Гей, гей нам с-под шашки убежать, убежать. / Гей, мы под шашки скоро, братцы, подбежали, / Закричали все: – Ура! / Гей, а наш батюшка, первый император, / Гей, гей громким голосом вскричал, вскричал: / – Гей, бейте, бейте, братцы, не робея, / За момент узнают нас»[61].

Такая модель поведения императора часто носила характер архаизирующей стилизации, сознательно ориентированной на героические образы русской истории. Когда сам император, недостижимый в величии своей власти, брал на себя обязанности военачальника, делил с войском опасности и труды, то он не просто уподоблялся рядовому казаку или солдату, но возвышал воинскую службу до служения и возводил ратные доблести в ранг высокого идеала. Такой стиль общения с войсками в определенном отношении отменял общественную иерархию, создавая особые личные узы между командующим и армией, на деле превращая императора в соратника, боевого товарища. Подобная манера поведения, уходящая в глубокую древность[62], раскрывала код воинской этики в целом.

Сакрализировали роль императора и представления об освободительной миссии русских войск на Балканах, которые поддерживались местным населением. «Любовь простого народа к Николаю I, – отмечает И.Ф. Макарова, – в годы правления которого

Россия вела на Балканах целых две крупномасштабные войны (1828–1829, 1853–1854) была столь велика, что при жизни его имя превратилось в эпоним, образованный по аналогии с ранее известным – «дядя Никола». По воспоминаниям Л. Каравелова именно под таким наименованием фигура этого русского царя присутствовала в рассказах его бабушки» [63].

Непосредственно связывались с императором и воинские почести за оказанную доблесть. «6-го августа 1830 года, – писал И.Е. Гулыга, – за геройское дело полка (1-го пешего Черноморского войска. – О.М.) 29-го мая 1828 года под Браиловым Государь Император пожаловал полку простое голубое знамя с надписью «За отличие 29-го мая 1828 года при разбитии турецкой флотилии под Браиловым». 12-го ноября были получены Высочайшая грамота и знамя. За отличие, оказанное полком при взятии крепости Силистрия полку было пожаловано 15 знаков отличия военного ордена» [64].

В воспоминании о пожаловании Николаем I знамен Черноморскому войску И.Д. Попка находил «много отрядного», достойного «жить в памяти казацкого потомства по тем высоким народным чувствам, которым служило оно торжественным выражением» [65]. При вручении Георгиевского знамени войску в мае 1844 г. «архипастырь осенил крестным благословением знамя, распростертое на большом столе, пред портретом Государя Императора Николая Павловича. И потом началось прибити знамени к древку по уставу.

Внутреннее убранство атаманской ставки вполне соответствовало торжественности события. Новое знамя осенено было со свода ставки старыми знаменами, на которых горели надписи «за отличие». Портрет Государя Императора Николая Павловича во весь рост, помещенный в углублении, противоположном дверям ставки, обведен был лучами из ста штыков и ружей. К подножию царского изображения сложены были серебряные литавры, серебряные трубы, атаманские булавы, перначи и образцы оружия, употребляемого черноморскими казаками с давних времен. Из этих доспехов не были исключением и легкие пушки, которыми в прежние времена вооружалась флотилия Черноморского войска. Все, чем войско на врагов ополчается и чем перед соотечественниками красуется, преклонилось пред ликом Царя Самодержавного во свидетельство благоговейной любви и преданности ему единодушной войсковой семье. Твое от Твоих Тебе!

Первый гвоздь вбил в древко знамени наказной атаман, второй – просвященный Иеремия, третий – начальник войскового штаба. Потом вбиты были гвозди каждым из присутствующих, от генерала до казака,

представлявшего свою сотню, роту и батарею. Каждый вбитый гвоздь освещал последним ударом войсковой атаман.

Те из стариков, которые были жалованы в прежние времена армейскими чинами, также оставили свои гвозди в знаменитом древке. Принимаясь за молоток, они искали глазами на своде ставки трофеев, современных своей молодости, и говорили: вот в древке этого голубого знамени должен быть мой гвоздь, вбитый в Очакове, мой в Браилове, а мой в Анапе...

В лагере царствовала тишина. Войска стояли под ружьем, и взоры рядов неподвижно обращены были к атаманской ставке, откуда глухо раздавался стук молотка. И эти недавно сплоченные ряды проникнуты были одним чувством, одной мыслью: чувством живой преданности Царю и долгу, мыслью про то, чтоб и вперед, на остальное пятидесятилетие, сделать войско достойным милостивых царских пожалований» [66].

Подобные церемонии демонстрировали единение казачьих войск с членами императорской фамилии. Назначение наследника-цесаревича Августейшим атаманом казачьих войск укрепляло эту связь с царской семьей. Команду линейных казаков и Гвардейскую черноморскую сотню приучали смотреть на императорскую семью как свою собственную, разделять ее жизнь, участвовать в ее празднествах. Такие церемонии были «моделью для всех уровней администрации», их участники таким образом «подтверждали свою солидарность с династией» [67]. Тяготы двадцатипятилетней службы, жестокость и лишения николаевской эпохи затмевались эмоциональными переживаниями участников парадных олицетворений нации. В исторической памяти закреплялась не рутинная повседневность правления Николая I, а «свой» император придававший лямке обременительной службы высокий пафос служения Отечеству. 4 августа 1885 г. в станице Константиновской Майкопского уезда произошел следующий случай. Отставной казак Григорий Васильевич Зыбин «явился в станичное правление и заявил, что он сегодня стоял среди народа около бурхана торговца Хлынина и слышал, что бомбардир Егоров затеял какой то спор с крестьянином Семеном Колодиным, так что первый ругал последнего. Зыбин спросил Егорова, кто он таков. Егоров объяснил, что отставной фельдфебель. Зыбин сказал Егорову так, матушка наш Царь Николай Павлович, что такому молодому человеку возможно было бы еще служить, как служил он Зыбин 25 лет. Запасной Егоров в это время выразился так: «Я Вашего царя Николая Павловича, – употребил бранные сквернословные слова, – а наш царь Александр». За эти слова Зыбин хотел доставить Егорова в станичное правление, но он соротивлялся и даже побил Зыбина, да

Бог с ним, он Зыбин простил Егорова за свои побои, а за ругательство Государя Императора как с ним хотите»[68]. Характерный для России в целом конфликт «отцов» и «детей», как видим, проявлялся и в образах знаковых фигур, символизировавших целое поколение.

Александр II. Образ Александра Николаевича зафиксировался в исторических представлениях кубанцев задолго до того, как он стал императором. Это было связано с приездами в край наследника российского престола. По преданию, зафиксированному П.П. Короленко, появление среди казачьих регалий пластунского подсоха увязывалось с посещением наследника вместе со своим венценосным отцом в 1837 г. Анапы. Цесаревич пришел в восторг от искусства стрельбы черноморского пластуна Пелипенко, взял из рук пластуна подсох и отдал его на память Черноморскому войску. Историки скептически относятся к самому факту пребывания Александра Николаевича на Кубани в это время[69], однако казачьей народной истории было важно отметить причастность каждого наследника – Августейшего атамана казачьих войск к фактам, атрибутам и символам кубанской славы. Казаками-линейцами к ожидаемому прибытию в 1850 г. наследника цесаревича на Кавказ была составлена песня «С краев полуночи на полдень далёкий». «Песня эта пелась не только в Конвое, – писал Н.В. Галушкин, – но была очень любима во всех полках кавказских казаков»[70].

Естественным следствием сакрализации царской власти стало формирование в народном сознании идеального Государя и свойственных ему правил поведения. У разных социальных групп могли быть и были самые разные представления о том, как должен вести себя император. Эта модель распространялась даже на внешний облик царя. Когда в 1861 г. Александр II прибыл в Кубанскую область, то увидев царя, одна из казачек воскликнула: «Ой! Тым воно в світі и правды нема, що царь з москалив...» В то время, – писал очевидец, – Государь был в двубортном сюртуке с пуговицами, которых казачьи офицеры не носили, так как этот костюм считался армейским и в глазах простонародья был москальским. Вероятно, Государь это понял сам, или ему объяснили другие, только на обратном пути... был одет в казачью черкеску»[71]. Царь реальный вынужден был пойти на поводу у царя идеального, ожидаемого, каноническая модель в данном случае диктовала правила поведения. В это время в среде черноморского дворянства и хоперских казаков начались имели место волнения, связанные с переселением в Закубанье. Император должен был оправдать представления о хорошем государе и дурных чиновниках на местах, которые скрывают от Александра II истинное положение дел и наживаются на

народных страданиях, проявить себя благочестивым, справедливым и милостивым. Не случайно в своем сопротивлении переселению хоперцы ссылались на отсутствие соответствующего царского указа. «Кзаки надеялись, – говорилось в одном из документов, что переселение целыми станицами будет отменено; но когда эти ожидания не оправдались, они решились послать просьбу к Государю, а до ответа оттуда отказались от переселения под предлогом непредъявления им Царского Указа»[72]. Дежурный генерал Главного штаба Кавказской армии 19 октября 1862 г. писал командующему войсками Кубанской области: «1-го Хоперского полка казаки станиц: Круглолесской Павел Сафонов, Северной – Роман Шапкин, и Александровской Семен Колесник, отлучась с места жительства без дозволения начальства и без письменного вида, явились 30 июня 1861 года в Петергоф, прямо к Государю, с прошением от обществ их станиц, относительно приостановления переселения»[73]. В условиях, когда хоперцы готовы были оказать вооруженное сопротивление правительственным войскам, а под боком был не замиренный еще Кавказ, царь не мог не пойти навстречу народным ожиданиям. Тот же документ сообщал: «Государь Император, во время посещения г. Екатеринодара соизволил объявить Всемилостивейшее прощение всем без изъятия лицам, обвинявшимся в беспорядках, происходивших по поводу переселения казаков бывшего Черноморского войска. В присутствии же Своём в ст. Лабинской, Его Величество с депутатами 1-го Хоперского полка, хотя и обошелся чрезвычайно милостиво, предавая, по-видимому, забвению все все происходившие в этом полку волнения, однако не соблаговолил выразить положительную волю о прощении и хоперских казаков. Но хоперские депутаты, приняв отеческие милостивые слова, обращённые к ним Его Величеством, за полную амнистию того же рода беспорядков, кои прощены черноморскому населению, передали эту радостную весть по всем своим станицам, где тотчас же были отслужены благодарственные молебны»[74].

Однако в народной памяти Александр II остался, прежде всего, Царём-Освободителем. По одной из легенд умирающий Николай I на смертном одре вызвал к себе наследника Александра Николаевича и завещал ему освободить русских крестьян от крепостного права, а единоверные славянские народы от османского ига[75]. 9 мая 1914 г. по инициативе казака ст. Крепостной Е.С. Марченко в хуторе Романовском состоялось открытие памятника Царю-Освободителю. Местная газета сообщала: «Открытие бюста Царя-Мученика, вид картины Царя-Освободителя, читающего манифест и появление плачущего

старика, бывшего крепостным с портретом Царя-Освободителя сильно подействовал на толпу – у многих показались слёзы.

Перед открытым памятником прошли церемониальным маршем казачьи части, гимназисты и ученики Кавказского железнодорожного училища. Атаман отдела генерал-майор Гулыга поблагодарил инициатора постановки памятника, казака ст. Крепостной г. Марченко. На памятник возложено несколько венков. Памятник сооружён на добровольные пожертвования»[76].

Но поскольку отмена крепостного права казачества коснулось мало, основной спектр исторической картины мира кубанских казаков был совмещен с подвигом освобождения христолюбивым русским воинством Александра II братьев-славян. Император провёл 8 месяцев в действующей Дунайской армии, от форсирования Дуная до падения Плевны. Русские цари и до Александра II участвовали в военных походах, но Царь-Освободитель остался глубоко памятен тем, что находился с армией в наиболее трудный период войны. После падения Плевны император отбыл в Петербург, предоставив лавры победоносной компании своему брату-главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу. Тем самым в народных представлениях царь исполнил заповедь христолюбивого воина: прилично быть первому в трудах и последнему у награды[77]. Большинство воинских песен, посвящённых Александру II, связаны с русско-турецкой войной 1877–1878 г. В песне ст. Ищерской присутствует традиционный сюжет об угрожающем письме турецкого султана русскому царю: «С полдня ветер подувает, / С громом дождичек идёт. / Турок войско собирает, / Пишет: в гости к нам придёт. / – «Берегись ты, царь Александр! / Я на днях в гости приду, / С своей тихой беседой / В Петербург, в Москву приду». / Государь наш, Император / По отряду разъезжал; / Он казакам и солдатам / Всеё правду рассказал: / – Строй лафеты вы, орудья, / Вы снаряды, чиртежи! / Унесёт ли турок ноги, / Свои жёлты сапоги?» / Государь наш, Император / Он желал нам доказать / С Николаем своим братом, / За Дунаем побывать»[78]. Историки единодушны в том, что всё русское общество, возмущенное резней, устроенной турками на Балканах толкало в 1876 – начале 1877 г. императора к войне. Не были исключением и казаки. Император должен был оправдать чаяния россиян и оправдал их. В песне, записанной действительным членом Кубанского областного статистического комитета А.С. Поповым со слов певца-торбаниста, царствование Александра II изображается следующим образом: «Вот послушайте, друзья, / Вы про Белого царя! / Милостивый Государь Александра – Второй царь / Вам любовию горел / И свободу дать хотел,

/ Под крылом своим держал / И от казней избавлял; / Твёрдо правил он закон, / Людей бедных слышал стон: / Им на помощь прибегал, / А злодеев укрощал». Трагическая гибель императора от рук «злодеев»-бомбистов в народной истории связывается именно с освободительной миссией царя: «Батюшка наш, Государь, / Ты лишился своих ног, / Свою кровь за то пролил, / Что всю чернь освободил, / Христиан всех отобрал и свободу всем им дал»[79].

В русском фольклоре более трёхсот лет существовала традиция оплакивать умершего монарха. Давно устоялась и форма посвящённых этому исторических песен. Они исполнялись как монолог часового, стоящего у гроба и сетующего на неурядицы в армии, вызванные смертью государя: часовой оплакивает его от имени своих соратников и сослуживцев. Совершенно иначе народотозвался на смерть Александра II. Радикальные отличия от сходных по теме песен предшествовавших обусловлены исключительностью самого факта: император был убит публично своими подданными, выступавшими якобы от лица народа, которых он облагодетельствовал[80]. Хроникальные народные песни передавали эмоционально окрашенные живые впечатления очевидцев. В среде казаков Собственного Его Императорского Величества конвоя родилась такая песня: «Царь русский, убитый в России, / Принял терновый венец. / Конвойцы несутся рядами; / Толпы окружают дворец. / Живого сберечь не умели, / Теперь же на помощь бегут; Живому помочь не успели, / Так мёртвого хоть сберегли. / Царь русский, убитый в России / Рукою же русских людей, / Лежит он, страдалец, облитый / Священною кровью своей, / За что же наш царь православный, / За что же он так пострадал? / За то ли, что славу Отечеству дал?»[81]. «Этическая оценка убиения царя-освободителя, – отмечает С.Н. Азбелев, – сближала такие песни с духовными стихами. Произведения создавались в разных жанровых формах, но центральным мотивом всюду являлась оценка содеянного террористами с позиций православного отношения к цареубийству»[82].

Кубанцы живо откликались на случаи покушения на жизнь императора. В 1868 г. «Кубанские войсковые ведомости» сообщали, что «казаки 5-й сотни 16 конного полка, станицы Воровсколесской, 18 июня минувшего 1867 года, по совершении в местной приходской церкви благодарственного молебствия по случаю чудесного избавления Его Императорского Величества Государя Императора от угрожавшей 25 мая того же года в Париже опасности, единодушно изъявили желание соорудить икону в трёх лицах, во имя Св. Чудотворца Николая, Великомученика Победоносца Георгия и Архистратига Михаила,

поместив оную в приходской церкви с учреждением ежегодно в 6 день декабря сотенного праздника». Воровсколесцы заказали икону одному из лучших московских иконописцев, пожертвовав на неё 100 рублей серебром, и на серебряную лампаду к ней 25 рублей. 25 мая 1868 г. икона была доставлена в сотню и «по совершении благодарственного молебствия о здравии и долгоденствия Августейшего Монарха и всего Царствующего Дома в присутствии всего станичного общества и строевых казаков, освящена и поставлена в приходской церкви станицы Воровсколесской»[83]. Эта же газета сообщала «о той энергии, с какой жители станицы Тихорецкой в своё время приступили к сбору с общества пожертвований на сооружение благолепных икон в вечное памятование незабвенных дней двукратного избавления драгоценной жизни Государя Императора от гнусных злодейских покушений»[84]. И.И. Кияшко так описывал реакцию кубанских казаков на казнь Александра II народовольцами: «Первое время жители станиц положительно не хотели верить, чтобы такое злодеяние могло совершиться, но печальная весть эта скоро была подтверждена и во всех станицах были совершены панихиды по в Бозе почившем Государе, собиравшие каждый раз всё население станиц от мала до велика. Панихиды сопровождалась горькими рыданиями опечаленных казаков, из которых многие не раз видели в Бозе почившего императора»[85]. А.Д. Ламанов в историческом очерке о станице Кавказской также отмечал, что «злодейское убийство Государя Императора Александра II 1 марта 1881 г. повергло население станицы в глубокую печаль. На перевод колокольного звона собралось много народа, многие не знали, кого хоронят, спеша к храму, только здесь узнали о печальной вести, и тёплые молитвы принесены Господу об успокоении души в царствии небесном»[86]. Приведенные свидетельства – это голос народа. Но и в площадной брани пьяных казаков, простых станичников, которые не прекращали жить своими мелкими личными интересами, тоже звучит *vox populi*. Поэтому в исторических представлениях народа наряду с трагическим восприятием гибели императора проявлялся и несколько иной контекст отношения к ним[87].

В делах Государственного архива Краснодарского края содержатся протоколы дознания, произведенного по требованию Екатеринодарского Окружного суда над казаком 11-го пешего пластунского батальона Степаном Гордиенко «по обвинению его в произношении, в присутствии многих лиц, оскорбительных слов против Государя Императора и Государыни Императрицы». Казак ст. Ильской Гордиенко имел от роду 30 лет, в службу вступил в 1868 г., был человеком неграмотным

и холостым. В 1871 г. за кражу у мещанина Бублика 300 рублей был подвергнут тюремному заключению на полтора года, после чего зачислен в 11-й пеший пластунский батальон. Будучи в домовом отпуске в июле 1878 г. «он был приглашен родным братом своим в его дом, где и выпил порядочно водки и затем, поссорившись с казаком Странженком, отправился к питейному заведению, к гулявшим там своим товарищам, с которыми также пил водку. В это время станичный писарь урядник Коломиец, тоже выпивший, пригласил его, Гордиенко, во внутрь питейного заведения, где спросил, у кого он, Гордиенко, находился на поруках, на что Гордиенко ему ответил: «Разве я арестант, что должен состоять на поруках», после чего произошло обоюдное ругательство». Досталось, видимо, от расхорившегося казака и царю: свидетели показали, что во время ссоры Гордиенко «произносил бранные слова против Государя Императора и начальствующих лиц»[88]. Прокурор Екатеринодарского Окружного суда потребовал для казака «лишения всех прав состояния и ссылки на каторжную работу на заводах от шести до восьми лет», но 6 февраля 1879 г. Начальник штаба Кавказского военного округа сообщил Наказному атаману Кубанского казачьего войска, что «Его Величество Высочайше повелеть соизволил: дело это прекратить, наложить на обвиняемого дисциплинарное взыскание по усмотрению начальства и иметь за ним строгий надзор» [89].

Наряду с плачем по убиенном царю имела место и иная интерпретация первоапрельских событий. 28 января 1885 г. Ейский уездный начальник докладывал исправляющему должность Начальника Кубанской области, что произвел дознание «Михайловского поселка крестьянина Луки Чубреева, заключающемуся в произнесении дерзких оскорбительных слов против Священной Особы Государя Императора, а именно: «У нас Цари грабители, в военное время наш брат воевал, а Цари грабили банки, отправляли за границу вагоны с деньгами, а в настоящее время пооткрывали там банки. Рысаков убил царя и Россия проклинает Рысакова, но она напротив должна молить Бога за него. Если б не было у нас Царской Фамилии, у нас был бы рай. Если б у нас было так, как во Франции, то у нас было бы блаженство и мы были бы богаты, а то у нас денег нет и мы должны»[90]. Дознание было проведено не в отношении казака, но сам факт фиксации подобных социально-утопических представлений на Кубани, которой практически не коснулась народническая пропаганда, интересен и показателен. В другом случае брань по адресу императора звучит сквозь призму противостояния с иногородними. В мае 1883 г. крестьяне Феофилакт Кузьменко и Федор Шульженко сообщили станичному атаману, «что

казак станицы Батуриной Емельян Захарченко высказал следующие слова «Пропал Александр Николаевич, пропаде и цей, и вы гамсели с ним!»[91]. Причем, «таковые слова произнесены были им, Захарченко, на площади, во время общего празднества дня коронования Их Императорских Величеств при многочисленном народе»[92]. При этом батуриносаничный атаман сообщал, что «обвиняемый казак Емельян Захарченко поведения и образа жизни хорошего, до учиненного им преступления ни в каких предосудительных в политическом отношении поступках замечен не был, к суду и следствию никогда не привлекался, проживает в ст. Батуриной, занимается хлебопашеством, имеет собственный дом, две пары быков и другие шанцевые земледельческие орудия»[93].

Народное сочувствие всегда было на стороне «несчастных», кто бы они не были. Александр II прожил жизнь, в которой ему пришлось сыграть роль и державного властителя, предводителя христолюбивого воинства, вступившего за братьев-славян, и реформатора России, и гонителя инакомыслящих, и преследуемого мученика. С благодарностью вспоминая деяния монарха, которые отвечали народным ожиданиям, сожалея о душах «преступников-злодеев», простые люди живо откликались на социальную несправедливость, сознавали, что не всё в окружающих порядках и институтах устроено «по-божески». Поэтому облик императора, «место героя между традицией и современностью»[94], обладали целой палитрой устоявшихся и типичных, но все же разных красок.

Александр III. Почитание этого монарха в народе видно уже из того наименования, с которым он вошел в историю – Царь-Миротворец. Учитель Л. Розенберг записал в ст. Константиновской в начале XX в. такой текст: «У голубя между 2-я перьями есть одно крыло ангельское. Кто «отгадает» и «овладеет» им, смягчится сердцем и сам станет к людям добр. И через этого человека мир поселится в людях, не будет войны. Императору Александру III одно перышко дал Иоанн Кронштадтский»[95]. Житель ст. Новопокровской А.И. Гордышев в 1904 г. развил представления о Царе-Миротворце в незатейливом «стишке» «О трёх царях»: «Александр III Миротворец процарил 13 лет, он с каждым Государством давал завет, чтобы мирно жит, целый век не тужить. Все подружились цари и царицы. Все министры стали разезжать уместе; консула забыли акты совершать, о военном деле реформы писать. Так покойный Батюшка царь наш Александр III вечную память себе заслужил»[96]. В станице Воздвиженской память умершего императора почтили в 1895 г. следующим образом:

«Согласно приговору Воздвиженского станичного сбора в скорбный день кончины в Бозе почившего Государя Императора Александра III 20 октября с. г. на средства общества был устроен поминальный обед и отслужена в здании станичного правления большая панихида, которую между утренею и обеднею совершал священник о. Тихон и на которой присутствовал станичный атаман, должностные лица Воздвиженского станичного правления и много народа, впереди которого были старики ветераны Кавказа и минувшей русско-турецкой войны»[97]. И.И. Дмитренко, побывавший с делегацией кубанских казаков на церемонии погребения монарха, так описывал свои впечатления: «Горячо, со слезами на глазах, молились кавказские казаки у могилы так искренне любимого ими, безвременно отошедшего в вечность, Верховного Вождя своего. Молились за себя, молились за своих товарищей, которые вдали, на Кавказе, у Памира, у Днестра оплакивали тяжелую утрату». Обозревая царствование ушедшего императора, И.И. Дмитренко заключил: «Много, очень много милостей даровал в Бозе почивший Государь-Миротворец Кубанскому казачьему войску. Ему пожалована целая нагорная территория, землю войска прорезала Новороссийская ветвь, устроены порта, область пришла в цветущее состояние и в годину несчастного голода была житницей для Государства, наконец Александр III с августейшим семейством Своим посетил в 1888 году Кубанское войско [...] Нашего счастья нельзя было тогда описать, как нельзя теперь описать и горя кубанцев»[98]. История сохранила немало и других свидетельств проявления любви населения Кубанской области к императору. В 1888 г. во время посещения Александром III Екатеринодара на улице можно было наблюдать такую сцену: «Вот старушка вырывается пройти через линию расставленных войск, ее не пускают, говоря, что за линию войск никого пропускать нельзя. «Как нельзя! – вопит старуха. – Царя-то батюшку! Его всем можно видеть, я буду жаловаться». Но, видя, что угрозы ее не помогают, она, горестно зарыдав, начинает умолять: «Посмотрите на меня – ведь у меня смерть за плечами, дайте же глянуть на нашего отца!»[99]. По словам очевидцев, во время общения с войсками император удивил всех своей прекрасной памятью, узнал при встрече казаков, которые когда-то служили в его конвое, назвал каждого по фамилии. От кубанского казачества царю и его сыновьям были подарены девять породистых скакунов с богатыми седлами, дорогое кавказское оружие, а царице скульптурное изваяние казаков – шедевр ювелирного искусства[100]. Население ст. Кавказской во время пребывания Александра III в крае «от мала и до стара выехало и вышло пешком в хут. Романовский на

станцию Кавказскую Владикавказской железной дороги повидать своего батюшку Царя и матушку Царицу. Само собой разумеется, что счастливыми увидеть царскую семью было не более двадцати из ста человек. Тем не менее, воспоминание об этом и поныне слышно среди населения станицы...»[101]. Примечательно, что в своем большинстве казаки станицы Кавказской являлись старообрядцами, и подвергались ограничениям в правах.

В память о чудесном спасении царской семьи во время крушения поезда в 1888 г. на станции Борки в г. Екатеринодаре были заложены два собора – Екатерининский, каждый из порталов которого был освящен по имени святого, тезоименитого какому-либо члену царствующего дома, и Троицкий.

Однако встречаются в архивных делах и свидетельства другого рода. Атаман ст. Архангельской доносил в феврале 1885 г. Кавказскому уездному начальнику, что «урядник той же станицы Павел Леонов Фролов, при разговоре с урядником Евдокимом Артовским, казаком Матвеем Дробышевым и другими произносил ругательства против священной Особы Государя Императора»[102]. Урядник станицы Темижбекской «Иван Григорьев Андреев 2г-го ноября 1884 года, в присутствии нескольких сторонних лиц высказался так: «За неправду убили Государя и за неправду следует убить нынешнего Государя и перевести всю Романовскую династию»[103]

Правда большинство таких свидетельств и полицейских дознаний связаны с бытовыми сценами на почве пьянства. 14 июля 1885 г. «урядник Иван Казачкин в лавке казака ст. Дагестанской Захара Калганова во время выпивки водки поссорился с урядником Шевыревым, причем Казачкин схватился за подзагазник черкески Шевырева, в которой находились призовые часы, и Шевырев заявил Казачкину следующими словами: «Не хватайся за это место, здесь Государь (выбитое на крышке часов изображение Александра III. – О.М.)», на что Казачкин ответил: «У тебя там не Государь, а чёрт сидит»[104]. В протоколе дознания, проведенного 2 марта 1885 г. в ст. Бесстрашной, говорилось, что будучи выпивши в заведении купца Лариона Щекина, урядник Дмитрий Фастов за глаза ругал урядника станицы Бесстрашной Трофима Харламова «неприличными скверно-матерными словами». А поскольку Харламов был Георгиевским кавалером и имел медаль за усердную службу с портретом Его Императорского Величества, досталось и императору[105]

Неоднозначной была оценка императора и старообрядческим населением Кубани. Так, 13 марта 1894 г. жандармский унтер-офицер в

посаде Туапсе докладывал помощнику начальника Кубанского областного жандармского управления в Черноморском округе: «По народному слуху на днях я услышал, что в деревне Ольгинской Вельяминовского участка в последних числах прошлого февраля поселанка названной деревни, под именем Староверка при какой-то компании выразили слова против Государа Императора, говоря: «Раскольник ваш Государь, он вовлекает вас в вечную пагубу и вы пропадете вместе с ним». При этом будто бы много было свидетелей и какой-то десятник шоссеиной дороги притесовался к этой женщине и даже за это нанёс ей удар и обещал сообщить об этом мне, но, однако же, не сообщил и по настоящее время»[106]. Позже жандарм установил, что «оскорбительные слова против Особы Его Величества» произносила «поселанка деревни Ольгинской, староверка, вдова Ефрония Лаврентьева Крохина»[107].

Николай II. Несмотря на размывание на рубеже XIX-XX столетий традиционных воззрений на верховную власть память о Николае II опиралась на православную традицию[108]. Н.Г. Бородачёв из ст. Сторожевой говорил нам, что казаки «Его (царя. – О.М.) чуть ли не Господом считали, верно служили исключительно»[109]. М.Ф. Перепелица из ст. Нижегородской, на вопрос, как относились казаки к царю, отвечал: «Царь от Бога, служба Царю и Отечеству. Почитали, почитали»[110]. Павел Дмитриевич Беспалов из ст. Тверской на тот же вопрос ответил: «Это был Бог для них. Для них был Бог. Всё давал»[111]. М. Блок полагал, что воззрения о сакральном характере монархической власти, пришедшие из Средневековья, и в Новое время не утратили своей силы. Напротив, весь тот богатейший пласт народных представлений, «которому монархи были обязаны большей частью своего нравственного влияния, постоянно расширялся»[112]. Казак ст. Новопокровской Андрей Гордышев в своём бесхитроном «стишке» «О трёх царях» писал о восшествии на престол Николая II: «После манифеста узники встретились прямо за церковью; просили священников молебны служить за здоровье Батюшки Царя своего. Вот тут-то Великим назвали его. Людское оглашение Божий глас всегда. Теперь Царю мы ожидаем Божие помазание, 14 -го мая буде коронование. Ещё милости придёт, с вышнего покрова Бог ему пошлёт»[113]

В наши дни политологи и публицисты применяют понятие «харизма» почти без разбору ко всякого рода лидерам, тем самым выхолащивая его изначальное содержание. Обращаясь к народным представлениям о сакральном характере монархической власти, мы можем восстановить более глубокий смысл харизмы[114]. Ею были отмечены лишь те личности, которые обладали гносеологическими привилегиями,

подтверждёнными и санкционированными церковью. Их харизма не была индивидуальной и не зависела от качеств обладавшего ею лица. Каков бы ни был тот или иной монарх, его деятельность определялась происхождением и церковным помазанием. Ставя монарха в полную зависимость от Бога, народ в царе призывал Божью волю для верховного устройства земных дел, предоставляя ему для этого всю безграничность власти: «Суд царёв, а правда Божия», «Никто против Бога, да против царя», «Царь от Бога пристав»[115].

Особенно сильны были такие представления в среде казаков Собственного Его императорского величества конвоя. Гвардейцы занимали в народном сознании то пространство, в котором происходило единение царя и народа. П.М. Косилов из ст. Григориполисской рассказывал: «У нас Болдырев дед, служил отец (его. – О.М.) при царе и сейчас у них ещё осталось... Царь в день Рождества всем своим слугам дарил иконы. Громадная икона у них стоит [...] Он в революцию уже погиб, сам Болдырь. А бабка долго жила. А эти, ну, похоже, из заграницы. Они чёрт её знает, дюже дорого. И она не отдала. И так она и сейчас. Вот такие вот. Они сидят: жана, две дочери, карточка, и он – Николай Второй»[116].

Весьма показательно в этом отрывке описание портрета царской семьи вместе с царской иконой. Образ царя был в сознании казаков государственным символом страны, воплотившем в себе национальную и религиозную идентичность[117]. Бескорыстное служение Романовых России в народной картине мира давало примеры жертвования на благо страны. Вот что, например, писали в своём приговоре жители станицы Поповической в 1912 году: «Наступающий 1913 год является радостным событием в истории Русского Царства: в этом году наступит трёхсотлетие Русского Царствующего Дома. Испытывая глубокую радость по поводу наступающего Юбилейного праздника, мы и всё казачье население нашей станицы, преисполненные чувством любви к дорогой Родине и безпредельной преданности обожаемому монарху и движимые истинным желанием ознаменовать это радостное для всего русского народа событие открытием на наши средства стипендий в высших учебных заведениях, единогласно постановили [...] просить ходатайство о разрешении в память 300 летия царствования Дома Романовых наименовать эти стипендии Царскими Романовскими»[118].

По словам В.В. Лихолитова из ст. Исправной, казаки очень «любылы» царя[119]. Н.Г. Бородачёв из ст. Сторожевой пояснял причину такой любви: «Потому, шо царь создал условия жизни для них (кубанских казаков. – О.М.). Они здесь имели все права и, притом, наделы земли

достаточные. И казаки относились к нему очень доброжелательно, потому что он дал им такую волю, такие права все, как не благодарить его» [120]. П.Д. Беспалов говорил: «На казаков было такое внимание, что ни на одну касту в государстве не обращалось внимание, как на казаков»[121].

Само назначение казачьего сословия мыслилось как особенное служение царю и Богу, а само сословие как форма общего для всех христиан дела – спасения души. На Кубани говорили: «На тэ козак народэвся, шоб Богу и царю сгодывся»[122]. И.Я. Самойленко из ст. Батуринской пояснял нам, что в годы советской власти «в первую очередь казаков притесняли, потому, что козак стоял за царя и Отечество»[123]. П.Д. Беспалов говорил: «Почему они пострадали? Потому что у них лозунг был: «За Веру, Царя и Отечество». Это ж казачий лозунг был. С детства!»[124]. Н.Г. Бородачёв рассказывал, что его отца «брали, арестовывали восемь раз. Причина та, что он при дворце царя был [...]. Возьмут, а вины нет. Опять приедет. Опять побудет, опять арестовывают»[125].

Возвышая монарха, казаки-конвойцы в то же время ценили простоту и обходительность Николая II. «Он был простой и доступный, – вспоминал казак ст. Новоминской Т.К. Ящик[126]. Казак ст. Ладожской Востриков, вспоминая о службе при царском дворе, «не раз рассказывал своим соседям о встречах с царём, который не раз вёл разговоры с кубанскими казаками и лично с ним. Востриков утверждал, что царь был простым, скромным и душевным человеком»[127]. Весьма значимым для казаков был тот факт, что царь ценил народное мнение. Т.К. Ящик вспоминал: «Императору поступали подробные сообщения из мест бедствия, где многие засеянные пшеницей поля и дома оказались под водой. Необходимо было узнать мнение простых людей о случившемся, поэтому царь спросил, не получал ли я писем из дома. Я рассказал обо всём, что мне написали, император выслушал всё с большим интересом. Очевидно, ему хотелось знать, насколько правдивы были официальные донесения. Таков был наш император»[128]. Простота в быту и поведение царя-труженика наряду с его верностью православным ценностям делала его особенно привлекательным в народных представлениях[129]. В народной картине мира царь вполне может даже выдать свою дочку замуж за храброго казака. П.Е. Придиус зафиксировал в своё время рассказы старожилов ст. Бесстрашной о конвойце Иване Винникове и привёл их в документальной повести «Две жизни казака Тимофея Винникова»: «На другом крае станицы подвыпивший казак божился перед друзьями: «Царь Николай, знаете, запросто с Иваном корешевал.

Ну, вот как я с вами...»

– Пойди, кум, prospись.

– Говорю, корешевал, значит, знаю. Хотите, завтра у Винниковых сами увидите карточку: стоит Иван в обнимку с царём, оба лыбятся, куда там, довольные.

– Да что ж, ядрёна мать, с каждым казаком царь снимался, што ли?

– Может, и не с каждым, но тут, братцы, маленький секрет: царь хотел выдать за Ивана замуж царевну, ну, дочку свою, их у него там штук десять, как не больше.

– Ну, и за чем остановка?

– Вот дурья голова – «за чем?» Иван прямо сказал царю: «Я уже женат, Ваше Величество, а от живой жены у нас, у казаков, грех прятаться. Меня в моей Бесстрашной дожидается Фрося, а с нею четверо деток».

Тем не менее, по законам народной истории, Николай II награждает казака: «Царь неволить Ивана с женитьбой, понятно не стал, он же нашего, казачьего роду, тоже умный, даже похвалил Винника за верность, значит, супружницкую, велел выдать на каждого дитёнка по гостинцу, а Апроксинье Лексевне сама царица отложила новёхонькое постельное бельё, льняное, аж хрустит... А самому Ивану царь с царицей надарили казацкой формы - поглядеть любо-дорого»[130]. Свидетельства царских пожалований сохраняются в памяти народной микротопонимии. Михаил Федорович Мануйленко из ст. Воровсколесской с большим значением подчёркивал нам: «Называются Царские школы! На средства Царя построены!» [131].

Подобно тому, как мир-макрокосм управляется Богом, а человеческое тело-микрокосм – душою, так и политическим телом в народной картине мира управлял монарх, отношение которого к подданным можно уподобить отношению головы к членам [132]. В народных представлениях отношения государя и казаков – это патриархальные отношения «батюшки» и его «детей»[133]. С.А. Голованова справедливо указывает, что казачьему монархизму был присущ оттенок патернализма[134]. В песне хутора Кубанского Николай II, призывающий помочь осаждённому Порт-Артуру, обращается к казакам «мои дети»[135]. Патерналистские доверительные отношения подкреплялись назначением наследника Цесаревича атаманом всех казачьих войск[136]. Не случайно среди запрещённых в тридцатые годы властями песен, как вспоминал А.Н. Бондарев, выделялась та, в которой «были слова: «Наследнику Алексею от всех казачьих войск привет»[137].

В нарисованном народным сознанием портрете императора,

конечно же, были и тёмные мазки. Так, 7 марта 1905 г. вахмистр ст. Николаевской П.Е. Бекетов сообщал, что «нестроевой старшего разряда Василий Иванович Арканников при разговоре высказывался: «Зачем идти на войну, был бы интерес, один какой-нибудь негодяй открыл войну, а нас гонят, зачем и для чего удовольствия, теперь бунтуют гимназии... училища»[138]. Казак ст. Конеловской А.Д. Индыго показывал на своего станичника Антона Тимофеевича Сынтюка в августе 1905 г., что тот обругал намеревавшихся идти на войну урядника Пасевича и бомбардира Сасык дураками, «ругнул площадными словами», что «они идут, я не пошёл бы». На вопрос Индыго, почему он не пошёл бы, он сказал: «Я мать его так, Государя Императора, раз завив войну, сам ныхай и кончае», и он долго ругал правительство и всех, кто ему служит»[139]. Все эти свидетельства относятся уже к 1905 году, когда Первая русская революция внесла сильный перелом в сознание. Наличие таких настроений несомненно, но показателен и факт доносов на своих станичников-радикалов казаками, обычно не любившими выносить сор из хаты.

Советскими историками было немало написано о революционных выступлениях армейских и казачьих частей в этот период. Но в отношении казачьих подразделений ими были сделаны любопытные выводы. Один из самых авторитетных кубанских исследователей Б.А. Трёхбратов, досконально изучавший документы о восстании 2-го Урупского полка и 14, 15 и 17 пластунских батальонов, обратил внимание на следующее обстоятельство. «Требования пластунов, – пишет историк, – были пропитаны наивно-монархическими иллюзиями»[140]. Пластуны заявляли, что «царь, вероятно, ничего не знает об их призыве на службу и что собраны они для охраны купцов, на средства которых и содержатся»[141]. Воззвание урупцев «Ко всем гражданам России!» показывает, что «казаками ещё не была изжита вера в «царя-батюшку», который манифестом 17 октября дал якобы «всему народу свободу, а начальство хочет отнять свободу назад»[142].

Б.А.Трёхбратов по традиции, сложившейся в советской исторической науке, называет такие представления казаков «наивно-монархическими иллюзиями». Нам представляется, что наивность подобных представлений относительна, а казачий монархизм имеет вполне реальные основания. Это, в том числе, – отделение царя от сановников, бюрократии (даже противопоставление их) и своеобразная идеализация монарха[143].

Писатель В.Г. Короленко, побывавший у уральцев, в путевых очерках «У казаков» воспроизвёл разговор с ними на «политическую

тему»:

– Да ведь верховная власть это и есть государь, – заметил писатель.

– Государь император – особо. А верховная власть – высшее начальство... Нет... Знаем мы... Учёны..., – отвечает казак.

Короленко в связи с этим делает вывод: «Таково это степное верноподданство. Оно решительно отделяет царя от реальной власти, идеализирует его, но вместе превращает в отвлечённость. И затем противится реальной власти во имя этой мифической силы...»[144].

Если либеральная интеллигенция присвоила Николаю II эпитет «Кровавый», то в сознании массы кубанцев он, напротив, выступал милостивым монархом. Отпускание грехов, входящее в обязанность священников, являлось одним из источников сакрализации монарха в народной картине мира[145]. В изображении А.И. Гордышева Николай II «заточённых каторжников, сибирцев, томцев, омцев и вятцев сыльных 3-ю часть простил. Со всех тюремных замков, городов и сёл по суду приговорённых в лёгких наказаниях всех поотменял. Много чинов военных и гражданских право возвратил. Так царь убирался в церковь и к венцу, всё проще подробно думал думку свою и пошёл всем честью, в добрый час ему. Возвращаясь из церкви шли оба Величества. А матушка царица ждёт своих детей, но вдруг показались на головах Венцы. Идут её дети, первые птенцы, во дворец спешу, народ ожидает; манифест подпиши. Николай II много людей вразумил, много узников простил»[146].

В то же время монарх предстаёт в народном сознании источником силы и казачьей славы: «Близ царя – близ чести»[147]. Если для либеральной общественности принятие Николаем II звания Верховного главнокомандующего русской армией в августе 1915 г. воспринималось как нелепость и склонялось на все лады, то для народного восприятия этот факт имел огромное значение. Е.Е. Алферьев отмечал, что «в армии принятие Государем Верховного командования было принято восторженно»[148]. Историк русской армии А.А. Керсновский считал, что «это было единственным выходом из создавшейся обстановки. Каждый час промедления грозил гибелью. Верховный главнокомандующий и его сотрудники не справлялись больше с положением – их надлежало срочно заменить. А за отсутствием в России полководца заменить Верховного мог только Государь»[149].

Личное присутствие царя на фронте, благословение им русских войск на кровавый бой сближало Николая II с идеалом христианского монарха, который сложился в народных представлениях издревле. Так

в отрывке «Песни о Роланде», в котором Карл Великий своей правой рукой благословляет полки на битву с эмиром Балиганом, французский историк М. Блок видит красноречивое выражение веры в сакральную силу королевского благословения[150]. Н.Г. Бородачёв вспоминал рассказ своего дяди, участника Первой мировой войны: «Приезжал на тот фронт царь Николай Второй с своим наследником [...]. В белой черкеске наследник. И царь тоже в белой. И как выстроит нас! Это его дословные слова (дяди. – О.М.). «Здравия желаю, казаки!» А мы, казаки «Здравия желаем Ваше Высочество!» – как гаркнули!»[151]. А.Н. Бондарев привёл воспоминания своего отца, который видел «царя и Алексея»: «Был на передовой с Алексеем. Прямо на передовой линии. Николай Второй находился с Алексеем. Ему (Алексею. – О.М.) тогда было четырнадцать лет. Он разговаривал с казаками. Казаки ж его охраняли»[152]. Сравним эти не прямые свидетельства с сообщением очевидца. Он так описывал встречу Николая II с кубанскими казаками:

«—Здорово, славные кубанцы! донеслось до нашего слуха приветствие царя. И громовым эхом, восторженным вихрем и бурей отдалось по рядам общим кличем:

—Здравия желаем, Ваше Императорское Величество!

Тысячи глаз устремились и влились в него, как будто желали навсегда, навеки запечатлеть в себе Этот образ, Это царственное лицо своего любимого Вождя.

Раздалась команда построиться по-полусотенно к церемониальному маршу. Опять трепещет радостно сердце, опять значит предстоит счастье быть в непосредственной близости от царя.

Стройными рядами проходили кубанцы мимо Государя Императора, получая от него драгоценное Царское «спасибо за боевую славную службу». Весело и радостно светились лица казаков и молодецкато неслись дружные ответы:

—Рады стараться, Ваше Императорское Величество!

Когда кончился церемониальный марш, нас вновь перестроили, и вот вновь приблизился к нам наш Царь, обратившийся к нам с речью, слова которой навеки запечатлелись в сердце каждого слушавшего.

—Дорогие кубанцы, надеюсь, что и вы послужите мне и родине так, как служили ваши предки, надеюсь, что и впредь до последнего вы будете такие же герои, какими вы были до этого»[153].

Не отсутствие тех или иных качеств, необходимых для Верховного главнокомандующего, на которые хором указывали разоблачители монархии, было важным для народного сознания, а само нахождение царя среди войск. Недаром Е.Е. Алферьев отмечал, что «своим

присутствием в эпицентре грандиозных событий Он вернул своей армии духовную силу для борьбы с внешним врагом. Та же духовная сила захватила и народные массы, возродила веру в победу и волю к труду по вооружению армии»[154].

М.Я. Могильный из ст. Кардоникской рассказывал: «Николай выезжал (на фронт – О.М.). Солдаты ж начали бунтовать. Да оно то тяжело было, оно всем нелегко было. Ну, оно и не надо было бунтовать. Що, мы, мол, война идёть четыре года, а он выезжал на хронт и : «Дети мои! Потерпите ещё!» Уже война заканчивалася, уже побеждали. «Потерпите!». А они говорят: «Сколько терпеть?» — Четыре года, кагда этому конец? Гниём в окопах, да бьют нас. Када, на чёрта она сдалась, война!». Солдаты начали. А он уговаривал. «Мы даже земли немаем!» «Всем землю нарежу, всех одарю и больше воевать не будут, и дети ваши не будут». А намёк такой был, если б не переворот, значит, намечено было, уже и другие державы [...]. Будет Белый царь называться, русский царь [...]. Ну, а так разговор был, шо у нас Белый царь будить и воевать на нас никто не будет уже»[155]. В изложении Макара Яковлевича показан не только царь, вдохновляющий войска, но и дана своеобразная народная философия истории, возможная альтернатива развития событий («Если б не переворот»). Сотенный фельдшер 5-й Кавказской дивизии И.Я. Прийма, ряд стихотворений которого стали кубанскими народными песнями, так отразил подобные настроения: «Мы повернули к Ефрату гремучему: / «Скоро ли кончится эта война?... / Все уж истерзаны, все уж измучены, / Всем надоела уж очень она. / Мы схоронили немало товарищей, / Нам уж невесело - ноют сердца, / А необъятно великим лишениям / Нет до сих пор и не видно конца. / Много истрачено сил, напряжения, / Кровь же всё льётся, а время летит... / Скоро ль конец этим страшным сражениям? / Долго ли будем тебя мы мутить?!» / «Скоро, ответил Ефрат нам торжественно, / Скоро уж кончится эта война, / Кончатся скоро труды ваши тяжкие, / Скоро вас встретит родная страна. / Вы здесь не даром так долго сражаетесь / И не напрасно несёте труды. / Вы ведь к победе своей приближаетесь / И далеко, далеко от беды: / Ваши враги все в толпе беспорядочной, / Силы исчерпаны ими до дна / В дали таинственной, в дали загадочной / Ваша победа над ними видна! / Сразу забыли мы наши лишения, / Тяжести все те, что каждый сносил / И понеслись мы навстречу опасностям / С новым запасом терпенья и сил»[156]. Как созвучны эти переживания патриотов России известным словам Уинстона Черчилля, бывшего английским военным министром в период Первой мировой войны: «Ни к одной стране судьба не была так жестока, как к России. Её

корабль пошёл ко дну, когда гавань была на виду. Она уже претерпела бурю, когда всё обрушилось. Все жертвы были принесены, вся работа завершена. Отчаяние и измена овладели властью, когда задача была уже выполнена. Долгие отступления окончились; снарядный голод побеждён; вооружение притекало широким потоком; более сильная, более многочисленная, лучше снабжённая армия сторожила огромный фронт; тыловые сборные пункты были переполнены людьми. Алексеев руководил армией и Колчак флотом. Кроме того, – никаких трудных действий больше не требовалось: оставаться на посту; тяжёлым грузом давить на широко растянувшиеся германские линии; удерживать, не проявляя особой активности, слабеющие силы противника на своём фронте; иными словами - держаться; вот всё, что стояло между Россией и плодами общей победы»[157].

В литературе сложилась точка зрения, согласно которой «основная масса казачества отнеслась сочувственно или равнодушно к свержению Николая II»[158]. Большинство конвойцев, — как отмечает Н.Д. Плотников, — «отречение царя восприняли как катастрофу. Тем не менее Временному правительству присягнули все»[159].

Нам представляется, что «равнодушие» к судьбе Николая II определяли не только усталость от войны, нежелание выполнять полицейские функции, обострение социальных противоречий и т.п., но и слом имперского сознания казачьего служилого сословия, произошедший после отречения императора. Вынужденный отказ Николая II от власти означал не только падение самодержавия в России, но и крушение модели мира народных представлений, на вершине которой находился монарх, развенчание идеалов государственного служения и отречения от личной воли. Для понимания служилой психологии очень показательны размышления русского военного атташе во Франции полковника графа А.А. Игнатьева, когда он встал перед необходимостью издать приказ по вверенному ему управлению о признании высшей властью в России Временного правительства. Составив приказ, он долго не мог решиться подписать его. «Что же ещё меня удерживает от подписания приказа, знаменующего моё вступление в ряды тех, кто сверг царя с престола? И в эту минуту какой-то внутренний голос, который я не в силах был заглушить, помог разгадать загадку: «А «присяга»?.. Офицерская присяга? Ты забыл про неё? Про кавалергардский штандарт, перед которым ты её приносил, поклявшись защищать «царя и отечество» «до последней капли крови». Отдавая приказ, ты не только её сам нарушишь, но потребуешь нарушить её от своих подчинённых. Стало страшно, хотелось порвать всё написанное... Но сам-то царь... Он

нарушил клятву, данную в моём присутствии под древними сводами Успенского собора при короновании. Русский царь «отрекаться» не может... Николай II своим отречением сам освобождает меня от данной ему присяги, и какой скверный пример подаёт он нам, военным!»[160]. Такие соображения определяли тогда позицию всех военных. Офицер 22-го пластунского батальона Н.М. Свидин вспоминал: «Я был воспитан в монархическом духе, и эти события казались мне такими невероятными, просто катастрофическими для моей страны, что я вполне серьёзно подумывал о самоубийстве [...] На офицеров было больно смотреть. Они запивали водкой свою печаль [...]. Казаки были, как и мы, потрясены. Они не понимали, как можно жить без царя»[161]. В народной памяти отречение Государя воспринимается как потеря чего-то светлого, радостного. М.Ф. Мануйленко привёл рассказ станичника из ст. Воровсколеской, служившего в гвардии: «Это Николай, што отрёкся от престола... Один, што умер на Поднизовке (край станицы. – О.М.), Болдырев (рассказывал. – О.М.). И када, гаварить, нас, гвардию, и вот, значить, его (Царя. – О.М.) дочка, или две дочки, хадили, каждому па два платочка салдату давали и по скоко-то рублей золотом. Это он сам рассказывал»[162].

Вместе с тем, монархические представления ещё долго были присущи менталитету кубанского казачества, особенно после того, как революционные иллюзии были изжиты и «диктатура пролетариата» показала своё истинное лицо в отношении системы ценностей казаков. С.Е. Дамницкий рассказывал нам о «бабьем бунте» в ст. Мингрельской: «Цэ в тридцать втором гаду... Ближе к базару, там почта была. Бабы собыралось [...] Ну, вот, дайты нам царя, крычалы. Царя... Як далы царя! Взялы, да плётюк. Щас, мы вам дадим царя! Женско восстание, мужиков ны було. Отведут в совет, дадут плётюк»[163].

Официальные разоблачительные оценки Николая II как слабовольного, неумного и т. п. монарха, вызывали подсознательный протест. Г.М. Москаленко из ст. Переяславской вспоминал: «Бабка говорит, при царю и пожили немножко. Каже, «был царь Мыкола дурачок, так на базаре кобыла стоила пятачок!» Бабка говорит, шо при Николае и пожили казачество, уже чуть пожила»[164]. И.Я. Самойленко из ст. Батуринской говорил нам, что с уважением к царю «не только козаки относились, но люди, это только кажуть: «Да царь, цэ – Иванушка-дурачок». Цэ ж только в книжках пысалось – наверное, Иванушка-дурачок. Люди умни булы, люди очень умни. Як подумаешь, як оно всё було, сам себе прикинешь: «Вот, всё-таки держали ж страну и держали страну у порядке, не как-нибудь же ж там, шалтай-болтай»[165].

Убийство Николая II и его семьи воспринималось кубанскими казаками как преступление коммунистов, инициатива которого исходила от руководства партии. А.П. Ткаченко из ст. Кардоникской говорил нам: «Када началась революция, были Ленин и Сталин, это были уже, как они советовали. Так этого, царя убили. Эта власть, советская власть, Ленин и Сталин командовали этим. А кто там убивал, они командовали»[166].

Во все годы советской власти в народе тайно сохранялось почитание царя-мученика. Б.Н. Ельцин пишет в мемуарах, что партийное решение о сносе дома Ипатьевых основывалось на том, что дом стал объектом почитания: «К дому, где расстреляли царя, люди ходили всегда. Приезжали посмотреть на него даже из других городов... по каким-то линиям и каналам информация о большом количестве паломников к дому Ипатьева пошла в Москву»[167].

В ст. Темнолесской местный старожил Николай Титович Агеев, 1920 г. р., поделился с нами своими размышлениями о царских останках. Свои мысли он изложил в стихах. Николай Титович имел образование лишь насколько классов, но как он нам сказал, «всё, што написано, касается лично меня, я не фантазию какую-то делаю». Вот эти бесхитростные строчки: «Церковь служит и трезвонит, / Людям новость говоря: / «Россия-матушка хоронит / Кости сгнившего царя». / Оплевали, оскорбили, / Гроб внесли в роскошный зал / Шо забыто, отслужили. / Президент наш речь держал. / Сказал он коротко и ясно: / «Никому не стану врать!» / Было ясно, што напрасно / Им пришлось так умирать. / Он, конешно, волновался, / Выступая против всех / Он от вины не отделялся / И делил её на всех. / Хоронили их навечно, / То любя, то не любя / Президент винил, конечно, / Коммунистов и себя. / Люди больше все сбирались / У гробу и во дворе, / И теперь не сомневались / В страшной правде о царе. / Но молились только гости, / Наши нехристи стоят, / И глядят, как на помосте / Кости царские лежат. / Почти век людей стреляли, / И после гибели Его. / Сколько их – их не считали, / И не жалели никого. / Сколько их в земле зарыто / Посчитать никто не мог, / Оскорблённых и забытых, / Знает только один Бог. / Их судили и стреляли / Без какой-нибудь вины / День и ночь уничтожали / Без объявленной вины»[168].

Итак, народная история кубанцев старательно превращала русских императоров в модель царя ожидаемого, реализуемую через коллективную идентификацию, через категорию. Модели Царя включали набор типичных атрибутов поведения идеального монарха: отеческая забота о казачестве, милость к провинившимся, способность защитить униженных и оскорбленных, исполнение заповедей

христоролюбивого воинства. Брань по адресу монарха возникала как реакция на несоответствие реальной политики государственной власти идеальному образу царя. Смоделированная личными и коллективными интересами казаков второй половины XIX в. память об императорах поддерживалась соответствующими церемониями, направленными на консолидацию власти и общества в России. Народный портрет монархов во многом списывался с реальных Романовых, однако устойчивые формы изображения в культурном и политическом контексте эпохи выливались в национальный миф русской монархии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ле Гофф. Ж. Людовик IX Святой / Пер с фр. В.И. Матузовой; коммент. Д.Э. Харитоновича. М., 2001. С. 380.

2. Громько М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М., 2000 С. 438–439.

3. Голованова С.А. Региональные группы казачества Юга России: Опыт системного анализа. Армавир, 2001. С. 120, 122.

4. Побережников И.В. Казачий монархизм (по материалам фольклора казаков XVIII–XIX вв.) // Казачество в истории России. Краснодар, 1993. С. 201.

5. Бигдай А.Д. Песни кубанских казаков. Т. I. Краснодар., 1993. С. 35.

6. Там же. С. 352.

7. Цит. по: Козлов С.А. Екатерина II и казачество // Reflections on Russia in the Eighteenth Century. Київ, 2001. С.71.

8. Успенский Б.А. Этюды о русской истории. СПб., 2002. С. 32.

9. Бигдай А.Д. Указ. соч. Т. I. С. 39.

10. Там же. С. 344.

11. Костомаров Н.И. История казачества в памятниках южнорусского народного песенного творчества // Костомаров Н.И. Славянская мифология. Исторические монографии и исследования. М., 1994. С. 632.

12. Народная проза Кубани. Авторы-составители Л.Б. Мартыненко, И.В. Уварова. Краснодар, 2003. С. 49, 13.

13. РГВИА. Ф. 643. Оп. 1. Д. 4. Л. 182 об.

14. В «Наказе» депутатам Уложенной комиссии императрица предостерегала: «Государственная вольность не в том состоит, чтоб делать все, что кому угодно...»

15. Потто В.А. Два века терского казачества (1577–1801). Репринтн. воспр. изд. 1912 г. Ставрополь, 1991. С. 280.

16. Бигдай А.Д. Указ. соч. Т. I. С. 38.

17. Ламонов А.Д. Исторический очерк о заселении станицы Кавказской Кубанского казачьего войска и жизни ея с 1794 по 1914 год // Захарченко В.Г. Песни станицы Кавказской. Краснодар, 1993. С. 258.

18. Жиганова С.А. Воинские панегирические канты в фольклоре кубанских казаков // Освоение Кубани казачеством: Вопросы истории и культуры. Краснодар, 2002. С. 347.

19. Потто В.А. Кавказская война. Т. I. От древнейших времен до Ермолова. Ставрополь, 1994. С. 529.

20. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 6. Л. 73.

21. Исторические песни / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. С.Н. Азбелева. М., 2001 (Б-ка русского фольклора; Т. 7). С. 255.

22. Осипов А. Александр Васильевич Суворов. М., 1950. С. 137.

23. Федина А.И. Три коронации российских императоров в судьбе трех поколений

семьи Кухаренко // Кубань: проблемы культуры и информатизации. 1999. № 4 (15). С. 29.

24. Уортман Р. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2004. С. 236.

25. Виноградов Б.В. Казачество в системе кавказской политики Павла I // Вопросы историографии и истории Северного Кавказа XVIII – начале XX вв. Краснодар, 1997. С. 110.

26. Бондарь В.В. К истории войсковых храмов Черномории // Освоении Кубани казачеством: Вопросы истории и культуры. Краснодар, 2002. С. 173.

27. Лескинен М.В. Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. М., 2002. С. 20.

28. Там же. С. 141.

29. Уортман Р. Указ. чос. С. 239–240.

30. Эйдельман Н.Я. Грань веков. Политическая борьба в России (Конец XVIII – начало XIX столетия) // В борьбе за власть: Страницы политической истории России XVIII в. М., 1988. С. 342.

31. Фелицын Е.Д., Щербина Ф.А. Кубанское казачье войско. Репринтн. воспр. изд. 1888 г. Краснодар, 1996. С. 280–281.

32. Попка И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту: очерки края, общества, вооруженной силы и службы в двух частях. Краснодар, 1998. С. 130.

33. Уортман Р. Указ. соч. С. 238.

34. Очерки традиционной культуры казачеств России. М. – Краснодар, 2002. Т. 1. С. 343.

35. Керсновский А.А. История русской армии в 4 томах. Т. 1. М., 1992. С. 181.

36. Виноградов Б.В. Указ. соч. С. 109.

37. Уортман Р. Указ. соч. С. 248.

38. Самовтор С.В. Имена членов Российского Императорского Дома на карте Кубани // Во имя России: Спасительный путь Государя Николая II: Материалы научно-практической конференции. Краснодар, 2004. С. 95.

39. Исторические песни. С. 262.

40. Керсновский А.А. Указ. соч. с. 180.

41. Мяснянов Л. Гибель Уральского казачьего войска (Очерк) // Казачий круг. М., 1991. Вып. 1. С. 6.

42. Громыко М.М., Буганов А.В. Указ. соч. С. 454.

43. Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды. М., 1967. С. 184–185.

44. Кошиц А.А. Песни Линейских казаков, Кубанских казаков и солдатские // Вторые Кубанские литературно-исторические чтения. Краснодар, 2000. Публикация В.К. Чумаченко. С. 23.

45. Там же.

46. Там же.

47. Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М., 2000. С. 447.

48. Смолицкий В.Г. Образ атамана Платова в народном творчестве // Атаман Платов в песнях и преданиях. М., 2001. С. 17.

49. Ле Гофф Ж. Указ. соч. Указ. соч. С. 353.

50. Варавва И.Ф. Песни казаков Кубани. Краснодар, 1966. С. 51–52.

51. Галушкин Н.В. Собственный Его Императорского Величества конвой. Составление, научная редакция, предисловие, часть 4, приложение, комментарии, подбор иллюстраций П.Н. Стрелянов (Калабухов). М., 2004. С. 15–16.

52. Песни казаков Приуралья. Историко-фольклорное издание. Собраны и обработаны: В.В. Тёр, О.В. Тёр. Ст. Отрадная, 2000. С. 23.

53. Бигдай А.Д. Указ. соч. Т. II. С. 59.
54. РГИА. Ф. 382. Оп. 12. Д. 12017. Л. 1.
55. ГАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д. 4. Л. 55 об.
56. Шпаковский А. Записки старого казака // Военный сборник. 1871. № 8. С. 356.
57. Миронов И.Ф. Станица Северская Екатеринодарского отдела Кубанской области. 1864–1914 г.г. (К пятидесятилетию юбилею станицы). Екатеринодар, 1914. С. 9.
58. Бигдай А.Д. Указ. соч. Т. II. С. 106.
59. Уортман Р. Указ. соч. С. 411.
60. Там же. С. 410.
61. Бигдай А.Д. Указ. соч. Т. II. С. 124–125.
62. Махлаюк А.В. Армия Римской империи. Очерки традиций и ментальности. Нижний Новгород, 2000. С. 117.
63. Макарова И.Ф. Русский царь в народных представлениях болгар // Славяноведение. 2003. № 5. С. 30.
64. Гулыга И.Е. 1-ый Полтавский кошевого атамана Сидора Белого полк Кубанского казачьего войска. Составил генерал-майор И.Е. Гулыга. Тифлис, 1913. С. 81.
65. Попка И.Д. Указ. соч. С. 132.
66. Попка И.Д. Указ. соч. С. 133–134.
67. Уортман Р. Указ. соч. С. 427.
68. ГАКК. Ф. 454. Оп. 4. Д. 36 а. Л. 59–59 об.
69. Ратушняк В.Н. Кубанские исторические хроники. Малоизвестное об известном: Очерки. Краснодар, 2005. С. 83.
70. Галушкин Н.В. Собственный Его Императорского Величества конвой. Составление, научная редакция, предисловие, часть 4, приложение, комментарии, подбор иллюстраций П.Н. Стрелянов (Калабухов). М., 2004. С. 48.
71. Шарап С.А. Записка полковника Шарапа, главного действующего лица при восстании, Василию Семеновичу Мовс // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1911. Т. 16. С. 360.
72. ГАКК. Ф. 254. Оп. 2. Д. 121. Л. 9 об.
73. Там же. Л. 1 об.
74. ГАКК. Ф. 254. Оп. 2. Д. 121. Л. 2 об.–3.
75. Лященко Л.М. Царь-Освободитель. Жизнь и деяния Александра II. М., 1994. С. 40.
76. Щ-вь А. Хутор Романовский. Открытие памятника Царю-Освободителю // Кубанский казачий вестник. 1914. № 24.
77. Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М., 2000. С. 451.
78. Бутова Е. Песни, поющиеся в станице Ищерской, Грозненского округа // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Вып. 15. Тифлис, 1893. С. 288.
79. Песня про Государя Александра Второго-царя. Записана Действительным членом Кубанского областного статистического комитета А.С. Поповым в Екатеринодарском отделе со слов певца-торбаниста, старого служивого // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1899. Т. V. С. 9–10.
80. Азбелев С.Н. Народная поэзия о гибели императора Александра Второго // Русская речь. 2000. № 4. с. 98.
81. Гусев А. Поверья, праздники, песни и сказки в ст. Ардонской, Терской области // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Тифлис, 1893. Вып. 16. С. 346.

82. Азбелев С.Н. Указ. соч. С. 98.
83. Из станицы Воровсколесской // Кубанские войсковые ведомости (КВВ). 1868. № 23.
84. Ст. Тихорецкая // КВВ. 1868. № 50.
85. Кияшко И.И. 2-й Таманский, Адагумский и Абинский конные полки Кубанского казачьего войска. Исторический очерк // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1908. Т. XIV. С. 461.
86. Ламонов А.Д. Исторический очерк о заселении станицы Кавказской Кубанского казачьего войска и жизни ея с 1794 по 1914 год // Захарченко В.Г. Песни станицы кавказской. Краснодар, 1993. С. 324.
87. Иванова Т. «Уготовим бомбы страшные...» // Родина. 1997. №. 9. С. 96.
88. ГАКК. Ф. 396 Оп. 1. Д. 2597. Л. 2 – 2 об.
89. Там же. Л. 10 – 10 об.
90. ГАКК. Ф. 454. Оп. 4. Д. 36 а. Л. 1.
91. ГАКК. Ф. 584. Оп. 1. Д. 147. Л. 5.
92. Там же. Л. 6.
93. Там же. Л. 5 об.
94. Ле Гофф Ж. Указ. соч. С. 668.
95. Розенберг Л. Из мира народных обычаев и поверий // Северный Кавказ. 1905. № 8.
96. ГАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д. 4. Л. 62.
97. В ст. Воздвиженской // КОВ. 1895. № 235.
98. Дмитренко Ив. Венок от кубанских казаков на гробницу Царя-Миротворца // КОВ. 1894. № 90.
99. Пребывание Их Императорских Величеств в г. Екатеринодаре 21, 22, 23 сентября 1888. Екатеринодар, 1888. С. 20.
100. Ратушняк В.Н. Царь Миротворец на Кубани // Алексеевские чтения. Краснодар, 2004. С. 41.
101. Ламонов А.Д. Указ. соч. С. 324.
102. ГАКК. Ф. 454. Оп. 4. Д. 36 а. Л. 2.
103. ГАКК. Ф. 454. Оп. 4. Д. 36 а. Л. 11.
104. Там же. Л. 51.
105. Там же. Л. 6 об.
106. ГАКК. Ф. 584. О. 1. Д. 170. Л. 26–26 об.
107. Там же. Л. 29.
108. Буганов А.В. Историческая личность в сознании русского народа XIX столетия // Исторический вестник. Москва – Воронеж, 2001. № 2-3. С. 90.
109. ПМ КФЭЭ-1998. Ст. Сторожевая Зеленчукского р-на КЧР. А/к № 1542. Инф. Бородачев Николай Григорьевич, 1926 г. р.
110. ПМ КФЭЭ-2003. Ст. Нижегородская Апшеронского р-на Краснодарского кр. А/к №2936. Инф. перепелица Михаил Фёдорович, 1924 г. р.
111. ПМ КФЭЭ-2003. Ст. Тверская Апшеронского р-на Краснодарского кр. А/к № 2851. Инф. Беспалов Павел Дмитриевич, 1926 г. р.
112. Блок М. Короли-чудотворцы: Очерки представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространённых преимущественно во Франции и в Англии. Перев. с фр. В.А. Мелькиной. М., 1998. С. 370.
113. ГАКК. Ф.670. Оп.1. Д. 4. Л. 62 об.
114. Гуревич А.Я. Послесловие // Блок М. Короли-чудотворцы: Очерки представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространённых преимущественно во Франции и в Англии. Перев. с фр. В.А. Мелькиной. М., 1998. С. 672.

115. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб., 1992. С. 250.
116. ПМ КФЭЭ-1999. Ст. Григориполисская Новоалександровского р-на Ставропольского края (кр.). А/к № 1874. Инф. Косилов Пётр Михайлович, 1910 г.р.
117. Буганов А.В. Историческая личность в сознании русского народа XIX столетия // Исторический вестник. Москва – Воронеж, 2001. №2-3. С. 87.
118. Станица Поповическая. Приговор № 153 18 декабря 1912 г. // Кубанский казачий листок. 1912. № 321.
119. ПМ КФЭЭ-1998. Ст. Исправная Зеленчукского р-на КЧР. А/к № 1553. Инф. Лихолитов Василий Васильевич, 1904 г. р.
120. ПМ КФЭЭ-1998. Ст. Сторожевая Зеленчукского р-на КЧР. А/к № 1542. Инф. Бородачёв Николай Григорьевич, 1926 г. р.
121. ПМ КФЭЭ-2003. Ст. Тверская Апшеронского р-на Краснодарского кр. А/к № 2851. Инф. Беспалов Павел Дмитриевич, 1926 г. р.
122. Волкострел Т.М. Пословицы и поговорки Кубани (исторический и этнический аспекты) // Освоение Кубани казачеством: Вопросы истории и культуры. Краснодар, 2002. С. 339.
123. ПМ КФЭЭ-2002. Ст. Батуриная Брюховецкого р-на Краснодарского кр. А/к № 2679. Инф. Самойленко Иван Яковлевич, 1936 г. р.
124. ПМ КФЭЭ-2003. Ст. Тверская Апшеронского р-на Краснодарского кр. А/к № 2851. Инф. Беспалов Павел Дмитриевич, 1926 г. р.
125. ПМ КФЭЭ-1998. Ст. Сторожевая Зеленчукского р-на КЧР. А/к № 1542. Инф. Бородачёв Николай Григорьевич, 1926 г. р.
126. Ящик Т. От царского двора до Вильбю // Родная Кубань. 2000. № 3. С. 84.
127. Дергунов Ф.С. История станицы Ладожской. Краснодар, 2000. С. 73.
128. Ящик Т. Указ. соч. С. 84.
129. Громько М.М., Буганов А.В. Указ. соч. С. 476.
130. Придиус П.Е. Просто русские... Краснодар, 2002. С. 101–102.
131. ПМ КФЭЭ-2002. Ст. Воровколесская Андроповского р-на Ставропольского кр. А/к № 2707. Инф. Мануйленко Михаил Фёдорович, 1925 г. р.
132. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 147.
133. Побережников И.В. Казачий монархизм (по материалам фольклора казаков XVIII–XIX вв.) // Казачество в истории России. Краснодар, 1993. С. 202.
134. Голованова С.А. Региональные группы казачества Юга России: Опыт системного анализа. Армавир, 2001. С. 120.
135. Капаев В.А. Песни хутора Кубанский. Вып.1. М., 1997. С. 13.
136. Тикиджьян Р.Г. Монархизм в казачьем культурном архетипе XIX века // Научно-практическая конференция «Россия в войнах XX века». Материалы докладов и выступлений участников, 9–10 октября 2001 года, г. Адлер. Краснодар, 2001. С. 217.
137. ПМ КФЭЭ-2002. Ст. Бекешевская Предгорного р-на Ставропольского кр. А/к № 2753. Инф. Бондарев Алексей Николаевич, 1921 г. р.
138. ГАКК. Ф.454. Оп.1 Д.195. Л. 6.
139. Там же. Л. 35.
140. Трёхбратов Б.А. Первые шаги...: Выступления армейских и казачьих частей на Северном Кавказе в период революции 1905–1907 гг. Краснодар, 1989. С. 49.
141. Там же. С. 40.
142. Там же. С. 86.
143. Побережников И.В. Указ. соч. С. 203.
144. Короленко В.Г. У казаков. Из летней поездки на Урал. Челябинск, 1983. С. 84.
145. Блок М. Указ. соч. С. 310.
146. ГАКК. Ф.670. Оп.1. Д. 4. Л. 62–62 об.

147. Тихомиров Л.А. Указ. соч. С. 252.
148. Алферьев Е.Е. Император Николай II как человек сильной воли. Материалы для составления Жития Св. Благочестивейшего Царя-Мученика Николая Великаго Стратотерпца. Свято-Троицкий монастырь Джорданвиль, Н. 1., 1983. С. 107.
149. Керсновский А.А. Указ. соч. Т.3. С. 306.
150. Блок М. Указ. соч. С. 310.
151. ПМ КФЭЭ-1998. Ст. Сторожевая Зеленчукского р-на КЧР. А/к № 1542. Инф. Бородачёв Николай Григорьевич, 1926 г. р.
152. ПМ КФЭЭ-2002. Ст. Бекешевская Предгорного р-на Ставропольского кр. А/к № 2753. Инф. Бондарев Алексей Николаевич, 1921 г. р.
153. Алёхин И.Р. Государь Император среди кубанцев // Сборник славы кубанцев (Кубанцы в великую войну 1914-15-16 г.г.). Повести, рассказы, стихотворения, статьи, письма и заметки. Екатеринодар, 1916. С. 76.
154. Алферьев Е.Е. Указ. соч. С. 109.
155. ПМ КФЭЭ-1998. Ст. Кардоникская Зеленчукского р-на КЧР. А/к № 1662. Инф. Могильный Макар Яковлевич, 1899 г. р.
156. Прийма И. Разговор с Ефратом // Сборник славы кубанцев (Кубанцы в великую войну 1914-15-16 г.г.). Повести, рассказы, стихотворения, статьи, письма и заметки. Екатеринодар, 1916. С. 207–208.
157. Цит. по: Алферьев Е.Е. Указ. соч. С. 111.
158. Футорянский Л.И. Казачество России на рубеже веков. Оренбург, 1998. С. 176.
159. Плотников Н.Д. Собственный Его Величества конвой // Военно-исторический журнал. 1991. № 5. С. 67.
160. Цит. по: Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 1993. С. 287.
161. Свидин Н.М. Тайна казачьего офицера. Краснодар, 2002. С. 12–13.
162. ПМ КФЭЭ-2002. Ст. Воровсколеская Андроповского р-на Ставропольского кр. А/к № 2707. Инф. Мануйленко Михаил Фёдорович, 1925 г. р.
163. ПМ КФЭЭ-2000. Ст. Мингрельская Абинского р-на Краснодарского кр. А/к № 2185. Инф. Дамницкий Сергей Емельянович, 1917 г. р.
164. ПМ КФЭЭ-2002. Ст. Переяславская Брюховецкого р-на Краснодарского кр. А/к № 2604. Инф. Москаленко Григорий Матвеевич, 1927 г. р.
165. ПМ КФЭЭ-2002. Ст. Батуриная Брюховецкого р-на Краснодарского кр. А/к № 2679. Инф. Самойленко Иван Яковлевич, 1936 г. р.
166. ПМ КФЭЭ-1998. Ст. Кардоникская Зеленчукского р-на КЧР. А/к № 1664. Инф. Ткаченко Алексей Петрович, 1905 г. р.
167. Цит. по: Громыко М.М., Буганов А.В. Указ. соч. С. 458.
168. ПМ КФЭЭ-1999. Ст. Темнолесская Шпаковского р-на Ставропольского кр. А/к № 1951. Инф. Агеев Николай Титович, 1920 г. р.

КУБАНСКИЕ ВОСПИТАНИЦЫ В ИНСТИТУТАХ БЛАГОРОДНЫХ ДЕВИЦ

Принято считать, что начало женскому образованию было положено основанием Императорского Воспитательного общества благородных девиц (Смольный) в 1764 году. По образу и подобию Смольного дворянство на свои средства в разных провинциальных центрах открывает женские учебные заведения, поступающие в Ведомство императрицы Марии Фёдоровны. Из первых шести институтов четыре были открыты на Украине – Харьковский, Одесский, Керченский и Полтавский.

И так как на Кубани до появления Кубанского Мариинского женского училища в 1863 году учебных заведений не было, то некоторые институты присылали запросы-приглашения для обучения дочерей дворян. Большинство черноморских дворян, как правило, малосостоятельных, считало образование дочерей излишним. Войсковому начальству был сделан запрос «нужно ли для дочерей Черноморского дворянства институтское образование?»[1]. Наказной атаман Черноморского войска генерал-лейтенант Рашпиль и командующий войсками Кавказской линии и Черномории генерал Заводовский не замедлили с ответом на указанный вопрос рапортом, подчёркивающим назначение женщины в быту дворян Черноморского войска. «Воспитание и приготовление здешнего дворянского юношества женского пола для труда, хозяйства и рачительного призрения своих семейств, а не для парадов и удовольствий, так называемого изящного света...В нашем положении дочерям нашим высшего институтского образования не надобно. А тем более не приходится войску за счёт своей казны доставлять такое образование юным казачкам»[2]. Желавшие могли обучать своих дочерей за свой собственный счёт, но достоверных сведений об этом не найдено. Проект об институтском образовании черноморских дворян был отложен.

Возможность получения институтского образования черноморским казачкам появилась лишь в 1855 году с учреждением особых стипендий от императора. Было предоставлено 30 вакантных мест в учебных заведениях Москвы, Петербурга и других городов. В 1864 году открылись вакансии в украинских институтах благородных девиц: в Одесском – 6, Керченском – 2, Харьковском – 6.

По Уставу женских учебных заведений Ведомства императрицы

Марии, утвержденному 30 августа 1855 года, институты благородных девиц были разделены на 4 разряда и для каждого из них разработан учебный план, который давал девушкам образование в соответствии с их будущим предназначением: «быть добрыми супругами и полезными матерями семейств»[3].

Харьковский и Одесский относились к 1-му разряду учебных заведений. Все девицы, поступающие в заведения 1 и 2-го разрядов, должны, начиная с 10 лет, читать и писать на русском и одном из иностранных языков.

От приёмного экзамена по иностранному языку девицы Кубанского казачьего войска были освобождены разрешением императрицы от 25 марта 1860 года[4].

В старейший Харьковский институт, основанный в славном для России 1812 году, принимались дочери исключительно потомственных дворян или из купеческих семей, детям мещанского или крестьянского происхождения учиться здесь не позволялось. Первоначально институт был частным учреждением, существовавшим за счет дворянства Харьковской губернии, через 6 лет был принят под «Высочайшее покровительство Государыни Императрицы Марии Федоровны».

Институт часто посещали члены императорской фамилии: Великие князья, а также императоры Александр Павлович и Николай Павлович. При каждом своем посещении государь Николай Павлович заботливо вникал во все дела института, делал распоряжения насчет преподавания, устройства здания института и пр. Сначала здесь воспитывалось 20 девиц из дворянских семей. Их целью было получить знания, чтобы в дальнейшем, в случае чего, они могли себе «снискать благородное пропитание, определяясь в дома богатых помещиков для обучения дочерей их», т.е. институт выпускал домашних учительниц.

В данном учебном заведении посчастливилось учиться дочерям дворян Кубанского казачьего войска (бывшего Черноморского): дочери атамана, первого кубанского писателя Я.Г. Кухаренко - А. Кухаренко, М. Черник, Н. Ляшенко, А. Дейнегиной, Матрёне и Акулине Удовициным, М. Лавровской, П. Щербининой. Процесс воспитания строился на послушании и дисциплине.

Распорядок дня выглядел таким образом: в 6 утра подъем, уборка комнаты, молитвы, завтрак. С 8 до 12 часов – уроки. В 13 часов обед, отдых. С 14 до 18 часов снова уроки с часовым перерывом на отдых. С 19 часов до 21 девочки занимались рукоделием, повторяли уроки. В 21 час – ужин, чтения, беседы, молитвы. Одним из основных предметов нравственного воспитания служило религиозное образование в духе

христианских традиций Богопочитания. График был довольно плотным, на занятия уходило более 8 часов в день.

В программу 7-летнего курса учебных предметов женских институтов входило изучение закона Божьего, русского языка и словесности, французского и немецкого языков, географии, естествознания (основы химии и физики), риторики, грамматики, истории, арифметики и, как необходимого предмета, рукоделия и рисования. По желанию и за особую плату девочки могли заниматься музыкой, танцами и иностранными языками. С 1860 года вводится педагогика. Ежемесячно по предметам проходили испытания, а в конце июня ежегодно проходили публичные экзамены. Отличившихся награждали серебряным знаком «За прилежность» с обозначением года, который носили на руке, а также книгами и картинами. По окончании они получали свидетельство.

Работали здесь преподаватели гимназии, университета, почти все давали уроки бесплатно. Среди преподавателей были интересные люди. Более 30 лет давал уроки французского языка талантливый писатель, профессор и ректор университета П.П. Артемовский-Гулак. Его образованность, такт, опытность были настолько значительны, что его вызывала неоднократно Государыня Императрица Александра Федоровна в Петербург для совещания о постановке дела в институтах. За 31 год службы он неоднократно был удостоен высочайших наград – перстней с бриллиантами, денежных подарков. Бескорыстный человек, первые 13 лет он работал бесплатно в институте.

Историю преподавал Н.Н. Войтенко. По воспоминаниям воспитанниц, это был «человек большого ума, глубоко и основательно знавший историю, своим красноречием увлекавший нас так, что мы не слышали звонка. Он вселил в наши сердца такую глубокую любовь к родине, такой патриотизм, что, кажется, не было жертвы, которую мы бы не принесли для блага родины».

Нравился ученицам и учитель географии И.Д. Носачев, излюбленным приемом которого на уроках было «катание». «А ну, девицы, что нам сидеть в душном классе, прокатимся лучше по матушке Волге да посмотрим, что люди там делают и как живут». Хотя он был очень требователен и строг, его уроки ученицы ждали с нетерпением.

Но не все было безоблачным в жизни института. Вот воспоминания одной из воспитанниц, которая училась во времена Анны Кухаренко (1844-1851гг): «Кормили нас плохо, одевали и того хуже. Наказывали так: на провинившуюся воспитанницу надевали ночной чепчик и кофту, пестрый халат и так оставляли сидеть в классе при учителях или

клали на полу среди коридора, по которому ходили и воспитанницы, и учителя. В ходу были даже розги».

Брать детей из института до окончания курса наук родители не имели права, в чем давалось письменное обязательство. Свидания разрешались в воскресные и праздничные дни в присутствии воспитателей.

К сожалению не все выдерживали нагрузок и отрыва от родительского дома в таком возрасте. Так, были намечены к отчислению из Харьковского института благородных девиц Удовицина Матрёна, Щербинина Пульхерия и Лавровская Мария с пометкой: «не подают никакой надежды на сколько-нибудь удовлетворительное окончание курса наук. Девицы недостаточно подготовлены к институтскому образованию»[5]. Но пока шла переписка с начальством Кубанского казачьего войска о возвращении воспитанниц домой, Лавровская и Удовицина усердно занимались, прошли переэкзаменовку и были оставлены в институте для прохождения дальнейшего обучения. После окончания курса наук они долгое время служили классными дамами при Кубанском Мариинском женском училище (институте)[6]. Что касается Щербининой Пульхерии, поступившей в 7 лет, она оставалась в 3 классе 3 года и была отчислена из института. О чём совет Харьковского института докладывал в правление Кубанского войска.

В списке окончивших этот перворазрядный институт в 17-м выпуске значится и 16-летняя дочь атамана Анна Кухаренкова. О ее дальнейшей судьбе известно то, что она в 21 год вышла замуж за окружного начальника, культурного человека А.Ф. Лыкова. У них было четверо детей. Можно предположить, что своим детям она дала достойное воспитание и образование.

За сто лет существования из стен Харьковского института вышло 2129 «добрых жен и полезных матерей семейства». Таким же перворазрядным институтом был и Одесский.

В Одесский женский институт императора Николая I отбор воспитанниц проходил также по сословному признаку. Принимались на бесплатные вакансии дочери лиц недостаточного состояния, преимущественно имеющие военные или гражданские чины и потомственных дворян. На сверхштатные допускали дочерей личных дворян, духовенства, почётных граждан. Одесский институт окончили другие дочери атамана Я.Г. Кухаренко - Мария и Лариса, а также дочь есаула А. Жилинская, отставного полковника - Ксения Пospолитаки, М. Беднягина – дочь окружного судьи Екатеринодарского суда.

Керченский - институт благородных девиц был учрежден в 1835 году, а в 1845 институт назван Кушниковским по имени действительного

статского советника Г.С. Кушникова, пожертвовавшего капитал в 300 тысяч рублей. К 1886 году институт выпустил 600 воспитательниц и учительниц [7]. По Уставу Керченский Кушниковский институт относился ко второму разряду, в котором допускался приём личных дворян с 9 лет. Его окончили дочери полковника Перекреста – Наталья, войскового старшины Белого – Прасковья, есаула Никиты Левченко – Мария, коллежского регистратора М. П. Олейникова – Надежда, а также Кучерова Вера, служившая впоследствии надзирательницей в Кубанском Мариинском женском училище. Леонтович Ольга, воспитанница Керченского Кушниковского института, работала преподавателем рукоделия при первой Екатеринодарской женской гимназии, называемой «Екатерининской» [8].

Институтское образование долгое время сохраняло традиции единственного типа среднего женского учебного заведения. Кубанские воспитанницы по окончании института служили делу распространения просвещения среди местного женского населения, а также воспитывали своих собственных детей в духе казачьих традиций.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Донецкий А. Женские учебные заведения. Таганрог, 1871 г., с. 9.
2. Попко И.Д. Черноморские казаки. СПб. 1858. с. 101.
3. ГАКК. ф. 249, оп.1. д. 2515. л. 11 – 12.
4. ГАКК. ф. 249, оп. 1. д. 2650. л. 38.
5. ГАКК. ф. 249, оп. 1. д. 2416. л. 99.
6. Калайтан С. Пятидесятилетие Кубанского Мариинского женского института (1863 – 1913). Екатеринодар, 1913. с.63.
7. ГАКК. ф. 249, оп. 1, д.2650 л. 100.
8. Говоров Д. Историческая записка о Керченском Кушниковском девичьем институте с основания его в 1835 г. до 1885 г. Керчь, 1888.
9. ГАКК. ф. 495, д. 21, л. 18 – 19.

Анатолій Авраменко

ІСТОРІЯ КУБАНИ В СУЧАСНИХ УКРАЇНСЬКИХ АТЛАСАХ*

Після отримання Україною незалежності попередні радянські історичні атласи виявилися непридатними для викладання української історії. Потрібна була нова концепція, багато які теми необхідно було опрацювати уперше.

*Перепечатано из: Донецький вісник Наукового товариства ім. Шевченка. Т.8. Донецьк: Східний видавничий дім, 2005. С.90–100.

Найперше до розробки історичних атласів для шкіл на замовлення Міністерства освіти України підступило картографічне видавництво «Мапа ЛТД». У 1997–2000 рр. воно надрукувало 5 атласів, що охоплюють історію українських земель з найдавніших часів по 1944 р. [1]. Концепція та авторське опрацювання карт належить Ю.І. Лозі. Побачив успішне здійснення ідеї, пізніше за це взявся також Інститут передових технологій (далі – ІПТ), що розташований у тому ж будинку що й згадане видавництво. Співробітники ІПТ В.С. Власов, Д.В. Ісаєв, О.В. Гісем, О.О. Мартинюк у 2000–2003 рр. видали теж 5 атласів, що доведені до 1939 р. [2]. Обидві серії атласів рекомендовані Міністерством освіти України. Видаються також обласні географічні атласи, що містять історичні карти. Нарешті, в 1997 і 1999 рр. у Львові з'явився друком атлас В. Паїка «Україна в минулому й сьогодні (історичні й географічні карти)», що присвячений автором українській молоді, опрацьований та надрукований поперше у Канаді в 1982 р. [3]. Це все говорить про значні досягнення сучасної історичної картографії України, завдяки зусиллям нечислених ентузіастів.

Історію кубанських земель, що заселялися українцями з кінця XVIII ст., до деякої міри відображено в згаданих атласах. Але першим виданням, присвяченим українцям поза своєю етнічною територією в Російській імперії і СРСР, став атлас «Українці. Східна діаспора» [4]. Карти атласу складено істориками та географами (В. Наулко, І. Винниченко, А. Поріцький, Р. Сосса) на замовлення «Товариства зв'язків з українцями за межами України» ще у 1992 р. на підставі даних офіційної статистики – переписів 1897, 1926, 1959, 1970, 1979 і 1989 років. У цьому виданні Кубань зображена на 10 картах. Атлас містить історичний коментар, але на жаль там є деякі помилки. Наприклад, Жалувана грамота Чорноморському козацькому війську підписана Катериною II не 30 липня, а 30 червня 1792 р.; чорноморці заснували не 42, а 40 куренів; Катеринодар засновано не у 1794, а в 1793 р. Дивує повідомлення, що у 1832 р. царський уряд примусово переселив на Кубань кілька тисяч дівчат з Лівобережної України (с.5). Найавторитетніший історик кубанського козацтва Ф.А. Щербина не тільки не згадував цей факт, але писав про низку причин, що перешкоджували переселенню у той час: неврожай у Чорномор'ї в 1831 р., голод у 1833, холера та повстання у Польщі в 1830–31 рр. «І тільки в 1848 р. було здійснено третє і останнє масове переселення в Чорномор'ю» – 2000 родин [5]. Після Адріанопольського миру з Туреччиною (1829 р.), як повідомлює атлас, розпочалася колонізація чорноморського узбережжя від Анапи до Гагр українцями, в основному азовськими козаками, що повернулися з Туреччини (1832

р.). Але Азовське козацьке військо було оселено на невеликій території між рр. Берда і Кальчик (на стику сучасних Запорозької та Донецької областей), а переселення нечисленних азовських козаків у Закубання сталося лише наприкінці Кавказької війни 1817–1864 рр.

В історичних атласах Ю.І. Лози кубанські землі зображені на багатьох картах різноманітної тематики. В атласі для 5 класу (К., 1997) на території сучасного Краснодарського краю показано розселення скіфів, сарматів, аланів, адигів; вторгнення гунів і хозарів, походи Святослава; Тмутороканське князівство (щоправда, Тмуторокань, або Тмутаракань, як і попередня їй Таматарха показані чомусь не на місці Тамані, а в районі Темрюка). Український п'ятикласник буде знати, що західна частина сучасного Краснодарського краю тимчасово належала до турецьких володінь, а Правобережна Кубань – до Кримського ханства, залежного від Османської імперії з 1475 р. На карті «Українські землі у другій половині XIX ст.» показані межі території суцільного розселення українців, куди потрапила і Кубань як «історико-географічна область України» (с.27). Наступні етногеографічні карти (с.28–29) виявляють, незалежно від авторської концепції, що на території Росії склалися сприятливі умови для розселення українців на південний схід та схід до самого Тихого океану. Українці тут не відчували себе як чужинці, на відміну від Америки. Карта «Україна. Відновлення державності (1917–1920 рр.)» показує Кубань як «державне утворення, що мало увійти до Української держави на договірних засадах» (с.30–31). Це викликає деяке непорозуміння через те що подібна ідея відображає лише нетривалий епізод, що не мав будь-яких наслідків у кубанській історії. Ще більше дивовижним уявляється зображення «території самостійної України у 1918–1920 рр.» з майже незмінними кордонами, що створює у школярів помилкові уявлення. Карти наступної доби ніякої особливої інформації щодо Кубані не містять.

Аналогічний атлас ППТ, виданий у 2003 р., більше компактний, теж багато ілюстрований, але на відміну від атласу Ю.І. Лози, містить текстові коментарі та завдання по картах. Для зручності на усіх картах зображені контури сучасної України. Інформація щодо Кубані до кінця XVIII ст. подана мінімально, але й після цього рубіжу учень не знайде тут ні чорноморського, ні кубанського козацтва. Лише 2 карти виявляють межі розселення українців на початку XX століття, що охоплюють значну частину Кубанської області. Тематично в обох атласах абсолютно переважає політична географія, військова історія, а в атласі Ю.І. Лози ще й етнічна історія. В більшій мірі у нього відображена і історія українського козацтва.

Атласи для 6–10 класів у Ю.І. Лози та для 7–10 класів у ІПТ настільки насичені інформацією, що цілком придатні навіть для студентів-істориків. На жаль, українські видавництва вже тривалий час не можуть знайти коштів для видання останньої частини атласів, щоб довести історію до початку XXI ст. – чиновників не цікавить історія свого народу. Тим часом Ю.І. Лоза продовжує працювати над «Великим атласом історії України», де історія Кубані буде відображена значно повніше.

В атласах для 6–10 класів у Ю.І. Лози та для 7–10 класів у ІПТ тематично переважає політична географія, адміністративно-територіальний поділ, війни, повстання та революції, історія козацтва (для кінця XV–XIX ст.), етнічна географія українського народу (включаючи Кубань). Дуже ґрунтовно розроблені проблеми економіки (особливо в атласах Ю.І. Лози), історія культурного життя, суспільно-політичних та національних рухів, церковна історія. Багато які теми в зазначених атласах розроблені вперше в історичній картографії. При цьому помітна різниця у відображенні однакової тематики, у компоновці карт, в методах картографування, у співвідношенні тематичних розділів. В атласах Ю.І. Лози значно більше приділено уваги етнодемографічним та економічним проблемам, а в атласах ІПТ – військово-політичній історії. Достатньо відзначити, що в атласах ІПТ містяться 18 планів битв (у Ю.І. Лози немає жодного). Багато в чому атласи доповнюють один одного.

Історія Кубані частіше подається елементами політичної географії регіону, а також етнодемографічними даними. Поряд з тим, що вже було відображено в атласі для 5 класу, Ю.І. Лоза додав територію Боспорського царства, показав розселення меотів, сіраків, праболгар. Таматарха й Тмуторокань, або Тмутаракань, в атласі для 6–7 класів показані вже точніше. Згідно з версією автора, Святослав аж три рази перетинав кубанські землі, хоч ми не маємо певних даних про його перебування тут. Показані генуезькі володіння на території сучасного Краснодарського краю, але перебільшені. На території Кримського ханства відзначена Кубанська орда. Для турецької доби показано, що Тамань – центр санджаку, який належав до Кефинського еялету, що важливо для розуміння системи управління. На окремих картах можна побачити, як частина північної та північно-східної території сучасного Краснодарського краю опинилася у складі «бар'єрних земель» (нейтральна смуга між Російською імперією та Кримським ханством), але чомусь Ю.І. Лоза помилково вказує дати: 1711–1774 рр. (атлас 8 класу, с.15, 19, 27, 31). Аналогічний атлас ІПТ дає слушні дати: 1739–

1774 рр.

Історія кубанського козацтва в обох серіях атласів подається фрагментарно. Щоправда в атласі для 8 класу Ю.І. Лоза на двох картах підряд показав територію Чорноморського козацького війська до 1792 р. і в 1792–1860 рр., основні шляхи переселення козаків на Кубань (спеціально він указав, що висадка козаків в Тамані – початок українського заселення Кубані), межі округ і розміщення курінних поселень Чорноморії, але при цьому зробив низку суттєвих помилок. Дуже неточно показаний напрямок переселення козаків морем в 1792 р. (флотилія рушала тільки уздовж берега). На трьох картах центр Чорноморського козацького війська підписаний як «Катеринодар (Карасунський Кут)», нібито місто мало дві назви (с.19, 25). Насправді Карасунський Кут – це місце, де було засновано Катеринодар. На карті «Землі Чорноморського козацького війська (1792–1860 рр.)» курінні поселення показані на 1842 р., але не згадується, що з цього року вони стали станицями. При цьому поселення Незамайвське перетворене в Незамайківський курінь (ця помилка зустрічається на трьох картах), а 10 курінних поселень (Величківське, Дерев'янківське, Джереліївське, Корсунське, Левушківське, Менське, Мишастівське, Нижчестеблівське, Титарівське та Щербинівське) з 1809–1823 рр. одержали додаток «Старо-», чого не помітив автор карти. Станиця Петрівська стала центром Таманської округи не «після 1841 р.», а в 1843 р. Межі округ також не відповідають дійсності: по-перше, три округи (замість чотирьох) було запроваджено в 1842 р., по-друге, такі точні межі як на карті Ю.І. Лози могли з'явитися тільки після розмежування земель в Чорноморії, тобто не раніше 1870 р. Але й такі карти, що містять дані про Чорноморське козацьке військо будуть цікавими для українського учня. До речі, в атласі ІПТ для 9 класу (с.7) адміністративно-територіальний поділ Чорноморії подається надто помилково: невірно дані зовнішні та внутрішні межі, Єйська та Таманська округи показані як суміжні, чого не було в дійсності, центрами округ чомусь стали Темрюк і Єйськ (замість станиць Петрівської та Уманської). Нібито продовжуючи сплутувати читача, у тому ж атласі ІПТ Азовське козацьке військо розміщене не в Катеринославській губернії, а в Таврійській (с.3)! Такі фантазії в атласі недоречні. В атласі Ю.І. Лози для 8 класу територія Азовського козацького війська показана вірно (с.18).

На схід від Чорноморського козацького війська було б доцільно показати 5 станиць, заснованих у 1802 і 1804 рр. колишніми козаками скасованого Катеринославського козацького війська (Воронезька, Ладозька, Тифліська, Казанська, Темижбецька). Ці землі показані Ю.І.

Лозою на карті «Українські землі у 1-й пол. XIX ст.» в атласі для 9 класу як «українська суцільна етнічна територія» (с.3), певно внаслідок того, що згадані станиці були засновані вихідцями з України. Насправді ці козаки походили з російських однодворців – особливого підрозділу військових людей. Цікаво, що на наступних картах Ю.І. Лоза вже виключив цю територію з населених українцями земель. Без абиаких підстав на цій та на подальших картах межа Чорноморії з Таврійською губернією показана між косою Тузла й Таманським півостровом. Це відповідає сучасному кордону між Росією та Україною, але на той час коса продовжувала півострів і цілком належала Чорноморському, а згодом Кубанському козацькому війську.

Атласи для 7 та 8 класів, розроблені ІПТ, вийшли з друку вже після атласів Ю.І. Лози, тому там було можливим виправити помилки і дещо доповнити. Тут на території Кубані читач побачить зовсім невідомі берегові контури, що відносяться до часу 18 тис. років тому; територію Боспорської держави, як на початку V ст. до н.е., так і приєднані у V–III ст. землі; показано більше античних міст, відзначено розселення сіндів, ахеїв, геніохів, грецька назва р. Кубані – Гіпаніс. Згідно з картами, кубанські терени деякий час належали до Тюркського каганату, а частина приморських земель – Трапезундській імперії. Якщо у Ю.І. Лози не відзначені абиаки пам'ятки культури або церковної історії на території Тмутараканського князівства, то в атласі ІПТ видно, що в Тмутаракані знаходилася митрополія Царгородського патріархату, відзначено, що там знаходився зруйнований православний храм (або храми) X–XI ст. Правда, згідно уявленням авторів ІПТ, Тмутараканське князівство існувало навіть до 2-ої половини XII ст., хоч остання згадка щодо Тмутаракані в літопису належить до 1094 року. Зате володіння Генуї тут показані значно меншими, тобто більш реальними.

В атласі 8 класу ІПТ видно, що Тамань була значною турецькою фортецею, а район Тамані – Темрюка зазнавав числених нападів запорожців до середини XVII ст. Частина Кримського ханства на кубанських теренах підписана як «Казиев улус», що свідчить про перебування Малої Ногайської орди в регіоні. Можна було сподіватися, що з кінця XVIII століття (тобто з початку заселення українцями) історія Кубані буде відображена ІПТ ще цікавіше, але надія буде марною. Територія Чорноморського козацького війська показана з двома помилками, але ще більше дивно виглядає пояснення: «Територія Чорноморського козацького війська у 1792–1920 рр. (від 1860 р. – Кубанське козацьке військо)». Відомо, що Кубанське козацьке військо склалося в 1860 р. з двох частин і тому є спадкоємцем

не тільки Чорноморського, але й Кавказького лінійного козацького війська. Абсолютно помилково показана на тій же карті територія Катеринославського козацького війська, дуже неточний вигляд має напрямок переселення козаків-чорноморців у 1792 р. (с.14). Неточно показані також межі Чорноморського козацького війська в атласі ІПТ для 9 класу (с.1). Якщо у попередньому атласі показано «Кубанську укріплену лінію (з 1792 р.)», то тут на тому ж місці – «Чорноморська укріплена лінія 1792 р.».

Ю.І. Лоза проігнорував участь чорноморських козаків у війні проти Наполеона в 1812 р. і будь-яких інших війнах, проте в атласі ІПТ можна побачити, що Чорноморське козацьке військо відправило 3 полки проти французів (с.2). До речі, хоч Ю.І. Лоза і автори ІПТ відмовилися від терміну «Вітчизняна війна 1812 року», замінивши його на «війну Французької та Російської імперій 1812 р.», дві карти ІПТ дають великий матеріал, фактично підтверджуючи, що для українського народу ця війна була такою ж Вітчизняною як і для російського. На карті ІПТ показано також маршрут переселення до Кубані козаків Усть-Дунайського (Буджацького) козацького війська, що було створено та скасовано у 1807 р.

В атласі для 9 класу на карті «Національний та суспільно-політичні рухи в українських землях», охоплюючи 1861–1907 рр., Ю.І. Лоза показав як прояв національного руху на Кубані тільки українську громаду у Катеринодарі (с.9). На аналогічній карті ІПТ Кубані зовсім немає. Зовсім не відображені в обох атласах також події революції 1905–1907 рр. на кубанських землях. Завдяки працям кубанських дослідників ми знаємо, що в 1901 р. у Катеринодарі з'явився перший гурток Револьюційної української партії (РУП), що була створена в 1890 р. у Харкові. Після літа 1902 р. він поповнюється виключеними студентами-семінаристами, що приїхали з Полтави, серед яких був С.В. Петлюра. Поступово виникали місцеві кубанські гуртки РУП, що були тісно зв'язані з товариством «Просвіта». У 1906 р. «Просвіту» було створено у Катеринодарі, а незабаром виникли 15 формально незалежних філій товариства в Темрюку, Майкопі, Новоросійську, станицях Канівській, Кушовській, Лабинській, Новотитарівській, Пашківській, Пензенській, Платнірівській, Северській, Тихорецькій, Уманській, Усть-Лабинській, в хуторах Зубова Балка та Романівському.

Досить докладно в атласі для 10 класу Ю.І. Лоза подає різні періоди революції та збройної боротьби 1917–21 рр. (с.2–11), але на території Кубані не видно ніяких бойових дій – автор обмежився лише короткими переліками деяких подій у регіоні, переважно торкаючись політичного

та державного статусу Кубані. Атлас для 10 класу ІІТ також докладно висвітлює цю добу (с.4–10), але інформація щодо Кубані дуже невелика: повідомлюється, що у вересні 1917 – травні 1918 р. існував Кубанський край (що дуже суперечно), потім – Кубано-Чорноморська Радянська Республіка, Кубанська Республіка; показано територію, що була окупована військами Антанти (дуже перебільшена), наступ Червоної Армії на Кубані, капітуляція білогвардійців 27. ІІ. 1920 р., боротьба з врангелєвськими десантами (причому успіх десанту на Тамані дуже перебільшено, а коло Новоросійську десант навіть не показано). Нічого специфічно-українського в цих подіях на Кубані не видно.

Виходячи з карти «Освіта, наука, література та мистецтво у ХІХ – на поч. ХХ ст.» в атласі для 9 класу Ю.І. Лози (с.20–21), на Кубані взагалі нічого подібного не було. В атласі ІІТ обмежилися показом складу населення Кубанської області за віросповіданням, а Катеринодар відмічений, як центр православної Кубанської єпархії. Радянський період культурного життя українців Кубані проігнорували обидва атласи. Дані про культуру Кубані з 1917 р. у Ю.І. Лози обмежені лише посиланням на те, що в 1927–30 рр. тут рідною мовою навчалося менше 10% школярів-українців (с.18). На жаль, обидва атласи обійшли увагою політику «українізації» на Кубані, що проводилася радянською владою до 1933 р. Українському читачеві треба повідомити, що освіта, наука, література та мистецтво Кубані ХІХ – початку ХХ ст. були представлені такими іменами, як, наприклад, Ф.А. Щербина – відомий історик, економіст і статистик; Я.Г. Кухаренко – генерал-майор, письменник і етнограф; Ф.Я. Коваленко – засновник Катеринодарської картинної галереї; В.С. Мова – поет, прозаїк і драматург; Г.В. Доброскок – драматург, прозаїк та громадський діяч; М.О. Дикарєв – український етнограф, який свій багатий архів заповів львівському Науковому товариству ім. Т.Г. Шевченка; С.І. Ерастов – журналіст, видавець, організатор кубанської філії РУП; Я.Д. Бігдай – композитор і збирач народних пісень, який хотів створити малоросійський оперний театр у Катеринодарі, а в 1896 р. очолив Катеринодарський гурток любителів музики; в різні роки в Джанхоті (поблизу Геленджика) на власній дачі жив письменник В.Г. Короленко. Українська культура 20-х років на Кубані також представлена немалою кількістю імен.

Тема «Демографічна ситуація в українських землях на поч. 1930-х рр.» в атласі Ю.І. Лози подана двома картами, що показують щільність населення на 1932 р. та демографічні втрати від голодомору 1932–33 рр. При цьому в тексті повідомляється, що на Кубані померло від голоду не менше 1 млн. осіб (с.14). На одній з карт можна знайти, що в 1933

р. станиці Полтавська та Уманська були перейменовані, відповідно, в Красноармійську і Ленінградську (с.21), що безпосередньо пов'язано з репресивною політикою того часу. Дані атласу ІПТ з цього питання ще менш конкретні.

Певна річ, обидві серії атласів заслуговують на найпильнішу увагу: автори були новаторами майже у всьому. А знайдені прогалини та помилки будуть усунуті в нових виданнях. Українцям, що мешкають за межами України, дуже важливо мати доступ до навчальних і наукових видань з вітчизняної історії та культури. В період недовготривалої українізації до Краснодару надсилалися обов'язкові примірники друкованих видань з УРСР. Відродження цієї традиції надало б величезну підтримку в збереженні української культури на Кубані. Тим більше, що сучасна кубанська адміністрація ставиться до української культури байдуже, якщо не вороже: навіть у краєвому центрі немає жодної недільної української школи для дорослих, немає українських бібліотек, або відділів у бібліотеках. В Центрі національних культур окремі кімнати надані адигейцям, євреям, вірменам, грузинам, лезгинам, татарам, ассирійцям, тільки не українській громаді. Але це вже інша тема.

ПОСИЛАННЯ:

1. Україна. Історичний атлас. 5 клас. / Концепція атласу та авторське опрацювання мап – Ю. Лоза. К.: Мапа ЛТД, 1997. 40 с.; Україна. Історичний атлас. 6-7 клас. / Концепція атласу та авторське опрацювання мап – Ю. Лоза. К.: Мапа, 1998. 24 с.; Україна. Історичний атлас. 8 клас. / Концепція атласу та авторське опрацювання мап – Ю. Лоза. К.: Мапа, 1998. 32 с.; Україна. Історичний атлас. 9 клас. / Концепція атласу та авторське опрацювання мап – Ю. Лоза. К.: Мапа, 1999. 24 с.; Україна. Історичний атлас. 10 клас. / Концепція атласу та авторське опрацювання мап – Ю. Лоза. К.: Мапа, 2000. 24 с.
2. Атлас з історії України. 5 клас. / Упоряд.: В. Власов, Д. Ісаєв. Ред.: Д. Вортман, Д. Ісаєв. Картографи: П.А. Зимницький, Л.І. Бібікова. К.: Інститут передових технологій, 2003. 24 с.; Атлас з історії України. 7 клас. / Упоряд.: Д.В. Ісаєв, О.В. Гісем, О.О. Мартинюк. Ред. Д.В. Ісаєв. Картографи: П.А. Зимницький, Л.І. Бібікова. К.: ІПТ, 2002. 16 с.; Атлас з історії України (XVI-XVIII ст.). 8 клас. / Упоряд.: Д.В. Ісаєв, О.В. Гісем, О.О. Мартинюк. К.: ІПТ, 2001. 16 с.; Атлас з історії України. 9 клас. / Упоряд.: О.В. Гісем, Д.В. Ісаєв, О.О. Мартинюк. К.: ІПТ, 2000. 16 с.; Атлас з історії України (1914-1939 рр.). 10 клас. / Упоряд.: О.В. Гісем, Д.В. Ісаєв, О.О. Мартинюк. К.: ІПТ, 2000. 16с.
3. Паїк В. Україна в минулому й сьогодні (історичні й географічні карти). / Наукове товариство ім. Шевченка. 2-ге видання. Edmonton – Toronto, 1982. Львів, 1999. 28 с., 39 арк. карт.
4. Українці. Східна діаспора. Атлас. К.: Мапа ЛТД, 1993. 24 с.
5. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т.ІІ. Екатеринодар, 1913. С.68.

РАЗДЕЛ 2

ДУХОВНОЕ ЕДИНСТВО

А.И. Федина

УКРАИНА В ЖИЗНИ ПЕРВОГО КУБАНСКОГО ПИСАТЕЛЯ Я.Г. КУХАРЕНКО

В жизни первого кубанского писателя Я. Кухаренко и в развитии его таланта большую роль сыграли его харьковские друзья. Будучи человеком военным, он не принадлежал себе. С 15 лет, состоя в Черноморском казачьем войске, он прошел боевой путь от сотенного есаула до генерал-майора, участвуя во всех войнах, которые выпали на его долю – Крымской, Кавказской, немного не дожив до ее окончания. Может быть, не пришлось бы ему стать писателем, если бы не Харьков.

Харьков стал центром литературной жизни в Украине, благодаря открытому там в 1805 г. университету, заявив о себе через четверть века великими культурными силами. Образовавшееся здесь в начале 30-х гг. общество «Гурток» поставило своей целью работать на поле науки и литературы для возрождения украинской народности. Его члены положили начало традиции хождения в село с целью записи народных песен, сказаний, обрядов, дум. В этом движении участвовали молодые люди, которые впоследствии стали известными филологами, историками, писателями, этнографами: И. Срезневский, Н. Костомаров, А.Метлинский, П. Кулиш и др.

В 30–40-е годы 19 века украинский язык считался мужицким, обучение в Малороссии велось на русском. Харьковский «гурток» начал выпускать на родном языке сборники сказок, песен, собранных в народе. Так как Черноморья подчинялась Харькову в административном отношении, черноморцы часто бывали там по служебным и частным делам. Во время своих неоднократных поездок туда Я. Кухаренко познакомился с этой молодежью, которые увлекли его настолько, что он тоже начал у себя собирать в Черномории фольклор, о чем свидетельствует его письмо харьковчанам от 19 февраля 1844 г. (1).

В этом письме он сообщил, что есть у него для А. Корсуна «десятка с два пословиц», просил А. Метлинского прислать список имеющихся у него песен, чтобы прислать другие, обещал им всем выслать кое-что

потом, т.к. «теперь то снаряжать, то встречать казаков нужно, да еще... округ объездить». По формулярным спискам он служил в это время штаб-офицером Ейского округа. Уточним, что представляли собой харьковские друзья Я.Г. Кухаренко.

Корсун Александр (1818-1891) – выпускник Харьковского университета, вместе с Н. Костомаровым издавал в 1841 г. альманах «Сніп» на украинском языке, в котором помещал свои стихотворения, а позже переделал народные сказки и издал их сборником «Украинские поверья».

Метлинский Амвросий (1814-1870) – тоже окончил Харьковский университет, после защиты диссертации в 1839 г. читал лекции по истории русской литературы в Харьковском и Киевском университетах. Хорошо владел малорусской народной речью и усердно собирал песни, издав в 1854 г. сборник народных песен «Народные южнорусские песни», которые собирали для него не только Я. Кухаренко, но и М. Вовчок, Н. Костомаров и др. С помощью А. Метлинского Николай Костомаров начал учить украинский язык, ранее мало ему знакомый, стал ездить по селам, шинкам в этнографические экспедиции, собирая материал. В 1848 г. Метлинский издал «Южнорусский сборник», которым восторгался Т. Шевченко. В другом письме Я. Кухаренко сообщил Метлинскому, что послал для него «песенок пару», т.к. еле достал по его списку.

Старше всех и опытнее в этом «гуртке» был И.И. Срезневский (1812-1880). В двух общих письмах от 1844 г. к «товариству» он фигурировал под прозвищем «Глоба», вероятно, потому, что он был у них главным, старшим, «глобальным». Участь на философском факультете Харьковского университета, И. Срезневский сошелся с будущими литераторами, и они поддерживали друг друга в любви к литературе, в стремлении изучать Украину.

В 1831 г. в Харькове появилась первая книжка «Украинского альманаха» со стихами И. Срезневского. Как отмечает его сын в воспоминаниях, «он едва ли не сразу стал средоточием собирателей: его друзья, разъезжая из Харькова по усадьбам и селам, а после и на службу в другие города, направляли свои материалы именно к нему, в его «Скарбницу», как они называли его собрание, и письма их к нему, начиная с 1830-31 гг., полны записей (2).

Среди тех, кто посылал ему «свои материалы», был и Кухаренко, доверявший литературному вкусу харьковских друзей, посылав им 20 марта 1844 г. вместе с письмом и свою сказку «Вороной конь», которую он называл рассказом (3).

В письме он просил их сказать ему правду – понравилось произведение или нет. Будучи скромным человеком, он написал: «Если годится – печатайте, если же совсем не годится – выбросите его (рассказ). Мне очень теперь некогда, но, чтобы не соврать перед вами, возился целые сутки с переписыванием». Он собрал для них пословицы, песни, просил и их прислать для него песни «Чумака» и «Бабу с раком» с нотами.

Во втором письме он послал им: рукопись «Запорожский аркуш», песни, молебен и также свои новые произведения, как «Славу Черноморскую», «Загадка на немецкий штамп» (которые пока не выявлены) и просил их где угодно напечатать, если они подходят. Просил Срезневского прислать «Русскую грамматику» и собрание песен Б. Максимовича.

Эти талантливые ученые, много моложе его возрастом, покорили сорокапятилетнего военного, вовлекли в свою орбиту и заставили семейного человека, обремененного военной службой, собирать фольклор, писать рассказы и очерки, т.е. заниматься любимым делом, тем, к чему он чувствовал призвание. И эта молодежь, с которой его связывала горячая любовь к языку, литературе, помогала раскрытию его таланта.

Он жил наполненной жизнью, старался всем помочь, выполняя просьбы харьковских товарищей, писал и посылал им свои произведения. Можно смело предположить, что общение с кружком ученой харьковской молодежи подтолкнуло его к написанию этнографического очерка «Пластуны» (1845г.). Но по своей скромности (а, может, еще и потому, что сказка «Вороной конь» нигде не появилась, автор мог подумать, что произведение недостойно печати) он послал очерк И. Срезневскому только через год вместе с письмом от 2 сентября 1846 г., доверяя ему как опытному филологу, как самому старшему из всего «товариства»; письмо уже было адресовано не всем вместе, а только одному, чтобы было от кого конкретно ждать ответа.

Замысел этого очерка он вынашивал давно, когда наблюдал в походах за казаками и острым глазом подмечал, откладывая в своей памяти все то, что позже ему пригодится. А подтолкнули его к написанию этого очерка харьковские друзья, увлекавшиеся этнографией. И вот появилось новое произведение черноморского автора, которое «пролежало в столе», как и другие его вещи, до 1861-62 гг., появившись в печати незадолго до гибели автора. Я. Кухаренко раскрывает значение термина «пластуны» - так называли казаков за то, что они «по плавням грязь месили», «пластали», стреляя дичь, которой в то время было много.

Пластуны жили в плавнях, при них были молодые хлопцы, которые учились у них слушать голоса зверей, различать их походки, ставить капканы, стрелять, потрошить убитую дичь, делать заметки-закрутки на камышах, чтоб на другой день можно было найти добычу. Хлопец должен был забрать дичь из капканов, перемыть их, так как зверь на окровавленный капкан не пойдет.

Кроме службы, занятий литературой, семьей (у Я. Кухаренко было восемь детей, все получили хорошее воспитание и образование), большое место в его жизни занимали друзья, с которыми он общался на протяжении не одного десятилетия. С ними он советовался, прислушивался к их мнению и, дорожа им, они посылали ему на суд свои произведения, а он им свои, подсказывали друг другу темы. В трудную минуту атаман помогал им материально и оказывал моральную поддержку. Будучи разносторонне одаренным человеком, он не замыкался на одной только военной службе, а занимался литературным творчеством, любя литературу, историю, фольклор, музыку (просил друзей прислать ему песни с нотами), был хорошим семьянином.

Кроме четверых сынов, у Я.Г.Кухаренко было четыре дочери: Анна, Лидия, Мария, Кларисса. Все дочери получили образование, окончив институты благородных девиц, прекрасно знали народные обряды, пели народные песни, соблюдая традиции, носили украинские вышитые сорочки, знали немецкий язык, в отличие от своих сверстников.

Старшая из дочерей Ганна, Галька, как ее звали дома, а официально Анна, родилась в 1834 году (4). Отправляясь в 1842 г. в служебную поездку в Петербург, Кухаренко взял с собой Степана и Александра, 9 и 6 лет, чтобы устроить их в кадетский корпус, жену Марию Степановну и 8-летнюю Ганну. Как указывает газета «Прибавление к Санкт-Петербургским ведомостям» за 1842 год: «28-29 мая прибыл полковник Кухаренко от Ейского укрепления, непременный член Черноморской войсковой канцелярии Черноморского казачьего войска». Яков Герасимович встретился с Т.Г.Шевченко, с которым познакомился год назад. Неизвестно, где они встречались – у поэта ли, тогда студента Академии художеств, в его квартире на Васильевском острове, или Шевченко приходил на квартиру к Кухаренко. Вероятно, и там и там, потому что впоследствии черноморец передавал в письмах привет студентам Ткаченко и Ежову, жившим вместе с Тарасом, а последний передавал приветы жене, сыновьям и дочери Якова Герасимовича, покорившей поэта, оставившей в душе поэта добрый след. Через 12 лет поэт-изгнанник будет вспоминать Ганну в далекой ссылке: «А я й досі співаю, та може й довго співатиму, згадуючи дочку твою невеличку:

Тече річка невеличка з вишневого саду.
Кличе козак дівчиноньку собі на пораду
Поцелуй її за мене, друже мій», - написав він в листі від 16 квітня
1854 г.

Слідуючі дані про старшу дочку стосуються до часу її вступу в Харківський інститут благородних дівчат. Так як в Катеринодарі не було жіночих навчальних закладів, батько відвез своїх дочок в Харків, Одесу – культурні центри юга Росії.

В Харкові, крім старшого в країні університету, з 30-х років діяв постійний театр, з 1812 г. був відкрит інститут благородних дівчат. Сюди і привіз Ганну батько в грудні 1843 г. Згідно Брокгаузу (див. інститути жіночі), сюди приймали навчатися з 10-річного віку дочок офіцерів. Так як їй не вистачало року, да і до того ж приїхали в грудні, виникли складнощі з прийомом. І Кухаренко звернувся до друзів, відомих в Харкові викладачам університету А. Метлінському і Н. Костомарову, які допомогли влаштувати Ганну в інститут, за що Кухаренко вдячний своїм друзям: «Дякую вам, що хлопочали всі разом за мою дочку!» – в листі від 1844 року (5). І в іншому листі від 20 березня 1844г. з Уманського кур'єра до товариства він просить: «Всіх вас, голубчики, прошу: не побачитеся ли з нашим Екіменко, запитайте його: був ли він у моєї дочки в інституті, отримав ли він мій лист з грошима на Пасху для дочки?». Листи звернені до харківських друзів Кухаренко – І. Срезневському, А. Метлінському, Н. Костомарову, А. Корсуну і іншим.

Заботливий батько хвилювався за дочку. Залишив її в Харкові, він поїхав в командировку в Москву, а, зробив там всі справи, вдома повертався знову через Харків, роблячи коло. «Дочку свою я зустрів здоровою – стала звикати», - повідомляє він М. Щепкіну 16 лютого 1844 г.

В списку закінчивших цей першокласний інститут в 17-му випуску значиться і Анна Кухаренкова. За сто років існування з стін його вийшло 2129 «добрих жінок і корисних матерів родини». Ітак, в 16 років вона закінчила інститут і повернулася додому.

Слідуюче документальне згадування про неї стосується до 1856 року, коли 18 грудня батько з Катеринодара написав Т.Шевченку: «Дочку Гальку віддав заміж торік». Вийдя в 21 рік заміж, Ганна переїхала до батьків. Де вона жила з чоловіком – невідомо, але батько з матір'ю навіщала: «А я надіславши татцю лист, піду до дочки, тієї, що ти знаєш – до Гандзі (вона тепер у нас гостює), та будемо читати «Хату»: вона дуже до того дотепна» (лист до Шевченку від 26 квітня

1860 г.)

Альманах «Хата» выходил в Петербурге в 1860 г. и был предшественником журнала «Основа», в обоих журналах печатались лучшие произведения украинской литературы. В далекой провинции Кухаренко получал столичный журнал, следил за новинками литературы, причем, приучил к этому и детей.

Анна вышла замуж за Аполлона Федоровича Лыкова, культурного человека, окружного начальника, в распоряжении которого находились школы и который «сделает все, чтобы учили на нашей мове, у них было четверо дутей.

В 1850 году нужно было устраивать на учебу следующую дочь – Лидию.

Для нее выбрали Одесский институт, который, как и Харьковский, принадлежал к первому разряду женских учебных заведений ведомства учреждений императрицы Марии Федоровны и состоял под ее личным покровительством. Учились здесь 7 лет, на летние каникулы девочек отпускали домой, кроме последнего класса. Если в Одессе жили родственники, родители или опекуны, то отпускали и на Рождество с 25 декабря до 4 января, и на пасхальную неделю.

В Одессе у Якова Герасимовича был очень хороший приятель, давний знакомый Аполлон Александрович Скальковский – директор главного статистического комитета Новороссийского края, заведующий архивом в Одессе, автор нескольких исторических произведений. Судя по переписке, можно предположить, что девочку отпускали на праздники в эту семью. Письма Я Кухаренко к А. Скальковскому хранятся в Пушкинском доме (ИРЛИ), они проникнуты постоянной тревогой отца о здоровье дочери – у девочки был ревматизм и косоглазие.

Летом 1857 г. Лидия окончила институт, получив аттестат домашней наставницы. Как сообщает «Одесский вестник» за 1857 г. №74, Яков Герасимович приехал в Одессу из Вознесенска 30 июня, остановился в гостинице Вагнера, а 15 июля генерал-майор Кухаренко выехал из Одессы в Крым. Он повез дочь отдохнуть после окончания учебы и подлечиться на берегу Черного моря.

Окончив в 16 лет институт, Лидия жила какое-то время в доме родителей, пока не вышла замуж за военного человека Германа Вильгельмовича Иогансона, который служил вместе с Я.Г.Кухаренко, своим тестем. Вместе они отправились по делам службы в Ставрополь 19 сентября 1862 г., оба были взяты в плен между станицами Казанской и Кавказской, затем содержались в ауле под Майкопом. Раненый Яков Герасимович умер на руках у своего зятя. Германа Вильгельмовича

выкупили из плена, как и тело Кухаренко. В 27 лет она стала вдовой, жила у своей матери, Марии Степановны, в Екатеринодаре, в доме, где сегодня располагается Литературный музей Кубани.

Третью дочь Марию, в 1856 г. отвезли тоже в Одессу, где доучивалась ее сестра Лидия. Из всех поступавших в институт девочек только она знала немецкий язык. Эта деталь говорит о том, что Яков Герасимович не жалел денег на образование своих дочерей, нанимая для них учителей иностранных языков.

Таким образом, Украина играла большую роль в жизни первого кубанского писателя. Его отец, Герасим Кухаренко, был среди первых запорожцев, переселившихся в Черноморию в 1792 году по указу Екатерины II, за что получил дворянство. По стопам отца пошел Яков Герасимович, став профессиональным военным. Будучи одаренным человеком, он кроме своей профессии начал заниматься литературным творчеством. И в этом ему помогли харьковские друзья, для которых он собирал фольклор – украинские песни, загадки, сказки и пр. Увлечшись собиранием, он начал писать свои произведения – «Исторические записки о войске Черноморском», «Пластуны», «Овцы и чабаны» и др., которые увидели свет незадолго до его гибели, почти через четверть века после написания.

Будучи хорошим семьянином и образованным человеком, он дал образование и свои детям – сыновья пошли по его стопам, став храбрыми воинами, защитниками своего отечества. А дочери окончили Харьковский и Одесский институты – старейшие женские учебные заведения.

В семье соблюдались традиции – говорили на украинском языке, пели украинские песни, носили вышитые украинские сорочки, что подтверждают архивные документы, хранящиеся в архивах Санкт-Петербурга, Москвы, Краснодара.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. СПб. Филиал архива РАН. Ф. 216. Оп.3. Ед. хр. 208
2. Срезневский В.И. Из первых лет научно-литературной деятельности И.И. Срезневского //Журнал министерства нар. Просвещения. –1898.-№1.-С.7
3. СПб филиал архива РАН. Ф. 216. Оп.3. Ед. 466
4. ГАКК.Ф.250.Оп.2.Ед.хр.924.Л.24
5. Кубань. 1988. №4

С.И. БОРЧЕВСКИЙ, ВЫПУСКНИК ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

«Общества в провинции были теми светлыми огоньками, около которых можно было собраться сохранившим душу живую, поговорить по интересующим вопросам», - писал член Общества любителей изучения Кубанской области (далее ОЛИКО), инженер Е.М. Юшкин (1).

Одним из инициаторов изучения Кубанской области и организации экскурсионного дела в Кубано-Черноморском регионе был сын войскового старшины С.И. Борчевский (1863-1945) (2). В 1884 г. его имя значилось в списке стипендиатов Кубанского казачьего войска, принадлежащих по жительству к станице Елизаветинской Екатеринодарского военного отдела и находящихся в университете и других высших учебных заведениях (3). В формулярном списке о службе С.И. Борчевского записано: «Получил воспитание в императорском Харьковском университете по физико-математическому факультету со степенью кандидата, на что и имеет диплом, выданный от императорского Харьковского университета от 16.06.1889 г. за № 1201 и по выдержании сокращенного испытания при физико-математическом факультете... удостоен звания учителя и воспитателя гимназий и прогимназий с правом преподавания математики и физики. При нахождении в университете получал стипендию от Кубанского казачьего войска» (4).

1 августа 1889 года по представлению попечителя Кавказского учебного округа выпускник Харьковского университета назначен учителем математики в Кубанскую войсковую гимназию.

1890 год богат событиями для С.И. Борчевского. С 1 февраля 1890 г. педагогическим советом гимназии он был избран членом хозяйственного комитета сроком на три года (6). Однако 20 августа 1890 г. в связи с упразднением Кубанской войсковой гимназии и открытием вместо нее Екатеринодарской мужской гимназии по распоряжению попечителя Кавказского учебного округа получил назначение во вновь открытую гимназию в качестве учителя математики (7).

Женат был дважды. Первая жена, Антонина Леонидовна Борчевская (урожденная Григорьева), умерла 5 марта 1891 г. от воспаления мозга. В тот же год умер от дифтерии и их сын Владимир. Вторым браком в возрасте тридцати лет женился на дочери титулярного советника Марии

Яковлевне Мордмилович (8). От второго брака имел двух детей: дочь Валентину (2.10.1894 года рождения) (9) и сына Юрия (12.06.1896 года рождения) (10).

В сентябре 1842 г. педагогическим советом гимназии С.И. Борчевский избран библиотекарем, а в 1894 году в связи с принятием заведования физическим кабинетом по собственной инициативе был освобожден от заведования библиотекой (11).

С первых шагов своей педагогической деятельности Семен Иванович проявлял добросовестность, ответственность и инициативу, чем, не имея знаков отличия, обеспечил себе продвижение по службе.

Характерен его послужной список: в 1893 году указом правительствующего Сената за №34 за выслугу лет утвержден в чине коллежского асессора со старшинством с 1.08.1889 г. (12); в 1894 г. указом за №95 за выслугу лет произведен в надворные советники со старшинством с 1.08.1893 г. (13); в 1897г. за выслугу лет произведен в коллежские советники (14), а в 1902 г. - в статские советники (15).

С.И.Борчевский награжден серебряной медалью в память царствования императора Александра III (16), орденом святого Станислава 3 степени (17) и святой Анны- 3 степени (18).

С.И.Борчевский, неутомимый исследователь и заядлый путешественник, как правило, посвящал время летнего отпуска изучению местностей южных российских регионов, используя при этом предоставлявшуюся педагогам возможность получить у директора отпускной билет, позволявший беспрепятственно посещать все города Российской империи. По установленному порядку по окончании отпуска владелец возвращал билет директору с отметками пристава о местах пребывания. Для современных исследователей это документ, подтверждающий факт пребывания Семена Ивановича в 1891 году в Крыму и на Кавказе с посещением городов Ялты, Севастополя, Кисловодска (19).

В период службы в войсковой гимназии и Екатеринодарской мужской гимназии по распоряжению попечителя Кавказского учебного округа С.И. Борчевский назначался наставником, как в младшие, так и в старшие классы гимназии. Он был активным проводником идеи образовательных путешествий и экскурсий как одной из форм воспитательной работы, считая, что такие путешествия позволяли обогатить ум человека разнообразными познаниями, а способ добывания знаний основывался «на личных и непосредственных соприкосновениях с посещаемыми местностями» (20).

Став членом ОЛИКО в 1897 году, он активно выступал в числе

популяризаторов ученических экскурсий. Для сбора во время экскурсий сведений о полезных ископаемых и составления коллекции минералов Кубанской области член ОЛИКО С.И. Борчевский составил «Программу для собирания сведений о рудах, минеральных продуктах, минеральных источниках и прочего» (20).

Начало создания минералогической коллекции, впоследствии ставшей основой для естественно-исторического музея, было положено летом 1898 г. во время летнего путешествия в Карачай, в котором приняли участие 26 гимназистов под руководством преподавателей гимназии С.И. Борчевского и А.Н. Дьячкова-Тарасова (22).

Этот район вызывал интерес также в минералогическом и геологическом отношении. Было обнаружено восемь минеральных источников, описаны найденные минералы. При содействии гимназистов Семен Иванович производил метеорологические наблюдения.

Летнее путешествие в Карачай, проходившее по заранее составленной программе, имело практическое значение. Во время данной поездки были собраны многочисленные коллекции: фотографическая, орнитологическая, археологическая, ботаническая, этнографическая, минералогическая. Материалы исследования впоследствии использовались учеными, путешественниками, краеведами. Экскурсия носила научный характер.

Летом 1900 г. С.И. Борчевский и А.Н. Дьячков-Тарасов руководили горным путешествием через перевал Псеашха к Черному морю, во время которого гимназисты познакомились с достопримечательностями Кубанской области и Черноморской губернии (23). Путешествие носило комбинированный характер. Большая часть маршрута предусматривала пешеходные переходы по горной местности и требовала от туристов хорошей физической подготовки.

В соответствии с программой маршрута экскурсанты побывали в водоразделерек Лабы, Ходза, Псебая, Уруштена, Мзымты, познакомились с ущельями Шангереевским, Псебайским, Андрюковским, Ачипсты, Умпыря, Мзымты. Путешественники преодолели перевалы Аишха и Псеашха. Они имели возможность познакомиться с разнообразием природных богатств региона, изучить быт и нравы народов, населявших исследуемые местности. Под руководством С.И. Борчевского проводились фотографические съемки объектов.

ОЛИКО, поставившее себе целью всестороннее изучение Кубанской области широко использовало фотографии, имевшие огромное научное значение.

Наиболее удачные фотоснимки были представлены членами ОЛИКО

Е.Д. Фелицыным, В.М. Сыроевым, Н.Е. Талицким. Особая роль в этом деле, безусловно, принадлежит С.И. Борчевскому, который прекрасно фотографировал и обучал этому искусству ребят. В «Известиях ОЛИКО» он поместил статьи, в которых делился своим многолетним опытом фотографирования(24).

Он констатировал факт исчезновения старинных предметов домашнего обихода, типов первых казаков-переселенцев, изменения местностей. Семен Иванович указывал на необходимость запечатлеть на фотопленке сохранившиеся достопримечательности, представлявшие интерес в историческом и этнографическом отношении, сопровождал их описаниями. Он составил рекомендации по фотографированию видов местностей, типов народностей, видов населенных пунктов, главных промыслов и занятий, памятников старины, надеясь, что осуществление поставленной задачи позволит ОЛИКО обогатиться коллекцией фотографий, которая «представит ценный материал при изучении Кубанской области и даст возможность будущим поколениям иметь представление об особенностях и достопримечательностях края и населявших его народностей» (25).

Вполне закономерен тот факт, что на первом собрании Кубанского фотографического общества, состоявшемся в 1909 году, С.И. Борчевского избрали заместителем председателя (26).

Деятельность ОЛИКО, членом которого Семен Иванович являлся с момента основания данного общества, была разноплановой. Роль краеведов-любителей по изучению региона заключалась в проведении подготовительной работы, предшествовавшей исследованиям ученых. Теоретические экскурсии в трудах оливоццев единичны. Большинство исследований носило прикладной характер. Это выгодно отличало работы краеведов от академических исследований той поры.

4 августа 1906 г. директор Александровского реального училища Шульгин обратился в письме к управляющему Кавказским учебным округом с просьбой назначить на вакантную должность инспектора училища преподавателя математики и физики Екатеринодарской мужской гимназии статского советника С.И. Борчевского, известного своей педагогической ответственностью и служебным рвением. По отзыву директора гимназии, Борчевский вполне заслуживал такого движения по службе. Директор училища выразил уверенность в том, что принадлежность С.И. Борчевского к войсковому сословию поможет ему стать в надлежащие отношения с учениками училища, в особенности с пансионерами, среди которых дети казаков составляли главный контингент. «Это обстоятельство позволит ему лучше, чем кому-либо

другому успешно выполнять свои инспекторские обязанности» (27).

С сентября 1906 года С.И. Борчевский успешно исполнял обязанности инспектора, а 1908 г. директора параллельно с инспектором Александровского реального училища. Он проявил себя как умелый организатор и талантливый педагог. Не случайно попечитель Кавказского учебного округа Н. Рудольф на время болезни Егорова, статского советника, директора реального училища г. Шуши поручил Борчевскому «общее руководство учебной и воспитательной частью со всеми правами и властью директора» (28).

Н. Рудольф заметил, что «г. Борчевский в полной мере олицетворяет нужные для руководства жизнью учебного заведения качества...» (29).

В государственном архиве Краснодарского края сохранилась газетная заметка, позволяющая сделать вывод о С.И. Борчевском как о педагоге «снижавшем редкую популярность и симпатию среди питомцев реального училища» (30). Узнав о назначении любимого педагога директором в г. Шушу, воспитанники училища, собравшись в учебном заведении, двинулись оттуда на вокзал с собственным оркестром духовной музыки. На вокзале провожать Семена Ивановича собралась масса родителей учеников, его сослуживцы, педагоги, просто знакомые и родственники.

«Прощаясь со своими питомцами, Борчевский долго беседовал с ними и затем, обращаясь ко всем провожающим произнес прочувствованную речь, сильно тронутый оказанным ему вниманием и любовью школяров». Один из родителей учащихся, Д.К. Михайлопуло, выразил С.И. Борчевскому глубокую благодарность за своих детей и охарактеризовал его в ответной речи «как редкого педагога-человека, оставляющего такую хорошую память о себе» (31).

Городской голова г. Шуши рапортовал директору народных училищ, что с первых дней своего приезда Борчевский сумел поставить училище на должную высоту и завел в нем образцовый порядок. Он снижал уважение среди учеников, родителей и горожан, которые хотели даже обратиться к попечителю Кавказского учебного округа с просьбой оставить Семена Ивановича в г. Шуше, «будучи уверенны, что он своим умелым обращением с учителями и учениками поставит дело обучения образцово» (32).

Командировка в Шушу продолжалась с 27 января по 24 июня 1912 года (33), а уже 19 июля он отправляется из Екатеринодара в Шушу, будучи назначенным директором Шушинского реального училища (34). Однако по пути в г. Шушу Семен Иванович узнал об освобождении

места директора в г. Темрюке и телеграфировал директору народных училищ Лопатинскому просьбу назначить его в Темрюк «вследствие желания служить родному краю и вреда климата г. Шуши для жены» (35).

Его просьба удовлетворена.

В письме к Н. Рудольфу Борчевский пишет: «На первых порах служения в Темрюкском реальном училище пришлось мне нелегко; несколько преподавателей ушло в другие округа, а новые долго не приезжали. Правильные занятия установились только в середине ноября» (36). В бытность С.И. Борчевского директором Темрюкского реального училища заметно оживилась экскурсионная деятельность в учебных заведениях г. Темрюка. Так, в 1912 г. учащиеся совершили экскурсии в Екатеринодар, в 1914 - по маршруту Екатеринодар - Владикавказ, паромом в Красный лес, в 1915 г. - по реке Кубани, на берег Азовского моря, на Гнилую гору (37).

В 1916 г. С.И. Борчевский был назначен почетным мировым судьей по Темрюкскому округу (38).

Благодаря настойчивости в достижении цели, любви к Кубани С.И. Борчевский, страстный краевед, активный общественный деятель и в советский период все свои силы и энергию отдавал на благо процветания отчизны. На заседании ОЛИКО 17 октября 1920 года он выступил с докладом «Природные богатства г. Темрюка», а 7 мая 1922 года – с докладом «Забытый край. Очерки Закубанья» (39). Наряду с другими учеными читал лекции в Рабочем университете, призванном расширять кругозор рабочих (40), будучи уверен, что «в целях образовательных и производственного просвещения к экскурсиям можно приобщить и рабочий класс... Для этого необходимо, чтобы экскурсии в жизни рабочих, прежде всего, являлись не случайными, а приобрели постоянный характер и целесообразность» (41). С.И. Борчевский продумал систему организации экскурсий для рабочих, включавшую как городские, так и загородные экскурсии.

Для студентов Кубанского сельскохозяйственного института и Кубанского политехникума он организовал экскурсию в Абрау-Дюрсо весной 1923 года, а для членов ОЛИКО - осенью 1924 г. (42).

Постановлением 140-го общего собрания членов ОЛИКО, состоявшегося 19 октября 1924 г. при обществе была организована экскурсионная секция, в президиум которой были избраны С.И. Борчевский, З.С. Шанявский и А.С. Лизарев (43). На первом (организационном) заседании президиума секцией было выработано «Положение об экскурсионной секции» и намечен план работы на 1924-

1925гг.

С.И. Борчевский был старейшим краеведом, одним из организаторов экскурсионного дела в крае. Он принимал участие в издании путеводителя «Кубань и Черноморье» (1927г), которое было осуществлено Кубанским окружным бюро краеведения совместно с советом профсоюзов и отделом народного образования. В данном путеводителе детально описаны музеи, архив, библиотеки, вузы, памятники города, сделан обзор промышленности и коммунального хозяйства. С.И. Борчевский был автором ряда других трудов по краеведению, в числе которых особую ценность представляет путеводитель «Маршруты по Кубани, Кавказу и СССР» (Краснодар, 1930) (44).

С.И. Борчевский состоял действительным членом ОЛИКО с момента его создания и до самороспуска. Был казначеем с 21.12 1897 г. по 17.02 1912 г. и с 27.10 1919 г. по 07.05 1922 г., товарищем председателя с 23.09 1922, а с 01.02 1929 г. на общем собрании ОЛИКО был временно избран исполняющим обязанности председателя правления до новых выборов (до 31.03 1929 г.) после заявления Б.М. Городецкого о сложении себя обязанностей председателя Общества в связи с выездом из Краснодара (45).

Судьба ОЛИКО очень волновало его казначея С.И. Борчевского и в апреле 1908 г. после двухлетнего перерыва в деятельности общества. На общем собрании членов ОЛИКО Семен Иванович поставил вопрос о дальнейшем существовании общества в связи с финансовыми затруднениями. В результате дискуссии было принято решение «общество не закрывать, а наоборот, стремиться к привлечению в его состав новых сил и шире развивать его деятельность» (46).

С 1922 г. С.И. Борчевский преподавал в Кубанском сельскохозяйственном институте (47). В 1930-е-1940-е гг. был профессором Краснодарского института виноделия и виноградарства (48).

20 марта 1941 г. в Доме ученых состоялось чествование С.И. Борчевского, профессора Краснодарского института виноделия и виноградарства, в связи с 50-летием научной и педагогической деятельности (49).

Он пережил Великую Отечественную войну. В период оккупации Краснодара вместе с институтом не эвакуировался (50). В феврале 1943 года исполнял обязанности директора данного института (51), проживал по адресу: ул. Шаумяна, 14, кв.6. , впоследствии - по ул. Советской, 25, кв.5 (52). В марте 1943 г. был профессором кафедры физики данного вуза (53).

Окончив Харьковский университет, С.И. Борчевский в течение тридцати лет работал с учащимися гимназий, училищ, двадцать лет преподавал в вузах, тридцать пять лет руководил организацией туризма и экскурсий в ОЛИКО. Он навсегда остался в памяти потомков редким педагогом, человеком, оставившим добрый след на Земле.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Юшкин Е.М. Роль «любителей» в науке и краеведении и научная ценность любительских наблюдений // Известия ОЛИКО. Екатеринодар, 1922. Вып.7. С.50.
2. ГАКК. Ф.496. Первая Екатеринодарская городская мужская гимназия. Оп.1. Д.434. Л.1.
3. ГАКК. Ф.396. Войсковой штаб Кубанского казачьего войска. Оп.1. Д.4248. Л.7.
4. ГАКК. Ф. 427. Канцелярия попечителя Кавказского учебного округа. Оп.2. Д.186. Л.2.
5. Там же. Л.2 (об).
6. Там же.
7. Там же. Л.3 (об).
8. Там же. Л.28.
9. ГАКК. Ф.496. Оп. 1. Д.434. Л.52.
10. ГАКК. Ф.427. Оп. 2. Д.186. Л.97.
11. ГАКК. Ф.427. Оп. 2. Д.186. Л.4 (об) и Ф.496. Оп.1. Д.434. Л.34.
12. ГАКК. Ф.427. Оп. 2. Д.186. Л.4(об).
13. Там же.
14. ГАКК. Ф.496. Оп. 1. Д.434. Л.80.
15. ГАКК. Ф.427. Оп. 2. Д.186. Л.77.
16. ГАКК. Ф.427. Оп. 2. Д.186. Л.76.
17. ГАКК. Ф.496. Оп.1. Д.434. Л.55.
18. ГАКК. Ф.427. Оп.2. Д.186. Л.77.
19. ГАКК. Ф.496. Оп.1. Д.434. Л.6 (об).
20. Бунякин Т.В. Ученические экскурсии и образовательные прогулки // Русский турист. СПб., 1902. Год 4-ый. С.139.
21. Борчевский С.И. Описание минеральной коллекции, собранной в верховьях Кубани в 1898г. // Известия ОЛИКО. Екатеринодар, 1900. Вып.2. С.250-254.
22. Дьячков-Тарасов А.Н. В горах Большого и Малого Карачая. Тифлис, 1900. С.390; Протокол №6 от 16 октября 1898 г. // Известия ОЛИКО. Екатеринодар, 1899. Вып.1. С.148.
23. Дьячков-Тарасов А.Н. Через перевал Псешха (верховья Малой Лабы) к Черному морю // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1902. Вып.31. С.1.
24. Борчевский С.И. Краткое наставление к фотографированию // Известия ОЛИКО. Екатеринодар, 1909. Вып.4. С.154-168.
25. Он же. О фотографировании местностей, типов и памятников старины в Кубанской области // Издание ОЛИКО. Екатеринодар, 1909. Вып.4. С.145-153.
26. ОЛИКО за 25 лет существования. Под ред. проф. Б.М. Городецкого // Известия ОЛИКО. Краснодар, 1922. Вып.7. С.13.
27. ГАКК. Ф. 427. Оп. 2. Д.186. Л.7.
28. Там же. Л.19.
29. Там же. Л.24.
30. Там же. Л.94.

31. Там же.
32. Там же. Л.30.
33. Там же. Л.19, 49.
34. Там же. Л.64.
35. Там же. Л.66.
36. Там же. Л.93.
37. ГАКК. Ф.470. Дирекция народных училищ Кубанской области. Оп.2. Д.1496. Л.11-14; Д.1524. Л.14.
38. ГАКК. Ф. 427. Оп.2. Д.186. Л.103.
39. Список докладов и сообщений, сделанных в заседаниях ОЛИКО за время 1897-1922 годы // Известия ОЛИКО. Краснодар, 1922. Вып.7. С.25.
40. Екатеринодар - Краснодар, 1793-1993. Краснодар, 1993. С.588.
41. Борчевский С.И. Экскурсионное дело в ОЛИКО // Известия ОЛИКО. Краснодар, 1925. Вып.9. С.229-234.
42. Борчевский С.И. Экскурсионные впечатления об Абрау-Дюрсо // Известия ОЛИКО. Краснодар, 1924. Вып.8. С.81-88.
43. Борчевский С.И. Экскурсионное дело в ОЛИКО // Известия ОЛИКО. Краснодар, 1925. Вып. 9. С.229-234.
44. ОЛИКО за 25 лет существования // Известия ОЛИКО. Краснодар, 1922. Вып. 7. С.148.
45. Там же. С.9.
46. Екатеринодар - Краснодар. 1793-1993. Краснодар, 1993. С. 516.
47. ГАКК. Ф. Р-1547. Коллекция документальных материалов по истории Кубани, собранная Мироновым. Оп.1. Д.148. Л.110.
48. ГАКК. Ф. Р-1331. Краснодарский институт виноделия и виноградарства. Оп.1. Д.4. Л.91.
49. Юбилей профессора С.И. Борчевского // Большевик, 20 марта 1941 г. С.4.
50. ГАКК. Ф.Р-1331. Оп.1. Д.4. Л.91.
51. Там же. Л.2.
52. Там же. Л.44.
53. Там же. Л.124.

С.В. Самовтор

ТОПОНИМИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ ЧЕРНОМОРСКИМИ КАЗАКАМИ ТЕРРИТОРИИ КУБАНИ В КОНЦЕ XVIII - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

В 1775 году по приказу Екатерины II генерал-поручик П.А.Текели разрушает Запорожскую Сечь. Запорожское войско было расформировано. Попытки образовать из бывших запорожцев пикинерские полки лишь только подстегнули исход казаков за Дунай, в турецкие владения. Но начавшаяся в 1787 году очередная русско-турецкая война вынудила русское правительство вновь обратиться к боевому опыту запорожских казаков. В 1787-1788 годах из бывших запорожцев формировались волонтерские команды, которые

постепенно оформились в новое казачье войско. «Сначала войско, в отличие от неверных запорожских казаков, принявших покровительство Турции, было названо просто «Войском верных казаков», а позже оно переименовано было в «Черноморское войско» по месту своих военных действий и жительства»[1]. Первоначально черноморские казаки были поселены за Бугом. Затем по жалованной грамоте Екатерины II от 30 июня 1792 года они получают «в вечное владение состоящий в области Таврической остров Фанагорию со всей землею, лежащею на правой стороне реки Кубани от устья ее к Усть-Лабинскому реду, так, чтобы с одной стороны река Кубань, с другой же - Азовское море служили границую войсковой земли»[2].

Область расселения черноморских казаков на Кубани стала называться Черноморией. Наиболее значительное влияние на формирование славянской ойконимии Черномории оказали названия запорожских куреней, в основном сложившиеся задолго до переселения черноморских казаков на Кубань. Большинство куренных названий возникло в XVII-XVIII веках. В Запоржском войске, согласно Реестру 1756 года, было 38 куреней[3]. Вот их названия в современной русской транскрипции: Батурицкий (Батурицкий), Брюховецкий (Брюховецкий), Васюрицкий (Васюрицкий), Медведовский (Ведмедивский), Величковский (Величківський), Вышестеблиевский (Вышестеблиевський), Деревянковский (Деревянківський), Джерелиевский (Джереливський), Динской (Донський), Дядьковский (Дядьківський), Ивановский (Іванівський), Ирклиевский (Ірклієвський), Калниболотский (Калніботський), Каневской (Канівський), Кисляковский (Кисляківський), Конеловский (Конелівський), Кореновский (Коренівський), Крыловской (Крылівський), Корсунский (Корсунський), Кушевский (Кушівський), Леушковский (Левушківський), Минской (Минський), Мышастовский (Мышастовський), Незамаевский (Незамаївський), Нижнестеблиевский (Нижчестеблиевський), Пашковский (Пашківський), Переяславский (Переяславський), Пластуновский (Пластунівський), Полтавский (Полтавський), Поповичский (Поповичівський), Роговской (Рогівський), Сергиевский (Сергійівський), Тимошевский (Тимошівський), Титаровский (Тытарівський), Шкуринский (Шкуринський), Щербиновский (Щербынівський), Уманский (Уманський).

Эти куренные названия по своему происхождению можно условно разделить на две группы:

1. Название куреня - производное от названий некоторых населенных

пунктов. Принято считать, что каждый курень основывался выходцами из той или иной местности, откуда и получал свое название. Об этом пишет Д.И. Эварницкий: «Оставаясь на Низу, они (казаки - С.С.) мало-помалу складывались в отдельные и небольшие группы, общины или курени, представлявшие на первых порах своего рода землячества: курень Батурицкий, т.е. община земляков, вышедших из Батурина; курень Каневский, т.е. община земляков, вышедших из Канева; то же нужно сказать о куренях Крыловском, Переяславском, Полтавском, Уманском, Корсунском, Калниболотском, Стеблийском, Донском и других»[4].

2. Некоторые курени получили название по имени личности - чаще всего основателя куреня или атамана. Здесь представлена целая галерея выдающихся деятелей Сечи: Брюховецкий курень назван по имени Ивана Мартыновича Брюховецкого, избранного в 1663 году на «Черной раде» в Нежине гетманом[5]; Поповичевский курень назван в честь гетмана Ивана Самойловича, которого называли гетманом-поповичем, так «Иван Самойлович был сыном священника западной стороны Днепра из села Красного»[6]; Роговской курень - между ноябрем 1664 и февралем 1665 года «козаки... выбрали в кошевые Ивана Ждана или Рога»[7]; Шкуринский курень назван в честь кошевого атамана Леско Шкуры . В конце 1664 - начале 1665 года был смещен «за то, что он знался с московскими воеводами Хитрово и Косаговым и не позволял козакам громить калмыков»[8]. Его преемником становится атаман Рог.

Особо можно выделить Пластуновский курень. Пластунами назывались казачьи пехотинцы-разведчики. «По роду их деятельности, в дозоре или в тылу противника, им приходилось нередко часами, не шелохнувшись, лежать пластом на земле, слившись с окружающей местностью и вести наблюдение. Отсюда и название «пластуны». Один из 38 куреней Запорожья имел, по-видимому, наибольшее число таких «охотников», почему и получил название Пластуновского»[9]. По мнению Л.И. Лаврова название куреня могло происходить от фамилии: «В 1649 году в четырех разных полках армии Богдана Хмельницкого служили казаки по фамилии Пластун. Казаки Пластун и Пластуновский известны в Запорожье в 1773 г.»[10]. На наш взгляд точка зрения Л.И. Лаврова выглядит более убедительно - название Пластуновского куреня также можно отнести к «именным названиям».

По приходу на Кубань черноморские казаки (бывшие запорожские) сохранили свои прежние сечевые названия куреней, прибавив к ним два новых. «Тридцать восемь куреней были тех же самых названий,

какие существовали в Запорожском войске, - писал П.П.Короленко, - а два добавлены вновь, первый Екатериновский - в честь Императрицы Екатерины, а последний Березанский - в воспоминание взятия черноморцами турецкой крепости Березани»[11].

С этим утверждением П.П.Короленко несколько расходятся сведения, сообщенные И.В. Бентковским. Он также говорит о сорока черноморских куренях, но в их числе упоминает Небержинский (Небержанский), Екатеринославский и Ведениевский курени[12]. Известно, что И.В. Бентковский очень внимательно работал с архивными документами и аккуратно их цитировал. Описка его самого практически исключена. В этом случае возможны два варианта появления в работе И.В. Бентковского этих топонимов:

1) Возможно И.В. Бентковский буква в букву скопировал уже изначально неточный текст, искаженный малограмотным писарем при переписывании. Например, можно предположить, что вместо Екатеринославский следует читать Екатерининский, вместо Ведениевский - Ведмедивский. Могло ли название Березанского куреня под пером горе-переписчика трансформироваться в Неберджанский? Возможно. Достоверно можно сказать лишь одно, что «Небержанский курень при речке того же имени»[13] в 1794 году возникнуть никак не мог - в пределах Черноморья такой реки нет. Река Неберджай, приток Адагума, находится в Закубанье. Согласно Л.Я. Люлье, в переводе с адыгского название реки Неберджай (Ныбэджай) переводится как «хищный, кровожадный орел»[14]. Только в 1862 году на этой реке была основана станица Неберджаевская;

2) При поселении на Кубани вполне могли быть предложены проекты образования новых куреней - Екатеринославского, по названию Екатеринославского наместничества, и Ведениевского, возможно, по фамилии. Но в дальнейшем были приняты те названия новых куреней, о которых сообщает П.П. Короленко. Тем не менее, в документах, не дошедших до нашего времени, но с которыми работал И.В. Бентковский, эти нереализованные топонимические проекты нашли свое отражение.

В марте 1794 года по жребию курени получают места для поселений. Первоначально эти поселения так и назывались куренями, или куренными селениями, с 1842 года согласно новому «Положению о Черноморском казачьем войске»[15] они стали называться станицами, так же как и в других казачьих войсках России. Куренные селения получали названия от названий соответствующих куреней, казаками которых заселялись.

В соответствии с «Порядком общей пользы», составленным 1

января 1794 года, и приказом войскового правительства от 26 сентября 1794 года, вся войсковая земля была разделена на пять округов[16], управляющихся окружными управлениями и включающих в себя следующие территории:

Екатеринодарский - «от Протоки по-над рекой Кубанью до Изрядного источника, а от того в степь до реки Кирпилей и от оной по течению левой стороны вниз до Азовского моря»;

Фанагорийский - «остров Фанагорию от Черного моря до Черной Протоки»;

Бейсугский - «между рек Кирпилей и Челбас от Азовского моря вверх до границы Кавказского наместничества»;

Ейский - «между рек Челбас и Еи от Азовского моря вверх по Еи до устья Куго-Еи и от оного поворота вправо через степь до Челбасской плотины, что на большой почтовой дороге»;

Григорьевский - «от Ейской округи между рек Челбас и Куго-Еи и вверх до границы».

Границы округов устанавливались по течениям рек и были весьма условны. Названия округа получили:

Екатеринодарский - по главному в Черномории городу Екатеринодару;

Фанагорийский - по острову Фанагория (Тамань);

Бейсугский - по названию реки Бейсуг;

Ейский - по названию реки Ея;

Григорьевский - в этом названии, вероятнее всего, увековечивалось имя светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического.

Центром Екатеринодарского округа становился город Екатеринодар. Для управления остальными четырьмя округами предполагалось выстроить окружные города: Фанагорию, Бейсу, Ейский и Григорьевский[17]. Города Бейсу, Ейский и Григорьевский так никогда и не были построены и остались одним из первых на Кубани нереализованных топонимических проектов.

В 1802 году Григорьевский округ ликвидируется, а курени упраздненного округа перераспределяются между Бейсугским и Ейским округами[18]. В связи с изданием «Положения о Черноморском казачьем войске» в 1842 году был упразднен и Бейсугский округ[19].

Известно, что Карасунский кут, где был основан город Екатеринодар, был занят казаками во главе с кошевым атаманом Чепегой уже весной 1793 года. Несколько месяцев новое казачье поселение не имело официального названия, а в документах того времени, исходивших

от войскового правительства Черноморского войска за подписью войскового писаря подполковника Тимофея Котляревского обозначалось «при Кубани» или «при Карасунском куте»[20]. Вероятно, «место при Кубани» или «место при Карасунском куте» и следует считать первыми названиями войскового града.

Как о происхождении названия войскового града, так и времени его возникновения единого мнения нет. Топоним «Екатеринодар» появился в официальных документах лишь 1 декабря 1793 года, как утверждает И.В. Бентковский. Исходя из этого, он считает, что «название городу присвоено 24 ноября 1793 года в день тезоименитства Екатерины II»[21]. Следовательно, согласно И.В. Бентковскому, название город получил свое название как бы не в честь самой Екатерины II, а от имени святой Екатерины, ее небесной покровительницы. С именем императрицы связь здесь опосредованная.

С И.В. Бентковским спорит Е.Д. Фелицын. Ссылаясь на пункт 2 «Порядка общей пользы», где в частности говорится: «Ради войсковой резиденции, к непоколебимому подкреплению и утверждению состоящих на пограничной страже кордонов при реке Кубани, в Карасунском куте, воздвигнуть град и для вечного достопамятства нынешней жизнедательницы и благодетельницы Екатерины Алексеевны, Самодержицы Всероссийской, именовать его Екатеринодар»[22], Фелицын утверждает, что официальное название войскового града не могло появиться раньше 1 января 1794 года (время принятия этого документа), а прямая связь топонима с именем Екатерины II здесь очевидна[23].

Таким образом, в изучении топонимии Кубани на происхождение названия города Екатеринодара существует две основных точки зрения. Первая из них (И.В. Бентковский): город назван в честь святой Екатерины, вторая (Е.Д. Фелицын) - в честь императрицы Екатерины II.

На наш взгляд никакого существенного противоречия по этому вопросу между взглядами И.В. Бентковского и Е.Д. Фелицына нет. Обычным явлением в дореволюционной топонимической практике было обращение к именам святых, покровителей той личности, которую хотели увековечить в географическом названии. На Кубани, например, именно по этой причине многие географические названия производятся от имени, а не от фамилии исторической личности.

Однако, первыми топонимами черноморских казаков на Кубани были не курени (куренные селения) и вероятно даже не войсковой град Екатеринодар, а стихийно создаваемые слободки. В дореволюционной

историографии Кубани на процесс возникновения казачьих слобод существует три основных точки зрения.

Е.Д. Фелицын считал, что «на вновь пожалованной земле семейные черноморцы остановились таборами и образовали сперва восемь временных селений: Захаровку, Тимофеевку, Андреевку, Константиновку, Антоновку, Стояновку, Онуфриевку и Алексеевку»[24].

Ф.А. Щербина, ссылаясь на А.М. Туренко, указывает, что первоначально «войсковые правители приурочили местожительство населения... к 24 кордонам» и перечисляет эти кордоны: Александровский, Елинский, Ольгинский, Славянский, Протоцкий, Копыльский, Петровский, Андреевский, Фанагорийский, при Сладком лимане, у колодцев р.Сасык, в устье Куго-Еи, Константиновский, Александрин, Павловский, Марьянский, Григорьевский, Платоногорский, у Бурлацкого брода, Воронежский, Великомарьевский, Екатеринодарский, Елизаветинский, Новоекатеринославский[25]. Но поскольку казачье население, считает Ф.А. Щербина, искони привыкло к хуторским заимкам, то оно уходило в глубь степей, подальше от Кубани, и образовывало там хутора и мелкие селения. «Возникли разного рода Андреевки, Константиновки, Стояновки, Алексеевки, Захарьевки, Онуфриевки, Тимофеевки, Антоновки и другие, названия которых утратились потом бесследно»[26]. Следует, однако, заметить, что далеко не все из названных слободок находились в «глубине степей подальше от Кубани и черкесов». Захарьевка была основана на берегу Большого Карасуна, на месте будущего Пашковского куреня.

По мнению П.П. Короленко заселение пограничья проводилось войсковым правительством принудительным путем. «Прибывающие к Кубани переселенцы смешанных куреней становились таборами при кордонных постах, для лучшего обеспечения на случай набегов закубанских горцев... Вскоре таких таборов набралось десять. Кошевое управление назвало их селениями с наименованием: Онуфриевка, Константиновка, Стояновка, Киргизовка, Большая Киргизовка, Захарьевка, Тимофеевка, Чернолеска и Антоновка; для лучшего в них порядка, кошевой приказал жителям избрать в каждом селении атамана и писаря»[27].

Архивные изыскания современных исследователей позволили выделить еще несколько подобных поселений. Б.Е. Фролов называет слободки: Журавлевка, Ангелинка, Видная, Малая Андреевка, Верхняя, Терновка, Шелестовка, Чернобровка, слобода «Бурлацкого брода», слобода Васюринская и Некрасовское селение[28]. Б.Е. Фролов отмечает также наличие целой группы частных слободок, появившихся в это

время в Черномории, например, слободы атамана Захария Чепеги[29]. В.А. Соловьев к первым черноморским слободкам относит основанную в 1793 году Ейскую слободку[30], а В.И. Шкуро упоминает о временном Чернобродском селении при реке Ее, где проживали семейные казаки разных куреней[31].

Когда в марте 1794 года состоялось распределение мест под 40 куренных селений, то некоторым из них достались для расселения места бывших казачьих слободок[32]. Так, куреню Роговскому определили место в слободе Видной, Некрасовское селение Фанагорийской округи «назначили куреню Титаровскому», Полтавское куренное селение в 1795 году было переселено в Андреевку, Пашковское - в Захаровку. Слобода Онофриевка, по документам 1794 года, стала называться Васюринской[33]. По Б.Е. Фролову Васюринскому куреню в 1795 году «достались» также слободы Верхняя и Шелестевка[34].

Б.Е. Фролов считает, что «создание куренных селений не привело к ликвидации всех первых казачьих слобод, часть из них продолжала существовать еще несколько лет»[35]. В 1799 году войсковой атаман Черноморского казачьего войска Котляревский санкционировал создание близ Темрюкского гирла такого рода поселения. Место для поселения он счел весьма удобным и поэтому рекомендовал привлечь к заселению нового населенного пункта казаков Фанагорийского «кроме куренных селений во оном состоящих». Название Котляревский предложил - селение Павловское, в честь царствующего в то время императора[36].

Интересно происхождение названия Некрасовской слободки - она свое название получила потому, что была устроена на месте, где прежде располагался городок некрасовских казаков.

Помимо куренных селений Черноморское войско организовало ряд кордонов и постов, составивших Черноморскую кордонную линию. Устройство пограничной линии по реке Кубань стало одной из первоочередных задач войскового руководства. Кошевой атаман Черноморского войска Захарий Чепега 23 мая 1793 года приказал войсковому полковнику Кузьме Белому расставить цепь кордонов «расстоянием один от другого в десяти верстах» от Воронежского редута до Казачьего ерика[37].

Уже июне того же года К. Белый рапортовал об устройстве 10 кордонов: Воронежского, Черноморского, Робленого, Кривого, Главноореховатого, Видного, Чернолесского, Армейского, Каракубанского и Казачьеерковского. Они составили 1-ю часть пограничной линии. Устройство постов 2-й части руководил поручик Захарий Малый. В нее вошли кордоны: Главнокопыльский, Калаусский,

Куркайский, Некрасовский, Сокуровый и Бугазский. Буквально через несколько дней из первой части пограничной линии во вторую были переданы Каракубанский и Казачьеерковский кордоны. Таким образом, на первоначальном этапе каждая часть кордонной линии состояла из восьми кордонов, а вся Черноморская линия - из шестнадцати[38].

Г.Т. Чучмай указывает на то, что «первые названия кордонам на Черноморской кордонной линии давали произвольно, часто по названиям урочищ, рек или стоявших прежде Суворовских укреплений»[39]. Частица «главно-» в названиях Главноореховатого и Главнокопыльского кордонов указывает на то, что они были главными постами соответственно 1-й и 2-й частей Черноморской кордонной линии, где находился начальник части с резервом. В.А. Соловьев сообщает, что «озером Ореховатым» донские казаки, несущие сторожевую службу во времена Суворова, называли старицу Кубани из-за обилия в ней водяного ореха чилима. «Черноморцы, заселив здешние места, возвратили старице старое наименование, тюркское - Карасун (Кара-су), т.е. черная вода. Название «Ореховатое озеро» они передали другой старице Кубани, что была у западной окраины Екатеринодара[40]. Пост же, по его мнению, назывался Главноореховатым, так как в нем размещалась штаб-квартира первого начальника Черноморской кордонной линии секунд-майора Лукьяна Тиховского[41]. Кривой кордон получил свое название от названия Кривого урочища, представлявшего собой изгиб древнего русла реки Кубани, ныне называемый «Старая Кубань». В этом месте от главного русла Кубани отделялись две старицы: Малый Карасун и Большой Карасун[42].

Слабой стороной этой кордонной линии было то, что некоторые кордоны были расположены в степи на достаточно удаленном расстоянии от реки Кубани, что не позволяло контролировать в должной степени прибрежные дороги и лесные куты. На это обстоятельство обратил внимание войсковой писарь Т.Т. Котляревский, проезжавший по кордонной линии в марте 1794 года[43].

Весной 1794 года на Черноморской кордонной линии произошли существенные преобразования. Кордоны были передвинуты ближе к реке и переименованы, число их увеличилось до двадцати. Сюда входили следующие кордоны: Воронежский, Константиновский, Александрин, Павловский, Великомарьянский, Главноекатеринодарский, Александровский, Елизаветинский, Елинский, Марьянский, Новоекатеринославский, Ольгинский, Славянский, Протоцкий, Копыльский, Петровский, Андреевский, Георгиевский, Платоногорский, Бугазский[44]. Количество кордонов менялось, временами доходя до

тридцати, но перечисленные всегда составляли костяк обороны[45].

Названия кордоны получили, во-первых, в честь лиц Императорской Фамилии и видных царедворцев. Например, кордоны Константиновский, Александровский, Великомарьянский и Александрин свои названия получили в честь детей Императора Павла I Великих князей Константина Павловича и Александра Павловича (будущего императора Александра I)[46] и Великих княжен Марии Павловны и Александры Павловны[47]. Платоногорский кордон первоначально назывался Сокуров кордон. «После того как у кордона основали перенесенное с берега Кубани Нижестеблиевское куренное селение, кордон был переименован в Платоногорский, в честь последнего фаворита Екатерины II и Новороссийского генерал-губернатора Платона Александровича Зубова (1767-1822), покровителя казачьей верхушки»[48].

Во-вторых, в названиях кордонов отразились названия существовавших здесь ранее укреплений. Так, Воронежский кордон получил свое название от Воронежского редута. К этой же категории можно отнести и название Главноекатеринодарского кордона (бывшего Главноореховатого), увековечившего в своем названии имя войскового града Екатеринодара.

В начале 1820-х годов на месте прежних кордонов и постов были основаны куренные селения. Так, например, куренные селения Елизаветинское (1821 г.) и Марьянское (1823 г.) получили свои названия по одноименным постам, на месте которых возникли. Посты же были так названы в честь членов императорской фамилии - Елизаветы Алексеевны (жены Александра Павловича, будущего императора Александра I) и жены императора Павла I Марии Федоровны.

О происхождении названия Елизаветинского куренного селения есть и другие версии. Одну из них записал создатель Елизаветинского народного музея А.М. Коломиец у старожила Ефима Трофимовича Шкеды. В старые годы, - как рассказывал Е.Т. Шкеда, - когда еще не было станицы Елизаветинской, на ее месте стоял кордон и небольшой хуторок из старых и вдовых казаков. К казакам-бобылям приезжала из Екатеринодара маркитанка Елизавета, привозила им хлеб, соль, различные товары. Она подолгу жила на хуторе, ухаживала за стариками, обстирывала и обшивала их, а со временем перебралась сюда жить. «В благодарность за доброе сердце маркитанки казаки и назвали новое куренное селение Елизаветинским»[49].

Старожилы рассказывают и другую версию наименования станицы. Согласно ей, «двигаясь вверх по р.Кубани от Таманского полуострова и закладывая свои селения, черноморцы называли их по именам детей

императрицы Екатерины II: Ольга - Ольгинское, Федор - Федоровское, Иван - Ивановское... Марьянское, Елизаветинское и, наконец, сама Екатерина - Екатеринодар»[50]. Обе эти версии представляют собой примеры так называемой «народной топонимики», «народной этимологии» и, конечно же, не соответствуют действительности. Тем не менее они представляют значительный интерес для исследователей устной истории кубанского казачества.

Петровское куренное селение, согласно местному преданию, изначально называлось хутором Терновским (Терноватовским, Тернийивкой) по обилию в этой местности терна или по названию Терноватого ерика[51]. О происхождении названия Петровского куреня (с 1842 года станицы) существует несколько различных версий: 1) курень назван по Петровскому кордону на реке Калаус в 18-ти верстах от хутора Терновского[52]; 2) по фамилии некоего командира полка «не то солдатского, не то козацкого»[53]; 3) переселенцы из малороссийских губерний в день святых Петра и Павла (29 июня по старому стилю) прибыли сюда, но поскольку их оказалось слишком много для заселения одной станицы, то они разделились на две партии. Те поселенцы, которые здесь остались, назвали свою станицу Петровской, те же, что отселились - основали станицу Павловскую[54]. Те же примеры «народной этимологии». Более убедительно выглядит версия о происхождении названия станицы от названия поста. Пост же, по предположению С.И. Вахрина, получил свое название по имени генерала Петра Авраамовича Текели (Текелич)[55].

Показателем некоторого улучшения демографического состояния куреней может служить появление новых селений в Черномории, в названиях которых присутствуют словообразовательные частицы «ново-» и «старо-». При определенном избытке людей имела возможность переселить часть казаков на дополнительный надел. Образовывались новые селения с тем же названием, но с прибавлением частицы «ново-». Прежнее получало частицу «старо-». Поскольку слова «старый» и «новый» являются антонимами, можно говорить об образовании в черноморской топонимии своеобразных «антонимических пар». Явление это хорошо известно и достаточно широко распространено в отечественной топонимике антонимические пары обычно строятся по моделям: «старый-новый», «большой-малый», «верхний-нижний», «левый-правый» и т.д.

В топонимии Черномории в первые десятилетия XIX века на основе названий запорожских куреней было создано девять таких антонимических пар:

1809 год - курени Староджерелиевский и Новоджерелиевский, Старокорсунский и Новокорсунский;

1810 год - курени Старотитаровский и Новотитаровский;

1815 год - курени Старонижестеблиевский и Новонижестеблиевский;

1821 год - курени Стародеревянковский и Новодеревянковский, Старолеушковский и Новолеушковский, Староминской и Новоминской, Старощербиновский и Новошчербиновский;

1823 год - курени Старовеличковский и Нововеличковский.

В дальнейшем в кубанской ойконимии антонимические пары получили широкое распространение, однако использовалась иная, слегка измененная модель: вторичный топоним образовывался путем прибавления к первичному топониму топоформанта «ново-», но первичный оставлял за собой прежнее название без прибавления частицы «старо-».

Появление новых куренных селений объясняется частично естественным приростом населения в куренях, частично переселением в Черноморию в 1808-1809 и 1821-1825 гг. малороссийских казаков из Полтавской и Черниговской губерний.

Но демографические процессы не везде проходили равномерно. В ряде куренных селений не только не произошло прироста населения, но и наблюдалась его убыль. Поэтому в 1828 году некоторые смежно расположенные селения, в которых убыль населения была особенно значительной, были соединены в одно: Динское с Пластуновским, Сергиевское с Платнировским, Леушковское с Крыловским, Дядьковское с Кореновским, Березанское с Батуриным. А «дабы снятое с куреней название в войске сем не уничтожилось», решено было дать эти названия новым селениям. Так селение при Кочетах стало Динским, при Кирпилях - Сергиевским, при Малом Бейсуге - Дядьковским, при Великом Бейсуге - Батуриным, при Челбасах - Крыловским[56].

В связи с приростом населения в 1848 году на Азовском побережье были основаны две станицы. Предполагалось эти станицы назвать «первую - или Троицкою, во имя местнаго храма, или Михайловскою, в честь имени Князя Наместника Кавказскаго, или, наконец, Должанскою по теперешнему наименованию урочища. Вторую - или Воздвиженскою, во имя местнаго молитвеннаго дома, или Николаевскою, в честь имени Командующаго войсками на Кавказской линии и в Черномории и Наказнаго Атамана Черноморскаго казачьяго войска, или Камышеватскою, также по теперешнему именованию местности»[57]. Станицы были названы Должанской и Камышеватской,

по названиям Долгой и Камышеватой кос, как и основанный в это же время портовый город Ейск получил свое название от Ейской косы. В 1855 году было Высочайше утверждено положение Военного Совета об образовании в Черноморском войске, в устье реки Бейсуг, станицы Бринковской[58]. Прежде здесь находился хутор Бринков, основанный в 1815 году на месте укрепления, построенного в свое время И.Ф. Бринком, предшественником А.В. Суворова на посту командующего Кубанским корпусом.

К казачьей топонимии Черномории можно отнести и название Гривенско-Черкесского аула (Гривенско-Черкесской станицы), основанного черкесами, перешедшими на сторону России и записанными в казачье сословие. В 1799 году они во главе с Султаном Шеретлу-Оглу переселились в урочище Ангелинский ерик, в 60 верстах от Кубани[59]. И в наше время жители хутора Лебеди указывают место в излучине Ангелинского ерика под названием «Черкесский сад», вероятно, остатки микротопонимии Гривенско-Черкесского селения[60]. Гривенским горское селение было названо потому, что вблизи аула была казачья станица Новонижестеблиевская, прозывавшаяся в народе Гривенной[61]. Название станицы Гривенской старожилы связывают с первопоселенцем по фамилии Грива[62]. О хуторе казака Гордея Гривы говорит и исследователь Гривенско-Черкесского аула А.К. Чемсо[63]. Обиходное название станицы «Грива», «Гривэны»[64]. Можно было бы предположить, что название станицы происходит от апеллатива «грива». В «Словаре народных географических терминов» Э.М. Мурзаева так называются старые береговые валы, удаленные от современного русла реки[65]. Однако на Кубани этот термин неизвестен и, следовательно, происхождение названия станицы от него маловероятно.

Уже с момента переселения на Кубань, черноморская старшина стремилась закрепить за собой хутора, мельницы, рыбные угодья, что нашло отражение и в «Порядке общей пользы», составленном 1 января 1794 года. Это положило начало посессивной (т.е. по имени владельцев) топонимии в Черномории. Например, хутора Чепеги, Бурсака, Белого и т.д.

19 ноября 1860 года Черноморское казачье войско было переименовано в Кубанское казачье войско. В его состав вошли также первые шесть бригад Кавказского линейного казачьего войска «с землею, которой они доселе пользовались»[66].

Таким образом, можно сделать вывод, что процесс формирования и развития топонимии Черноморского казачьего войска происходил в определенных исторических условиях под влияние факторов как

внутреннего, так и внешнего характера. В этом историко-топонимическом процессе можно выделить следующие особенности:

1) главную часть черноморской топонимии составили названия запорожских куреней и их производные с частицами «ново-» и «старо-». Большинство куренных названий оформилось еще в Запорожской Сечи на основе украинского языка и происходили либо от названия местности, либо по имени личности.

2) географический термин «куренное селение» был заменен в 1842 году общепринятым в казачьих войсках России термином «станица»;

3) появлению куренных селений Черноморского войска предшествовало образование в Черномории казачьих слободок. Названия слободок имели мемориальный или посессивный характер;

4) в качестве фоновой иноязычной топонимии широко представлен тюркский топонимический пласт, почти вся гидронимия Черномории имеет тюркское происхождение;

5) большое значение в формировании топонимии Черноморского казачьего войска имели названия укреплений Черноморской кордонной линии. На начальном этапе строительства кордонной линии посты получают названия либо по названиям местных урочищ, либо по названиям существовавших здесь прежде суворовских укреплений. В дальнейшем топонимия кордонной линии приобретает мемориальный характер - в названиях постов увековечиваются имена членов императорской фамилии и видных государственных деятелей;

6) уже с первых лет заселения черноморскими казаками Кубани начинается постепенное складывание черноморской посессивной топонимии, т.е. названий хуторов, земельных угодий, мельниц, рыбных заводов и т.п., производных от имен и фамилий владельцев.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т.1. История края. Екатеринодар, 1910. С. 478.

2. Дмитренко И.И. Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска. Т. 2. СПб., 1896. С. 2.

3. Реестр Запорожского войска 1756 года / Сост. Н.А.Тернавский. Краснодар, 1997.

4. Эварницкий Д.И. История запорожских козаков. Т.2. СПб, 1895. С. 63.

5. Шкуро В.И. Станица Брюховецкая // Кубанские новости. 1991. 4 сентября.

6. Эварницкий Д.И. История запорожских козаков. Т.2. СПб, 1895. С. 469.

7. Там же. С. 371-372.

8. Там же. С. 371-372.

9. Рагушняк В.Н. Из исторического прошлого кубанских пластунов // Из дореволюционного прошлого кубанского казачества. Сборник научных трудов. Краснодар, 1993. С. 23.

10. Лавров Л.И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1979. С. 89.
11. Короленко П.П. Черноморцы. СПб., 1874.
12. Бентковский И.В. Заселение Черномории с 1792 по 1825 год // Памятная книжка Кубанской области на 1881 год. Екатеринодар, 1881. Паг. 5. С. 75.
13. Там же. С. 46.
14. Люлье Л.Я. Словарь русско-черкесский. Одесса, 1846. С. 248.
15. Полное Собрание Законов Российской Империи (Далее ПСЗ). Собр. 2. Т. 17 (1842). СПб., 1843. Ст. 15809.
16. Государственный архив Краснодарского края (Далее ГАКК). Ф. 249. Оп.1. Д. 303. Л. 1-3.
17. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д.2830. Л. 1- 8.
18. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 1048. Л. 30 об. - 31.
19. ПСЗ. Собр. 2. Т. 17 (1842). СПб., 1843. Ст. 15809.
20. Фелицын Е.Д. Документальные сведения об основании Екатеринодара. Б.м., б.г. С. 1.
21. Там же. С. 2.
22. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д.2830. Л. 1- 8.
23. Фелицын Е.Д. Документальные сведения об основании Екатеринодара. Б.м., б.г. С. 2.
24. Поспелов Е.М. Имена городов: вчера и сегодня (1917-1992). Топонимический словарь. М., 1993. С. 61.
25. Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М., 1966. С. 213.
26. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М., 1984. С. 256
27. Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М., 1966. С.177
28. Гулиева Л.Г. Местные географические термины в славянской гидронимии Кубани // Вопросы русского языка и литературы: Научн. тр. / Краснодар. пед. ин-т. 1968. Вып. 94.
29. Галкин Г.А. «Родословная» реки Кубани / Г.А.Галкин, В.И.Коровин // Кубанский краевед. Ежегодник. Вып. 3. Краснодар, 1991. С.176-189.
30. Гулиева Л.Г. О названиях реки Кубань // Топонимика Востока. Вып. 3. М., 1969.
31. Фелицын Е.Д. Краткий очерк заселения Кубанской области. Б.м., б.г. С. 4.
32. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т.1. История края. Екатеринодар, 1910. С. 554.
33. Там же. С. 554.
34. Короленко П.П. Первоначальное заселение черноморскими казаками Кубанской земли // Известия Общества любителей изучения Кубанской области. Вып. 1. Екатеринодар, 1899. С. 57.
35. Фролов Б.Е. Первые казачьи слободы в Черномории // Древности Кубани. Вып. 9. Краснодар, 1998. С.31.
36. Там же. С. 31.
37. Соловьев В.А. Карантинный редут // Энциклопедический словарь по истории Кубани. С древнейших времен до октября 1917 года / Под ред. проф. Б.А.Трехбрatова. Краснодар, 1997. С. 197.
38. Шкуро В.И. Щербининский курень // Энциклопедический словарь по истории Кубани... Краснодар, 1997. С. 544.
39. ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 1. Л. 271.
40. ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 3. Л. 107.
41. Фролов Б.Е. Первые казачьи слободы в Черномории // Древности Кубани. Вып. 9. Краснодар, 1998. С.31.
42. Там же. С. 31.

43. ГАКК. Ф. 250. Оп.1. Д.67. Л. 3-3 об.
44. Соловьев В.А. Большой Карасун // Энциклопедический словарь по истории Кубани... Краснодар, 1997. С. 64.
45. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 732. Л. 12.
46. Там же. Л. 21.
47. Чучмай Г.Т. Тайна географических названий. Краснодар, 1996. С. 66.
48. Соловьев В.А. Ореховатое озеро // Энциклопедический словарь по истории Кубани... Краснодар, 1997. С. 319.
49. Соловьев В.А. Главно-Екатеринодарский кордон // Энциклопедический словарь по истории Кубани... Краснодар, 1997. С. 119.
50. Соловьев В.А. Кривое урочище // Энциклопедический словарь по истории Кубани... Краснодар, 1997. С.225.
51. ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 1. Л. 270.
52. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 264. Л. 81, 87.
53. Фролов Б.Е. Организация обороны Черноморской кордонной линии в конце XVIII - первой трети XIX в. // Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы научной конференции. Краснодар, 1995. С. 102.
54. Соловьев В.А. Александровский кордон // Энциклопедический словарь по истории Кубани... Краснодар, 1997. С. 17.
55. Соловьев В.А. Александрин кордон // Энциклопедический словарь по истории Кубани... Краснодар, 1997. С. 17.
56. Соловьев В.А. Платонгорский кордон // Энциклопедический словарь по истории Кубани... Краснодар, 1997. С. 346.
57. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М., 1984. С.86.
58. Гёрц К.К. Археологическая топография Таманского полуострова. М., 1870. С.14.
59. Тернавский Н.А. Станица Елизаветинская. (Краткий историко-краеведческий очерк). Елизаветинская, 1991. С. 1.
60. Там же. С. 1.
61. Самовтор С.В. Полевые исследования по топонимике Кубани (по материалам фольклорно-этнографической экспедиции Центра народной культуры Кубани 1995 года) // Вопросы северокавказской истории. Сборник научных статей аспирантов и соискателей. Вып. 2. Армавир, 1997. С. 68-69.
62. ГАКК. Ф. 721. Оп. 1. Д. 122. Л. 29.
63. Архив отдела фольклора и этнографии Центра народной культуры Кубани (Далее АОФЭ ЦНКК). Полевые материалы ФЭЭ-95, к/к № 716.
64. Там же, к/к № 716.
65. Вахрин С.И. Биографии кубанских названий. Краснодар-Армавир, 1995. С. 51.
66. Мурзаев Э.М. Очерки топонимики. М., 1974. С. 20.
67. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 536. Л. 8-11.
68. ГАКК. Ф. 249. Оп.1. Д. 1867. Л. 10-13.
69. ПСЗ. Собр. 2. Т. 30 (1855). СПб., 1856. Ст. 29356.
70. Короленко П.П. Горские поселенцы в Черномории // Известия Общества любителей изучения Кубанской области. Вып. 3. Екатеринодар, 1902. С. 78.
71. АОФЭ ЦНКК. Полевые материалы ФЭЭ-95, к/к № 693.
72. Короленко П.П. Горские поселенцы в Черномории // Известия Общества любителей изучения Кубанской области. Вып. 3. Екатеринодар, 1902. С. 79.
73. АОФЭ ЦНКК. Полевые материалы ФЭЭ-95, к/к № 687.
74. Чемсо А.К. Гривенно-Черкесская станица. Краснодар, 2002. С.23.
75. Там же, к/к № 687.

76. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М., 1984. С. 158-159.
77. ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 67. Л. 3 - 3 об.
78. Гёрц К.К. Указ. соч. С.15
79. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М., 1984. С.42
80. Гёрц К.К. Указ. соч. С.15
81. Бондарь В.В. Города Кубани в конце XVIII - начале XX в. (Опыт типологического анализа) // Вопросы историографии и истории Северного Кавказа XVIII - начала XX в. Краснодар, 1997. С. 118
82. Там же. С. 118.
83. Ган К.Ф. Опыт объяснения кавказских географических названий // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 40. Тифлис, 1909. С. 133.
84. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М., 1984. С. 542.
85. Поночевный М.О. Географический очерк Боспорского царства // Кубанский сборник. Т.2. Екатеринодар, 1891.
86. Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М., 1966. С. 406-407
87. Там же. С. 407
88. К.Т.Живило. Экскурсия на Таманский полуостров (Июнь 1908) // Кубанский сборник. Т. 14. Екатеринодар, 1908
89. Вахрин С.И. Биографии кубанских названий (популярный топонимический словарь Краснодарского края). Краснодар-Армавир, 1995. С. 61-62.
90. Арканников Ф. Город Темрюк // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1884. Вып. 4. Отд. 1. С. 250.
91. Коков Дж.Н. К постановке вопроса о черкесской топонимике на Черноморском и Азовском побережьях // Уч. зап. Кабард.-Балкар. ун-та. Вып. 7. Нальчик, 1960. С. 70-71.
92. ПСЗ. Собр. 2. Т. 35 (1860). СПб., 1862. Ст. 36327.

Л.Б. Мартыненко

СОВРЕМЕННОЕ БЫТОВАНИЕ ПОСЛОВИЦ, ПОГОВОРОК И ЗАГАДОК ЧЕРНОМОРСКИХ КАЗАКОВ НА КУБАНИ

Фольклор Кубани представляет собой оригинальное и сложное явление. Специфика кубанского устного народного творчества обусловлена поздним заселением края (конец XVIII века), языковой и сословной разнородностью населения. Первыми переселенцами на Кубани были черноморские (бывшие запорожские) казаки - носители украинского языка и линейные (донские) казаки, говорившие на русском языке. Затем наблюдался бурный приток «иногородних» - крестьян из черноземных губерний России и Украины, особенно усилившийся в послереформенный период.

Наблюдения показывают, что в тех районах Краснодарского края, где были проведены преподавателями и студентами филологического факультета Кубанского государственного университета фольклорные

практики, продолжают активно бытовать устно-поэтические произведения черноморского казачества, исполняющиеся на украинском языке. Так, на Кубани широко известны исторические песни «Ой, на гори та й женци жнуть», «Зажурылысь чорноморци»; военно-бытовые и походные песни «Ой на гори огонь горыть», «В субботу пизнэнько»; лирические и семейно-бытовые песни «Розпрягайтэ, хлопци, конив», «Стоить явор над водою»; чумацкие песни «Ой горэ тий чайки», «Ой ходыв чумак по рыночку»; различные календарные и семейно-бытовые обрядовые песни, заговоры, сказки, былички и т.д.

Особенно интересно проследить современное бытование в нашем крае, так называемых, малых (афористических) жанров черноморцев – пословиц, поговорок и загадок, которые охватывают самые разнообразные стороны окружающего мира. В отличие от других фольклорных произведений, пословицы и поговорки нельзя попросить специально исполнить, ведь они рождаются и бытуют в живой разговорной речи, вспоминаются ассоциативно в связи с каким-нибудь жизненным фактом или явлением.

Так, например, подчеркивая вздорный характер какого-нибудь человека, метко определяют нелегкую судьбу его будущего суженого: «Комусь кислицы сняться»; тому, кто необдуманно сделал какое-то приобретение, скажут: «Бачылы очи, що купували: йиште, хочь повылазте», а, жалуясь на трудную жизнь, незаслуженные обиды, произнесут: «Живэм, як горох при дорози: хто нэ идэ, той скубнэ» и т.д. Важно отметить, что украинские пословицы и поговорки используют в речи не только носители особого кубанского диалекта, возникшего в результате взаимовлияния русского и украинского языков (жители многих хуторов и станиц Кубани), но и говорящие на русском литературном языке. Причем, употребление их в речи оговаривают, как правило, при помощи особых вводных оборотов: «Как говорят, «Как говорит народ», «Вот, уж, как говорится» и т.п.

Хорошая сохранность многих украинских пословиц и поговорок в русскоязычной среде объясняется прежде всего их жанровой спецификой: известно, что пословицы и поговорки отличаются большей устойчивостью по сравнению с другими жанрами фольклора. Народ хорошо осознает их древность и традиционность: «Старая пословица век не сломится». Немаловажными причинами устойчивости пословиц и поговорок являются выразительность, отточенность их формы (ритмичность и нередко наличие рифмы, способствующей сохранности текстов): «Полсвита плаче, аполсвита скаче», «Миняй, свату, слипую кобылу на носату», «Так бывае, що и медведь литае» и особая функциональная

сущность. Роль пословицы - сделать определенные выводы и обобщения из жизненных наблюдений и социально-исторического опыта народа («Нэ лизь попэрэдь батька в пэкло: нэхай батько попэчеться, тоди - ты», «Нэ на тэ, козак пье, шо е, а на тэ, шо будэ», «Нэ жнэ, нэ косэ, а жупан носэ»); назначение поговорки заключается в том, чтобы украсить речь, сделать ее яркой и образной («Як будяк среди роз», «С тих хуторив, дэ дядька горив», «Потрапыв, як пальцем в небо»).

Однако, как и все фольклорные произведения, пословицы и поговорки варьируются. Сопоставление кубанских вариантов малых афористических жанров (тексты приводятся из сборника «Пословицы, поговорки и загадки Кубани») с их украинскими вариантами [7] позволяет сделать вывод, что для кубанских пословиц и поговорок характерны весьма существенные местные особенности.

Во-первых, варианты пословиц и поговорок могут различаться чисто фонетически. Например, когда украинское «і» в них заменяется на русское «е» в соответствующей грамматической позиции: «Сякий-такий Пантелій, а все на душі веселій - «Сякий-такий Пантелей, та все Маньке веселей». Или: «Не вмер бы Данила, так болячка задавила» - «Не умер бы Данила, так болячка задавила» - безударное «у» в русском языке сохраняется, а в украинском подвергается редукции, пишется «в».

Во-вторых, на Кубани нередки случаи двойного звучания (на русском и украинском языках) одинаковых по смыслу пословиц и поговорок: «Ни богови свичка ни чортови кочерга» - «Ни богу свечка ни черту кочерга». Второй вариант встречается чаще: в русском языке нет форм на -ови (еви) дат.п.ед.ч. существительных мужского рода, в то время как в украинском языке они широко употребительны. Или «Брат любит сестру багату, а чоловик жинку здорову» - «Брат любит сестру богатую, а муж жену здоровую»; «И за холодну воду нэ визьмется» - «За холодную воду не берется» и т.д.

Следует отметить, что иногда трудно с полной уверенностью сказать о той или иной пословице или поговорке, где они возникли: в русском или украинском фольклоре, столь длительны и широки русско-украинские фольклорные связи.

Порой в нашем крае встречаются особые, контаминированные варианты пословиц. Так, в России хорошо известна пословица «Цыплят по осени считают», на Украине она звучит так - «Курчат рахують по осені» [7: 94], на Кубани появился оригинальный текст - «Курчат по осени считают» [4: 60]. Русская пословица «Горько есть, да жаль покинуть» имеет близкий украинский вариант - «Гірко з'їсти, та шкода покинути»

[7: 140], а диалектный кубанский вариант выглядит так - «Гитко йисты - жаль покынуть» [4: 43]. Контаминированные варианты пословиц свидетельствуют об определенном языковом явлении: некоторые слова литературного украинского языка уходят из активного словарного запаса населения Краснодарского края: «рахувати» (считать), «шкода» (в значении «жаль, жалко»), «стричка» (лента), «чекати» (ждать), «шлюб» (венец) и т.д.

Можно говорить о разной степени сохранности пословиц черноморских казаков на Кубани. Так, в крае очень популярна пословица «Нэ було у бабы клопит (забот), так купыла поросся» [4: 47], ее украинский вариант имеет более полный текст: «Не мала баба клопоту та купила поросся, поросся у кувік (визг), а баба у крик» [7: 202]. Вероятно, кубанский вариант с течением времени сократился. Подобный факт сокращения пословичного текста ввиду того, что некоторые слова уходят из употребления у исполнителей фольклора, наблюдаем и при сопоставлении следующих вариантов пословиц: «кубанский - «Поки дида, покы и хлиба» [4: 20], украинский: «Поки діда, поти (до тех пор) и хліба, поки баби, поти й ради» [7: 203].

В то же время некоторые украинские слова прочно вошли в речь кубанцев. Прежде всего это названия профессий: «Не коваль (кузнец), так и рук не погань», «Я такой же печник, как ты мирошник» (мельник), «Як бы Бог слухав чэрэдныка (пастуха), уся бы худоба сгынула» и другие; названия овощей: «Навздогад бурякив (свекла), шоб дали капусты», «Два гарбуза (тыква) в одной руке не удержишь» и т.д.

Известно, что нередко трудно установить точное время возникновения той или иной пословицы или поговорки. Однако, иногда это возможно. Так, поговорка «Рэвэ, як Сэрэда» [4: 17] возникла на Кубани в XIX веке: казак Середа был знаменитым «басом» войскового хора, и слава о нем разнеслась по всей обширной казачьей земле. По форме кубанская поговорка идентична украинским: «Як сонце, гріє», «Весела, як ясочка».

После Великой Отечественной войны в нашем крае появились новые пословицы и поговорки, некоторые из них, очевидно, были заимствованы у украинцев: «Кляне, як бабы фашиста» (ср.укр.вариант: «Кляне, як баба Денікіна»); «Пропав, як фашист под Сталинградом» (ср.укр.вариант: «Пропав, як фашист під Сталинградом»); «У Гитлера тильки и ридни, що бандиты одни» (ср. близкий укр. вариант: «Буде морда бита в Гітлера - бандита») [3: 58] и другие.

Подобные заимствования стали возможны потому, что в Краснодарском крае до сих пор активно бытуют фольклорные

произведения черноморского казачества.

Очень популярны на Кубани прибаутки - шуточные, нередко рифмованные приговорки. Их цель - развлечь, позабавить слушателей. Многие прибаутки имеют явно украинское происхождение: «А, здоров, Юрко! Надив золоту бурку, та й нэ признаешься!», «Та й була в собаци хата, пишов дощ - вона сторила», «Савва встав, Хома сив, а нас укупе усих сим», «Дуй, дураче, нэ будэ горяче!», - «Що наши делают? - Та й пообидалы - хлиб жують», «Дядько! Дайтэ водычки напыться, бо так йисты хочется, що негде и переночевать» и т.д.

В.И. Даль в своей статье «Напутное» [1: 15] отмечает, что прибаутки нередко переходят в пословицы или поговорки, если применяются к какому-либо известному случаю. Так, прибаутка «И знов за рыбу гроши», используемая для характеристики непонятливого или упрямого человека, приобретает функцию поговорки, а прибаутка «Черт скаче, моды не настаче» может ситуативно иметь обобщенное, пословичное значение.

Нередко в Краснодарском крае встречаются и варианты украинских загадок. Так, кубанская загадка о колоде «Лежит баран, на нем тысяча ран» [4: 119, №465] – это вариант украинской загадки – «Е у нас такой баран, шо у него сорок ран (ковбиця) [6: 375, №43], бытующий на русском языке. А вот варианты украинской загадки о месяце «Лесом идэ, нэ треснэ, водою идэ, нэ плюснэ» [6: 372, №10] в Краснодарском крае продолжают бытовать на украинском языке [4: 76, №608], также как и варианты украинской загадки о солнце – «Стоит дерево середь села, а в кожний хатце по гилячце» [6: 374, №33]. Кубанская загадка о волке, собаке и свинье - «Прийшла темнота пид наши ворота, пытае лепех: «Чи дома понура?» [4: 122, №494] ситуативно напоминает украинскую загадку о мышке и кошке - «Пыталася швыдка сверка: чи е хапко дома» [6: 375, №42].

Следует отметить, что порой трудно с полной уверенностью сказать о той или иной загадке, где она возникла: у русских или у украинцев, столь длительны и широки русско-украинские фольклорные связи. Поэтому нередко встречаются случаи двойного звучания одинаковых по смыслу загадок. Так, повсеместно бытующая загадка об огурце в нашем крае известна на русском языке: «Без окон, без дверей полна горница людей» [4: 111, №370] и на местном диалекте - «Бэз викон, бэз двэрэй повна хаточка людэй» [4: 111, №371], а широко распространенная загадка о соли – «В воде родится, а воды боится» [4: 100, №253] в Краснодарском крае имеет диалектный вариант - «В води растэ, в води кохается, а кынь в воду – злякается» [4: 100, №253] или загадка о моркови «Сидит

девица в темнице, а коса на улице» [4: 113, №402] может звучать и иначе: «Дивка у комори, а коса на двори» [4: 113, №403].

На Кубани очень популярна загадка о яблоке и свинье:

Хо́да – хо́дэ, вы́са вы́сэ,

Вы́са впа́ла - хо́да зы́ла [4: 120, №472].

Близкий вариант этой загадки с аналогичной отгадкой есть в сборнике И.П.Сахарова в разделе «Червоно-русские загадки» - «Виса висить, хо́да ходи́ть: ви́са впа́ла, хо́да взя́ла» [6: 372, №6], а в сборнике Д.Н. Садовникова даны два варианта этой же загадки: новгородский - «Виса висит, хо́да ходи́т; ви́са па́ла, хо́да съе́ла» [5: 111, №846] и калужский – «Хо́дя ходи́т, ви́са ви́сит, ви́са па́ла, хо́дя съе́ла» [5: 120, №933]. Калужский вариант имеет несколько иную отгадку - «свинья и желуди».

На Кубани широко известна и загадка о дороге - «Лэжить Ася (Гася), прости́глася, як устанэ - нэ́бо доста́нэ» [4: 136, №652], варианты этой загадки есть у Сахарова - в разделе «Червоно русские загадки» - «Довга Гася (Пася), кобы встала, то бы неба достала» [6: 373, №25] и у Садовникова, зафиксированный в Псковской губернии, - «Лежит Гася прости́ глася. как встанет - небо достанет» [5: 159, №1379 в]. В примечании к загадке в сборнике Д. Н. Садовникова указано, что эта загадка распространена и у украинцев (приведен вариант из сборника А. М.Сементовского «Малорусские загадки» - Спб., 1872) и у белорусов (дан вариант из сборника И. И. Носовича «Белорусские пословицы и загадки» - Спб., 1869).

Очень оригинальной представляется кубанская загадка о решете - «Дай, кума, богита, богита живита» [4: 88, №125]. Смысл ее становится понятен, если вспомним, что в старину приехавших от венца жениха и невесту родители обсыпали хмелем, зернами, монетами, которые брали из решета, приговаривая: «Живите богато, дружно». Таким образом, загадка возникла в результате изменения звуковой структуры слов «богато живите».

В.В. Митрофанова в статье «Вопросы публикации и текстологического изучения русских народных загадок» пишет: «Репертуар загадок, художественные особенности их, иногда даже смысл и значение связаны с той местностью, где загадки бытуют» [2: 113].

Это действительно так. В сборнике Д.Н.Садовникова приводится загадка «Дыр много, а вылезть некуда» с отгадкой «решето», зафиксированная в Самарской губернии [5: 68, №391 а]. На Кубани известен более пространственный украинский вариант этой загадки «Хата не

хата: викон богато; е, куды улизты, та й некуды вылизты» [4: 83, №101], имеющий иную отгадку - «сеть для ловли рыбы».

Наблюдения показывают, что на Кубани до сих пор встречаются загадки черноморских казаков, полностью исполняющиеся на украинском языке: и загадываемый текст и отгадка. Например, «Баран у хати, а роги на двори» – сволока [4: 79, №116], «Высить, телепается, усяк за него хватается» – рушник [4: 84, №78], «Стоять кони на прыпони, нэ пьют, нэ йидять, а гладки стоять» – кавун [4: 111, №378] и другие. Однако, в Краснодарском крае нередки случаи языкового варьирования отгадок: «Бэз рук, бэз ниг выбрався на стиг» – арбуз, кавун [4: 111, №375], «Прийшла пани у красном сарафани, а як стали раздевать, стали плакать та й рыдать» – лук, цыбуля [4: 113, №396], «Красный пан в ямку упав» – свекла, бурак [4: 114, №407] и другие.

Среди рассмотренных загадок черноморских казаков большинство метафорического характера. Но иногда встречаются и другие их виды: счет и задачи, затейливые вопросы и игра слов. Это в большинстве своем загадки-шутки, развивающие внимательность, сообразительность. Например:

Я и Тарас,
Да и тот хлопец,
Що у нас,
Да четыре брата,
А у братьев по жинци,
А у жинци по дытынци.

Сколько всего человек в семье? [4: 147, № 777]

Ответ-12: четверо братьев, у каждого жена и ребенок.

А вот пример загадки, заключающей в себе затейливый вопрос: «Що в нашей хати за поцелувайло?» [4: 87, № 205] - ответ – кружка: кружку всякий прижимает к губам - «целуется» с ней. Форма «поцелувайло» (тот, кто целует) – диалектная, сравним - в шуточной кубанской песне «Я ж тэбэ, жиночка, нэ лаю» - «Михайло - гарный запевайло», то есть, запевала.

Кубанские пословицы, поговорки и загадки – ценный материал для изучения общерусских и украинских малых афористических жанров, а также для исследования взаимосвязи фольклора русского и украинского народов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Даль В. И. Пословицы русского народа: Сборник. В 2-х т. Т. 1. / Вступ. слово М. Шолохова. – М.: Худож. лит., 1984. – 383 с.

2. Митрофанова В. В. Вопросы публикации и текстологического изучения русских

народных загадок // Принципы текстологического изучения фольклора – М.- Л.: 1966. С. 102-124

3. Народное слово о Великой Отечественной войне / Сост. Л.Б. Мартыненко, И.В. Уварова (Специальный выпуск журнала «Филология – Philologica»: КубГУ, 1995) С. 64

4. Пословицы, поговорки и загадки Кубани / Сост. Л.Б. Мартыненко, И.В. Уварова. – Изд. 2-е. Краснодар: КубГУ, 2000 – 167 с.

5. Садовников Д. Н. Загадки русского народа: Сборник загадок, вопросов, притч и задач / Вступ. ст. и примеч. В. Аникина. – М.: Худож. лит., 1996

6. Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым: Сборник / Вступ. ст. и примеч. В. Аникина. – М.: Худож. лит., 1990 – 398 с.

7. Українські прислів'я та приказки. / упоряд. С. Мишанича та М. Пазяка; Передм. М. Пазяка. – К.: Дніпро, 1983. – 390 с.

С.А. Жиганова

ТРАДИЦИОННАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА СЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КУБАНИ В КОНТЕКСТЕ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПЕСЕННЫХ СИСТЕМ

Изучение музыкального фольклора Кубани, одной из самых молодых восточнославянских традиций, формирование которой было начато казаками лишь на рубеже XVIII – XIX в.в., может внести существенный вклад в создание теории региональных музыкальных систем.

Современный этап развития отечественной этномузыкологии демонстрирует устойчивость интереса ученых к региональной тематике. Он проявляется в публикации в последние десятилетия XX – первые годы XXI века целого ряда сборников народных песен, тематически ориентированных на географию традиционной культуры [1], выхода в свет научных статей и монографий, затрагивающих, либо активно разрабатывающих тему [2].

Одной из важнейших работ, посвященных проблематике изучения региональных традиций, является доклад Е.А.Дороховой, М.А.Енговатовой «Региональные песенные системы как объект структурно-типологического исследования», сделанный в 1999 году на международной этномузыкологической конференции «Россия – Европа: диалог научных направлений» [3]. В докладе осуществлена постановка проблемы «типологии региональных песенных систем русского фольклора... в русле структурно-типологических исследований». Авторы отметили, что возможность создания такой типологии на современном этапе обусловлена длительным периодом развития научных представлений в данной области.

Постановка проблемы исследования региональных традиций в теоретическом аспекте принадлежит профессору Е.В. Гиппиусу, который учитывал при этом результаты работы отечественных фольклористов с материалами русских региональных традиций, выполненные в первой половине XX века [4]. В статье «Проблемы ареального исследования традиционной русской песни в областях украинского и белорусского пограничья» (1982 г.) [5], Е.В. Гиппиус выделил понятие «централизирующего компонента жанровой системы» как главного определяющего признака региональной традиции.

Накопленные за практически столетний период наблюдения определили одно из основных положений современной теории региональных систем – существование первичных и вторичных (переселенческих) традиций, что определяется историческими условиями их формирования, особенностями миграционных и культурных процессов на территории восточнославянского проживания. Доклад «Региональные песенные системы как объект структурно-типологического исследования» отразил следующую особенность нынешнего состояния этой отрасли науки: если принципы организации первичных традиций на сегодняшний день исследованы более основательно, то полноценная разработка теории вторичных традиций является делом будущего. Мешает слабая изученность многих переселенческих систем, которая, в свою очередь, оправдывается значительным объемом территории, ими занимаемой (Поволжье, Урал, Северный Кавказ, Алтай, Сибирь), функционированием в данном типе региональных традиций большого числа музыкальных структур, сложность выявления системных связей (если таковые имеются). Последнее положение, а именно наличие либо отсутствие системных связей, организующих функционирование текстов в традиции позднего формирования, и может явиться критерием ее культурной целостности, определяющим знаком региональной традиции как таковой.

В докладе сформулированы современные принципы изучения региональных традиций: «Следует учитывать, что подобное исследование выдвигает определенные требования к степени изученности региональных традиций. Очевидно, что такому осмыслению может быть подвергнут материал только массового характера, исчерпывающий каждую традицию, собранный по определенной методике и строго систематизированный в соответствии с принципами структурно-типологического метода. Наконец, эта работа должна базироваться на хорошем знании не только одной, но и ряда других (как минимум, соседних) песенных систем, с которыми осуществляется сравнительное

сопоставление» [6].

Мысль о необходимости исследования Кубанской области на предмет выявления ее культурной специфики, в том числе региональной, впервые прозвучала на страницах местной периодической печати в 1902 году в статье кубанского музыковеда П. А. Махровского «Об изучении Кубанской области со стороны музыкальной» [7]. Однако в силу определенных исторических причин (политика расказачивания, голод 30-х годов), решение этой задачи отложилось на многие десятилетия [8].

На настоящий момент региональный ракурс исследований является стержневой линией для целой группы ученых, представляющих различные отрасли истории и этнологии Кубани. За последнее десятилетие вышел из печати ряд изданий, затрагивающих данную тему [9]. Их содержание указывает на основные факторы, обеспечившие региональную специфику кубанской традиционной культуры, музыкального фольклора. Одним из них является казачий статус традиции, другим – этнические процессы в регионе, формирование культуры Кубани на основе значительного количества метропольных песенных систем, наконец, третьим – поздний исторический период в контексте формирования кубанской традиционной культуры в контексте восточнославянских.

Регионально-этнический аспект изучения кубанской традиции, на котором мы в рамках данной статьи остановимся подробнее, следует признать едва ли не самым сложным и проблемным. Он связан с формированием фольклора края на основе комплекса метропольных традиций, южнорусских (войска Донского, Курской, Воронежской, Орловской, Тамбовской губерний) и украинских (Запорожской, Полтавской, Харьковской, Киевской, Черниговской губерний) [10].

Динамика этнокультурных процессов на Кубани в общем плане была описана этнологом Н.И.Бондарем еще в начале 80-х годов [11], развита и дополнена в его последующих работах: «Характер заселения Кубани и наличие двух основных восточнославянских групп предопределили специфику этнокультурных процессов на различных этапах формирования кубанского казачества. На каждом из них преобладали различные типы этнокультурных процессов, на первом этапе, примерно с 1792 – 1794 гг. по 50-е гг. XIX в. включительно, идет складывание русской и украинской казачьих этнографических групп..., начиная с 40-х годов XIX в.... протекают активные ассимилятивные процессы... С 60-х годов начинается третий, качественно новый этап в этнической истории кубанского казачества», который связан с усилением

«ассимилятивных и консолидационных процессов на межэтническом уровне» [12].

Результатом этнокультурных процессов в Кубани явилась сложная, сегментированная в региональном отношении структура традиции, в которой выделяются Черноморья, Старая, Новая Линия и Закубанье. Первые два субрегиона во многих отношениях сохранили этнокультурные стереотипы (соответственно, украинские и южнорусские), а культура последних двух (особенно Закубанье) отразила консолидационные этнические процессы.

Аргументируя идею консолидации русского и украинского культурных истоков и формирования на их основе традиционной культуры кубанского казачества, Н.И.Бондарь указал на ряд явлений в области традиционной музыкальной культуры: «обмен» фольклорными текстами на субрегиональном уровне, изменения в поэтическом языке песен, связанные с переводом с украинских диалектов на русские и наоборот, наконец, наличие «общекубанского песенного фонда», т.е. целого пласта фольклорных текстов, бытующих во всех субрегионах Кубани.

Но каков конкретно состав «общекубанского песенного фонда» и насколько он велик? Какие тексты в наибольшей, а какие в наименьшей степени подверглись культурной динамике, этническому переосмыслению? Каковы соотношения компонентов традиции на разных диахронических срезах? Для ответов на эти вопросы музыкальная фольклористика должна решить комплекс задач, применяя при этом точные методы исследования (типологии, картографирования статистики). Основными представляются:

- анализ жанрового состава кубанской музыкальной традиции во всех ее субрегиональных сегментах;
- типология музыкальных структур (ритмических, звуковысотных, тембровых и др.) внутри жанровых групп;
- выявление и описание системообразующих элементов на различных структурных уровнях традиции: локальном (одного населенного пункта) и микролокальном (части населенного пункта, группы семей), субрегиональном (Черномории, Линии, Закубанья), региональном (всей территории края);
- анализ взаимосвязей кубанского музыкального фольклора с традиционной музыкальной культурой метропольных территорий (различных районов Украины, Южной России);
- анализ соотношения кубанской традиции с другими казачьими и крестьянскими традициями Юга России и Северного Кавказа.

Некоторые аспекты данной программы на сегодняшний день можно считать в определенной степени разработанными. Так, достаточно хорошо представляется жанровый состав традиции и его специфика в субрегионах, проводится анализ и типология музыкальных структур. На настоящий момент в большей степени ясна картина сложения приуроченных жанров фольклора, что отражают и последние публикации [13].

Определенный результат системного анализа получен в отношении свадебной музыкальной культуры кубанских станиц: выявлены черты черноморского или линейного комплексов музыкальных обрядовых текстов. Напевы этих субрегионов во многом различны как по своему строению, так и функционированию. Тем не менее, в ходе полевых исследований, прежде всего, на территории Закубанья, Кубанской фольклорно-этнографической экспедицией зафиксированы версии свадебного ритуала, текстовый состав которых отразил консолидационные этнокультурные процессы. Диалект, разновидности многоголосного сложения, объем звуковой шкалы, степень участия внутрислоговых распевов в мелодической ткани напева, особенности ритмической организации – уровни сложения черноморских и линейных напевов, демонстрирующие различия, и иногда довольно существенные. В то же время определенные черты сложения – типы многоголосия, тембр и др. – обеспечивают возможность их объединения в рамках единых обрядовых комплексов.

Наиболее проблемным аспектом фольклористических исследований был и остается анализ культурных связей фольклора Кубани с метропольными традициями. Картина здесь не одинакова в отношении Южной России и Украины. Кубанскими учеными налажен хороший научный контакт, обмен аналитическими впечатлениями и литературой с коллегами из Ростова-на-Дону (Т.С. Рудиченко, Т. А. Карташовой), Волгограда (О. Г. Никитенко), других южнорусских областей, что очень помогает в работе над осмыслением взаимосвязей традиционной культуры Юга России (в частности, Дона) и Кубани. «Болевой точкой» по сей день остается вопрос изучения украинских истоков кубанской музыкальной традиции. Крайне мало количество материалов и исследований украинских этномузыкологов, с содержанием которых имели бы возможность познакомиться кубанские ученые. Интересен как опыт исследования украинскими коллегами народно-музыкальных традиций своей страны, так и их взгляд на традиционную музыкальную культуру Кубани. Поэтому с большим вниманием были встречены в 2001 году работы кандидата искусствоведения, докторанта Харьковской

государственной академии культуры Н.А.Супрун-Яремко «Народно-песенный фонд черноморско-кубанского казачества» [14] и «Свадебные сиротские песни черноморских станиц: этномузыкологический аспект явления» [15].

Однако знакомство кубанских исследователей с работами украинского этномузыколога скорее разубедило их в возможности сотрудничества в данной области. Таковую реакцию вызвал политизированный тон статей, который дает возможность безошибочно почувствовать отношение автора к кубанской фольклорной традиции – как к оторванному от Родины кусочку украинской земли. Это видно как из охвата исследуемой территории (только Черноморья), так из списков используемой литературы (помимо Ф.А.Щербини в них только украинские авторы – А. Иваницкий, С. І. Грица, и др.), транскрипций поэтических текстов песен и просто из характера высказываемых мыслей о кубанской музыкальной культуре: «Этому способствовало сосуществование на Кубани двух векторов интеграционных связей – с этнической Украиной и иноэтническим государством Россией, сформировавших культурный пласт, в котором украинский элемент долгое время имел доминирующее значение» [16]; «Именно украинская традиционная песня – с первых лет становления общественно-войсковых форм жизнедеятельности кубанского казачества и на протяжении последующих периодов планового заселения земель военным и крестьянским украинским людом – стала наилучшей хранильницей казацких устоев и сегодня функционирует... едва ли не на всей территории Краснодарского края» [17]; Участие же России в формировании Кубани трактуется автором как досадное и тягостное для украинцев обстоятельство: «... новые же исторические песни создавались представителями военного казачества, втянутого в болезненный процесс перерастания вольного казака-рыцаря в служивого воина, охраняющего новые кордоны России» [18]; «Так неумолимо осуществлялся процесс перелома психики, мировоззрения и национального сознания казаков-запорожцев, которые, переселяясь на Кубань, мечтали вопреки государственным интересам о построении на обетованной земле свободной и справедливой державы...» [19].

Восхвалениям автора подвергается только культура черноморских казаков, да и то только та ее часть, которая была привезена предками кубанцев с Украины. Черноморцы заботливо «ограждены» исследователем от казаков линейных, вообще русского населения Кубани, а заодно и казаков Закубанья украинского происхождения. Перестали ли они, живя «плечо к плечу» с линейными казаками, петь

песни, которые являются наилучшими хранительницами казацких устоев»?

«Свадебные сиротские песни...» работа сугубо аналитическая. Автор ставит в ней задачу анализа тринадцати вариантов напева одного свадебного сюжета – сиротской песни «Ой, ходыла та й Таничка по крутий гори», функционирующей в большинстве свадебных обрядов Кубани, сохранивших украинские корни культуры. Таким образом, Н.А.Супрун-Яремко выступает последовательницей определенной линии русской музыкальной фольклористики второй половины XX века, апробирующей идею сравнительного анализа напевов одного песенного сюжета, имеющих устойчивую музыкальную организацию [20]. Цель работы – выстраивание «песенной парадигмы с учетом определения степени родства вариантов и некоего «движения» по территории: «Для определения мелотипов... проанализируем все мелодические варианты песенной парадигмы, движущейся и локализуемой в пространстве и времени...; получим вариант-мелотип и его диалектные подтипы, являющиеся результатом миграционных и временных процессов, а также модуса мышления среды» [21].

Как известно, типологические методы исследования требуют предельно тщательной проработки полевого материала, учета большого количества исследуемых образцов. В масштабах такой крупной территории, как Кубань, пусть даже и ее черноморский сегмент, типологический анализ десятка фольклорных текстов, определенная часть которых была спета сольно, кажется подобным укусу комара. Неубедительны попытки автора объяснить малый объем анализируемого материала раритетностью явления. Если исходить из наиболее распространенного перевода этого термина (rare – редкий, редкостный, необычный [22]), сиротские песни не являются на Кубани столь уж диковинным явлением. На самом деле, и в географическом, и в количественном отношении присутствие этой структуры на Кубани гораздо значительнее. Думается, учет других образцов изменил бы «движение и локализацию в пространстве и времени». На наш взгляд, не приемлема и трактовка раритетности сиротских песен в силу их «большой художественной ценности» [23], так как подобное заявление ставит под сомнение художественную ценность иных свадебных напевов.

С точки зрения кубанских исследователей, текст статьи Н.А.Супрун-Яремко содержит еще много неувязок. Автором не отмечена политекстовая природа данного напева. Материалы Кубанской фольклорно-этнографических экспедиции убедительно

свидетельствуют о том, что он не является напевом лишь сиротской песни. Приведем в качестве примера станицу Ольгинскую Приморско-Ахтарского района, где данный напев координируется как с сиротским сюжетом, находящимся в центре внимания автора, так и еще с двумя прощальными «А заиржалы жи коныченикы в зэлэном вивси» и «А чымы жи тоби, ой, Ниночка, ны казаль» [24]. Наконец, малообъяснимы замечания украинской исследовательницы о функционировании напева: «Предметом этномузыкологического исследования... стали 13 сохранившихся и з о л и р о в а н н о о т о б р я д а вариантов одной свадебной песни лирико-драматического содержания, которую, в связи с ее исполнением в определенной ситуации (когда молодая – сирота) можно считать т а б у з и р о в а н н о й (разбивка моя – С.Ж.)» [25]. На каком основании можно считать свадебные сиротские песни «изолированными от обряда»? О каком табу может идти речь, если сам свадебный обряд, частью которого и являются песни, представляет собой комплекс исключительно определенных ситуаций?

Отсутствие системного подхода к анализу фольклорных материалов края в региональном аспекте приводят к тому, что прогрессивные методы, применяемые автором, искажают подлинную картину изучаемого явления. Этнические и политические предпочтения, духом которых буквально пропитаны строки украинской коллеги, плохо дружат с подлинно научным сбалансированным подходом к анализу традиционной культуры, к выработке которого стремятся кубанские исследователи. Только такой подход даст возможность выполнить комплексный анализ музыкального фольклора Кубани и описать самобытные черты этой традиции позднего формирования. Значительную роль здесь должна сыграть грамотная позиция в вопросах региональной специфики традиционных музыкальных песенных систем.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Свадьба Обско-Иртышского междуречья. (Сост. В.Г.Захарченко, М.Н.Мельникова, общая редакция Е.В.Гиппиуса). – М., 1983.; Песни села Завгороднее (Запись, нотация, предисловие и комментарии Е.А.Дороховой). – М., 1987; Песни Псковской земли (Сост. А.Мехнецов) – Л., 1989; и др.

2. Енговатова М.А. Закамские протяжные песни и некоторые вопросы типологии жанра. Дисс... канд. иск.. – М., 1988.; Лапин В.А. Русский музыкальный фольклор и история.- М., 1995.; Рудиченко Т.С. Донская казачья песня в историческом развитии. – Ростов-на-Дону, 2004; и др.

3. Конференция была организована РАМ им. Гнесиных и проходила в Доме творчества Союза композиторов (п. Руза Московской обл.).

4. Первые труды, затрагивающие специфику региональных традиций появились в печати еще в начале XX века: Линева Е.Э. Великорусские песни в народной гармонизации. С-Пб, 1904-1909; Листопадов А.М. Песни донских казаков. Т. 1-5.

М., 1949-54. Грандиозным шагом в этом направлении представляется издание в 1937 году сборника Е.В.Гиппиуса «Песни Пинежья», подготовленного по результатам комплексных экспедиций З.В.Эвальд и Е.В.Гиппиуса в севернорусский регион.

5. Гиппиус Е.В. Проблемы ареального исследования традиционной русской песни в областях украинского и белорусского пограничья // Традиционное народное музыкальное искусство и современность (Вопросы типологии). Труды ГИПИ им.Гнесиных, вып.60. – М., – 1982.

6. Дорохова Е., Енговатова М. Региональные песенные системы как объект структурно-типологического исследования: текст доклада на Международной этномузыкологической конференции «Россия – Европа: диалог научных направлений». – М., 1999. Рукопись. (Хранится в архиве РАМ им.Гнесиных.) – С.12.

7. Махровский П. Об изучении Кубанской области со стороны музыкальной. Кубанские областные ведомости. – 1902. – 20–21 ноября.

8. См. об этом: Жиганова С.А. Формирование науки о музыкальном фольклоре Кубани (начало XX – начало XXI в.в.) // Итоги полевых фольклорно-этнографических исследований на Кубани: прошлое и современность: Материалы краевой научно-практической конференции 28–29 октября. – Краснодар, 2005. – С. 20–32.

9. Кубанские народные колыбельные песни –Краснодар, 2002. – 60 с.; Бондарь Н.И. Календарные праздники и обряды кубанского казачества. – Краснодар, 2003. – 264 с.; Матвеев О.В. Модель исторической картины мира кубанского казачества. – Краснодар, 2003. – 80 с. и др.

10. Бондарь Н.И. Кубанское казачество (этносоциальный аспект) //Традиционная культура кубанского казачества. – Краснодар, 1999. С. 52 – 71.

11. Бондарь Н.И. Основные тенденции развития кубанского казачества в XIX веке (этносоциальный аспект) // Вопросы общественно-политических отношений на Северо-Западном Кавказе в XIX в. Майкоп, 1987.

12. Бондарь Н.И. Кубанское казачество... – С. 59.

13. Бондарь Н.И. Календарные праздники и обряды кубанского казачества. – Краснодар, 2003; Жиганова С.А. Обрядовые жанры музыкального фольклора Кубани: специфика и славянские параллели // Мир славян Северного Кавказа. – Краснодар, 2004; Жиганова С.А. Свадебные песни в обрядовом пространстве (Особенности музыкального кодирования в свадебном обряде станиц Темрюкского района Краснодарского края) // Мир славян Северного Кавказа. – Вып.2 – Краснодар, 2005; и др.

14. Супрун-Яремко Н.А. Народно-песенный фонд черноморско-кубанского казачества // Третьи кубанские литературно-исторические чтения. – Краснодар, 2001. – С.10 – 26.

15. Супрун-Яремко Н.А. Свадебные сиротские песни черноморских станиц: этномузыкологический аспект явления // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северо-Западного Кавказа за 2000 год (Дикаревские чтения-7). – Краснодар, 2001. – С. 88 – 99.

16. Супрун-Яремко Н.А. Народно-песенный фонд... – С. 11.

17. Там же.

18. Там же.

19. Там же. – С.12.

20. Идея, некогда высказанная М.Лопатиным и Н.Прокуниным, была апробирована в ряде работ: Руднева А.Н. Анализ музыкально-поэтической строфы песни «Высоко сокол летает» // Музыкальная фольклористика. Вып.1. – М., 1973. – С. 6 – 34; Рабинович Б.И. Стилевой анализ песни «Петербургская дорожка» // Музыкальная фольклористика. Вып.1. – М., 1973. – С. 35 – 65; Банин А.А. О функциональных и генетических связях песен «Ой, дубинушка, ухнем» и «Вниз по фушке, по Волге» // Музыкальная фольклористика. Вып.2. – М., 1978. – С. 30 – 89.

21. Супрун-Яремко Н.А. Свадебные сиротские песни черноморских станиц...– С.97.
22. Англо-русский словарь. – М., 1990. – С. 419.
23. Супрун-Яремко Н.А. Свадебные сиротские песни черноморских станиц...– С.88.
24. Материалы КФЭЭ-1990 в Приморско-Ахтарский район Краснодарского края. Ст. Ольгинская. Исп. Еременко Н.И. (1927). CD 90ОЛЫГ80-28, CD 90ОЛЫГ80-30.
25. Супрун-Яремко Н.А. Свадебные сиротские песни черноморских станиц... – С.89.

М.В. Семенцов

НАРОДНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МЛАДЕНЧЕСКОМ В КУБАНСКОЙ ЭТНОМЕДИЦИНСКОЙ ТРАДИЦИИ

Речь пойдет о народных представлениях на происхождение и характер младенческого – болезни, которой в традиционной этиологии кубанских казаков приписывается особенно зловещая сущность. Учитывая тот факт, что в лечебно-симптоматическом комплексе, связанном с этой болезнью, представлены основные элементы народно-медицинских знаний, имеется возможность выявления, на этом примере, основополагающих мировоззренческих установок, лежащих в основе традиционного врачевания и определяющих принципы оказания разносторонней помощи. В контексте традиционной картины мира, врачевание – не простое избавление от различных физических недугов, но и психологическая, даже физиолого-психологическая, социальная поддержка (1), это по терминологии Мишеля Дж. Харнера, «специфические методы приобретения и поддержания благополучия и здоровья» (2).

Помимо несомненного терапевтического смысла, народные воззрения на болезнь и её происхождение имеют древние, сакрализованные истоки, закреплённые опытом предшествовавших поколений в виде традиции и выражаются в лечебно-обрядовых, ритуализированных действиях, в тайном виде поэтического творчества (доступного не всем) – заговорах, в котором наиболее очевидно обнаруживает себя «семиотическая проблема передачи нетривиального набора понятий об ирреальной субстанции» (3).

Традиционные этиологические представления развивались в рамках мировоззренческой системы, в которой здоровье человека воспринималось как неразрывное единство обыденного и сверхъестественного, причем этномедицинские знания и представления

облекались в эмоциональную фольклорную форму, что облегчало межпоколенную передачу этой информации. В этих представлениях рациональный момент занимал незначительное место по сравнению с иррациональным (4).

В контексте использования ритуальных предметов, связанных со свадебным обрядом, для лечения мы рассмотрим традиционные представления о младенческом (младенческая, младенческое, младенческий, младенец, детский, младэнчество, родимец, родимчек, родимая, чёрная болезнь).

Младенческое представляет собой уже вторую стадию болезни, а возникает оно от испуга (переполоха). «Испугается ребёнок. Если не выливать от испуга, то могут припадки бить, может даже умереть, дураком быть» (5, х. Красный Октябрь Краснодарского края). «Младенческое бывает от испуга» (6, ст. Гостагаевская Краснодарского края). «Ис пуга начинается. Постепенно» (7, ст. Куцевская Краснодарского края). «От перепуга бывает... Ребенок перепугается – его и бьет младенец» (8, х. Красный Октябрь Краснодарского края). «Вначале человек болеет испугом, затем младенческой, затем родимой (9, ст. Бесленевская Краснодарского края). О том, что младенческое происходит от испуга, имеются сведения и в заговорах: «Я тебя вызываю, младенческий, от всякого испуга...». Испуг (переполох) по аналогии с младенческим может также называться чёрной болезнью: «Выкликаю, вызываю переполох. Тебе чёрная болезнь не бывать, коросты не пускать, кости не ломать, крови не томить (10, ст. Некрасовская Краснодарского края).

Аналогичные свидетельства мы находим и в дореволюционных источниках. «Случается, что ребенок, по какой-либо неизвестной причине, ночью вдруг часто просыпается, плачет и, как будто под влиянием страха, кричит и мечется т.е. дитя перепугано. «Переполох» болезнь серьезная и если не принять мер, легко переходит в «родимчек» т.е. в конвульсии и может окончиться смертью(11). Болезнь могла возникнуть и от сглаза, а у взрослых и от пьянства (12). М. Харламов отмечал, что младенческое – это судороги от воспаления мозга и особо подвержены болезни дети в первые два года жизни (когда режутся зубы) (13). Сам испуг, как известно, мог возникнуть от непредвиденного события, которое могло неблагоприятно отразиться на психике ребенка. «Дети маленькие играют: упадет, или собака испугает, или гадюки испугает (14, х. Красный Октябрь Краснодарского края. Заболеть испугом ребенок мог и от «дурного» сна, испугавшись чего-либо(15). Однако причиной этого болезненного состояния могло быть и нарушение традиционных запретов и нормативов поведения. Так, к примеру, ребенку

запрещалось смотреться в зеркало (16), ребенку нельзя было показывать его тень (17). В дореволюционном этнографическом материале имеются указания на то, что болезнь родимец происходит от нечистой силы (18). Чёрная болезнь могла случиться и от такого природного явления как вихор (вихрь, смерч). Рассказы об этом весьма многочисленны в наших полевых записях. Человек, который попадет в вихрь, заболевает чёрной болезнью и нередко умирает. Про таких больных говорили: «вихром подогнало», «с под вихру», «вихор подкатился», «под вихром была». «У нас было на степе. Полтавцев носил воду нам... Он как раз в него вскочил... Его подняло выше хаты, а потом как упал и болел месяца три. Как перепуг, мозги как-то у него повернулись и он помер» (19, ст. Новодонецкая Выселковского района).

Как очевидно следует из вышеизложенного, младенческое – болезнь детская. Ею болеют дети, в основном, до двух – трехлетнего возраста. Разнообразен симптоматический комплекс младенческой. Она «накрывает», «бьет» ребенка, «ломает» его. Младенец «падает и бьется в конвульсиях» (20). «Ребенка, когда он ляжет спать, если нападёт болезнь, начинает крутить и корёжить» (21, ст. Гостагаевская Краснодарского края). У больного «рот набок тянет», «глазки подкатываются» (22), «человек трясется в судорогах» (23, ст. Зассовская Краснодарского края). «А детска болезнь была така. Младэнчество. Это скока дэтей помёрло много от него... Дитё ходе нормально, ляжет спать – его накрывае. Его трясе всего, аж подкида. Нэ своим голосом кричит. Его ручки корёже, ножки корёже» (24, ст. Гостагаевская Краснодарского края). «Дитё ломает всё, оно кричит (25, х. Новоленинский Краснодарского края).

Считается, что заболеть младенческой может любой человек, но не каждый ею заболевает, нужны особые причины и условия. «Вот ребёнка сглазить. Да. Бывает так проходэ, а другой ребёнок, кров такая подходит – начинает младэнческа бить. Пина со рта» (26, ст. Куцевская Краснодарского края).

Младенческое в народно-медицинской традиции кубанских казаков соотносится с параличем, судорогами, столбняком, менингитом, «особым видом лихорадки, когда больной бредит» (27).

Чёрная болезнь, которую причиняет вихор, тому кого он «пидвие» (т.е. закрутит), как правило, ведет к смерти. Если человек попадает в вихрь и не погибает сразу, то страдает всю жизнь, болеет чёрной болезнью. Его мучают припадки, он бьется в конвульсиях, иногда наступает паралич (28). Больной «хрипит, слюну пускает... Надо падать и держать его, а он бьется» (29, ст. Баговская Краснодарского края). «Человек падает, лицо темное, начинает биться. Если прозеваешь, то

бьется ужасно. А надо воды в рот влить, он поперхнется и проходит (30, ст.Махошевская Краснодарского края).

Считалось, что вихор насылают колдуны и ведьмы. Темной ночью выходят они на перекресток дорог и пускают вредоносные «молитвы» по ветру. Считалось, что так делают те, кому не удалось нанести вред кому-либо в течение дня. Бытует также представление, что вихор – это злой дух, обратившийся ветром: если на пути его поставить нож или топор, на них якобы останется кровь (31). «Когда вихор на дороге – говорят, что черти летят» (32, х. Красный Октябрь Краснодарского края). Детей предостерегали: «Смотрите, когда вихор – отходите или садитесь на землю» (33). Увидев вихор, следовало, не сходя с места, перекреститься, прочитать молитву и сесть на землю (34). Как указывал П.Горбанев, в народе полагали, что если в идущий по улице вихрь бросить нож, прочитав при этом «Да воскреснет Бог», то из вихря пойдет кровь, но только нельзя бросать нож направо, т.к. в этой стороне стоит ангел (35).

В восточнославянской интерпретации в вихре пребывает нечистый: «нечистый женится, а ведьмы на свадьбе гуляют», «черти бьются», «нечистый играет», а номенклатура заболеваний, которые, по народным представлениям, причинялись вихром, за незначительным исключением, сходна у всех восточнославянских народов (37). Чёрная болезнь здесь это, по-видимому, не что иное, как падучая, эпилепсия, тогда как в случае с ребенком, речь идет, скорее всего, о спазмофилии. Это объяснимо в контексте традиционной этиологии, где нередко под одним названием скрываются различные болезни (сглаз, испуг, бех, бышиха, пристрит и др.).

Как правило, при лечении младенческого используются те же заговорные тексты и магические приемы, что и при лечении испуга, реже сглаза. Широко практикуются лечебно-магические методы «смывания», «вышептывания», «вывязывания», «вымеряния», «пересылания», «выкатывания», «выливания» болезни. Лечится младенческое при помощи «венчального»: платья, фаты, юбки, цветка, платка, которым были связаны руки жениха и невесты в церкви. «Лежит этот младенец, а ты подвжись этим и накрываешь, присядь коло него» (38, ст. Новодонецкая Краснодарского края). Имеются единичные сведения, что для этих целей применялись пасхальное полотенце и крыжма (отрез полотна, который использовался при крещении младенца) (39). Если же венчальной одежды не имелось, то накрывали чем-либо черным. «Накрывали чёрным, так как болезнь чёрная». В ст. Ярославской полагалось накрыть черным покрывалом лишь голову ребенка, тело же

накрывали белым (40). Интересно, что венчальной одеждой накрывали и тяжело умирающего человека для того, чтобы облегчить его кончину (41, ст. Воронежская Краснодарского края). По свидетельству Л. К. Розенберга, больного ребенка накрывали чем-либо черным и обводили вокруг него «святым» ножом (42).

Утилитарные средства лечения (немагического характера) крайне немногочисленны в общем лечебно-этиологическом комплексе. К примеру, больного младенца растирали уксусом (43, ст. Бесленевская Краснодарского края).

Многие информаторы отмечают, что младенческое «стоит» у каждого человека. «И просто родылось, кажутъ. Оно, кажутъ, в каждого чоловика эта болеть есть, стоить...» (44, ст. Гостагаевская Краснодарского края). А заболевают им, как правило, внезапно («младенческое набилось в живот»). Считалось, что если «младенческое накрывает», то самое главное не трогать больного (45, ст. Зассовская Краснодарского края). Он должен лежать тихо. Младенческое может «уйти». А если его «встревожить», то ребенок умирает. «И тихо сидить, чтоб никто его не тронул... Или же перейдэ младэнчество и вин живой останется, или же помрэ сразу и нэ будэ мучиться» (46, ст. Гостагаевская Краснодарского края). «Его ж когда младенческий держит, разговаривать нельзя. Читать «Отче наш», тихонько стоять, чтоб его не испугать, ничего. Тогда еще хуже сделается (47, ст. Махошевская Краснодарского края). Полагали, что младенческое «бывает смертельное», т.к. не излечивается. Чем быстрее лечить болезнь, тем быстрее она проходит.

Как уже отмечалось выше, заговоры, которые используются для излечения младенческой, те же, что используются и при лечении испуга (реже сглаза). И это объяснимо, т.к. и сглаз, и испуг, и младенческое – виды порчи, а при лечении «порченных» ритуальные особенности незначительны. Однако имеются заговоры и собственно от младенческой: «Заря-зарица, красная девица, матушка Владычица Пресвятая Богородица, денная, ночная, полуночная, часовая, минутная, сними крик с раба Божия (имярек) от младенческой» (48). В ст. Зассовской нами зафиксирован такой заговор: «Две сестрички родных, три змеи лютых. Вы змеи идите в тёмные луга, а вы сестрички идите на Сахаринскую гору. Там, на Сахаринской горе, стоит дуб. Под этим дубом сидит утка. Под уткой лежит яйцо. Кто ж это яйцо возмёт? А Божая Мать спасёт (имярек) от всякой болезни» (49, ст. Зассовская Краснодарского края). В заговорах младенческий («глазный, подуманный, погаданный») «вызывается, выкликается» на «черета, болота, на крутые горы, где красно солнце не всходит, Христов глаз не доходит». «Иди себе на

очерета, на густые лозы, где ветер не веет, где солнце не греет. А тут тебе не быть, червонной крови не мутить, костей не ломить, не крутить» (50, ст. Некрасовская Краснодарского края). Здесь, как и в подавляющем большинстве лечебно-магических приемов, осуществляется изгнание болезни «сидящей в ребенке» в недифференцируемый по признаку здоровье / болезнь погусторонний мир. Получение здоровья, исцеление оказывается возможным, согласно мифоритуальной традиции, благодаря потусторонним силам, уничтожающим / принимающим обратно болезнь (51).

Для лечения младенческой использовали уголёк, выпавший из кадила в церкви под Чистый Четверг. Его давали съесть ребёнку и запить «свяченой» водой (52, ст. Кущевская Краснодарского края). От младенческой следовало искупать ребенка до восхода солнца и до выгона скотины. Затем эту воду выливали под дерево вместе со старой одеждой ребенка (53, х. Кубанский Краснодарского края). Больного ставили к «глухой стене» и очерчивали его тень углем. Лечение осуществлялось ночью, «на молодом месяце».

Следует отметить и еще один фактор «универсального» характера болезни. Заболеть ею мог как ребенок, так и взрослый человек или даже животное (у скотины, например, эта болезнь называлась перелог). «У животных – перелог, у людей – детский» (54, ст. Бесленевская Краснодарского края). Черными болезнями помимо младенческой называли также холеру и чуму, которые свирепствовали на Кубани (55). Примечательно, что сама болезнь олицетворяется в заговорах в виде Иродовых дочек, которые хотят погубить «православный мир», а этот мотив встречается и в заговорах от лихорадки, или как её раньше называли, желтой смерти (56).

Учитывая вышеназванные характеристики черной болезни, мы можем составить себе некоторое представление об этиологических и нозологических воззрениях кубанских казаков, не забывая, тем не менее, что в этой области традиционной медицины наблюдается некоторый уход от реалий и отсутствие точных патологических моделей, которые могли бы послужить основой для нозологии (57).

Итак, черная болезнь воспринимается неким существом (вполне телесным и материальным), которое поселяется в человеке (тем или иным способом) и причиняет ему массу страданий. Причиной болезни может быть испуг, сглаз, нечистая сила, нарушение традиционных запретов и норм поведения, наконец, Божья кара за грехи человека. Общность мировоззренческих основ этих представлений сближают младенческое с другими болезнями. Болезнь рассматривается как одушевленное

(антропоморфное или зооморфное) существо, но наделенное сверхъестественными способностями. Черная собака, бегающая по всей земле, робак (червь), кусающий человека в сердце, белая коза, черная корова, жеребенок – холера, а кошка, гадюка, рыба – лихорадка. Паколки, к примеру, представляли в виде жабы, а коровой мор – в виде лошадиной головы. Болезни могли наделяться и обликом человека. Так, чума изображалась в виде старой-престарой бабки, состоящей из одних мослов, с глазами, горящими как раскаленные уголья, с крыльями летучей мыши, с клювом хищной птицы и с медвежьими когтями. Холера представлялась в виде маленькой девочки, молодой красавицы, соблазняющей парней, наконец – в образе старухи, но с куриными ногами. Лихорадки же у всех восточнославянских народов считались «дочерьми царя Ирода», что отчасти должно было подчеркнуть зловещий характер этой болезни. Причем сестры-лихорадки рисовались то ужасными старухами, то прекрасными девушками, которые живут в болотах, «ночезниках», сырых местах, а появляются в полночь в белых рубашках и с распущенными волосами (58).

Прямое сопоставление болезни и животного прослеживается в тех заговорах, где содержится прямое обращение к болезни: «Чума-чумина, злой зверина...». Мифологизированные животные, птицы, рыбы, выступающие в заговорах в качестве персонажей-посредников, представляют собой остатки тотемических представлений, тогда как специфические заговорные образы, соотносимые с человеком – анемических.

Считалось, что некоторые болезни могли быть вызваны проникновением в тело человека мелких животных, гадов (ужей, гадюк, жаб). Существовало убеждение, что если человеку дать выпить растолченную в воде змеиную кожу, то «у него в середке заведутся змеи». Болезнь-лихорадка проникала в тело человека и обосновывалась там, «вила гнездо» у него в животе, о чем свидетельствует и распространенное ругательство «тряса тоби в пуп», выражение «младенческое набилось в живот». Конкретного зооморфного либо антропоморфного олицетворения младенческой на наших материалах не прослеживается.

Как справедливо указывал Г. И. Попов, в основе классификации болезни лежат почти исключительно их симптомы и отчасти причины, которыми обусловлено их происхождение, а так как «все эти определения отличаются большой субъективностью», а объективность их «имеет суеверный источник», то «группировка болезни и сами их названия получают в высшей степени неопределенный и общий характер, очень

часто обнимая собой заболевания, по своему существу, совершенно разнородные» (59). Это в полной мере относится к нозологической характеристике и этиологии чёрной болезни.

Избранный нами для анализа этиолого-симптоматический комплекс своеобразен и отличен от других народно-медицинских представлений, лишь в силу особо зловещего характера, приписываемого младенческой и чрезвычайно разнообразию традиционных представлений об этой болезни и лечебных средств для её исцеления, которые включают все основные разделы магической терапии. Существенной чертой симптомокомплекса младенческой является нечеткость характеристик, границ и состава народно-медицинских представлений, которые передают внешние признаки заболевания и субъективные ощущения больного.

В 2005 году в Краснодаре вышел 2-ой том «Очерков традиционной культуры казачеств России», в котором был помещен очерк Н.В.Богатырь «Родильно-крестильный комплекс»(с. 252 – 275). В нем содержатся сведения о народной медицине кубанских казаков, которые, в большинстве своем, не достоверно характеризуют кубанскую народно-медицинскую традицию и даже искажают ее. Это можно объяснить поверхностным знакомством автора с этой областью народной культуры кубанских казаков, а также тем фактом, что в представленном очерке приведены сведения далеко не по всем историко-этнографическим микрорегионам Кубани. К сожалению эти многочисленные неточности не привлекли внимания научного редактора книги Бондаря Н.И. В частности имеет место неверная интерпретация средств, которые применялись (и применяются) при лечении младенческого на Кубани. Из многочисленных названий этой болезни приведено лишь одно-детское. А к средствам, которые якобы часто используются при лечении, отнесено использование таких ритуальных предметов как «освященная пасхальная скатерть», «крестильная рубашка или ризка», «страстовая свеча», «иорданская вода». Хотя типологически их применение не выходит из ряда общекубанских лечебных средств, но оно не было общераспространенным и не может рассматриваться как типичное для всей территории Кубани. Совсем нелепым следует признать такое, например, утверждение – «...в России ее (младенческое – С.М.) называли «родимец» т. е. болезнь принесенная с того света, от рождения». Это название широко распространено на этнической территории кубанских казаков (см. вышеприведенный этнографический материал), а не только в «России». Кстати Кубань была и остается составной частью России.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Семенцов М.В. Традиционная медицина кубанских казаков в XIX – начале XX в.в.//Кубанское казачество:история, этнография, фольклор.– М., 1995.– С.146 – 147.
2. Мишель Дж. Харнер. Путь шамана или шаманская практика. – М., 1994. – С.4.
3. Черепанова О.А. Типологическая и лингвистическая интерпретация некоторых элементов заговоров // Русский фольклор. – Т.ХХVI. – СПб. 1991. – С.152.
4. Болтарович З.Е. Народная медицина украинцев. – Киев, 1990 (на укр.яз.). – С.21.
5. Полевые записи автора...
6. Там же.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же.
11. КОВ. – 1901. – №137.
12. Мажников С. Народная медицина в г. Ейске // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.–Тифлис, 1893.–Вып. XVI.– С.80.
13. Харламов М. Суеверия, поверья, приметы, заговоры, собранные в г.Ейске // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.–Тифлис, 1901.–Вып. XIX.– С.15.
14. Полевые записи автора...
15. Арканников Ф.В. Николаевская станица: (Статистико-этнографическое описание) // Кубанский сборник. – Т.I. – Екатеринодар, 1883. С.15.
16. Семенцов М.В. К вопросу о классификации народных знаний на примере «детской» народной медицины кубанских казаков // Традиционная культура и дети. – Краснодар, 1994. – С.56.
17. Иванов Д. Станица Отрадная Кубанской области Баталпашинского уезда // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.–Тифлис, 1893.–Вып. VI – Тифлис, 1888.– С.37.
18. Мажников С. Указ. соч. с.,80.
19. Полевые записи автора...
20. КОВ. – 1901. – №224.
21. Полевые записи автора...
22. Семенцов М.В. Этномедицинские знания в традиционном свадебном обряде кубанских казаков // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1994 год. Дикаревские чтения (1). – Белореченск, 1995. – С.15.
23. Полевые записи автора...
24. Там же.
25. Там же.
26. Там же.
27. Арканников Ф.В. Указ соч., с. 578.
28. Семенцов М.В. Народная медицина кубанских казаков. – Краснодар, 1992.– С.25.
29. Полевые записи автора...
30. Там же.
31. Семенцов М.В. «Здравствуй, колодец Иван, земля Татьяна, вода Ульяна! Я пришла за здоровьем...» // Кубанский краевед 3. – Краснодар, 1992. – С.148.
32. Полевые записи автора...
33. Полевые записи Жигановой С.А.

34. Семенцов М.В. Этномедицинские знания в традиционном свадебном обряде кубанских казаков // Итоги фолклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1994 год. Дикаревские чтения(1). – Краснодар, 1995. – С.16.

35. Горбанев П. Суеверия, приметы, гадания и заговоры, распространенные среди жителей г. Ейска // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Вып. XVI. – Тифлис, 1893. – С.271.

36. Куракеева М. Ф. Верхнекубанские казаки: быт, культура. Традиции. – Черкесск, 1999. – С.270.

37. Болтарович З.Е. Указ. соч., с.24.

38. Полевые записи автора...

39. Полевые записи Богатырь Н.В. Ст.Беломечевская Ставропольского края, 2001г.

40. Семенцов М.В. Этномедицинские знания... С.16.

41. Полевые записи автора...

42. КОВ. – 1901. – №224.

43. Там же.

44. Там же.

45. Там же.

46. Там же.

47. Там же.

48. Харламов М. Указ. соч., с. 40.

49. Полевые записи автора...

50. Там же.

51. Семенцов М.В. К интерпретации символического значения магико-терапевтического обряда «продажи» ребенка (по материалам фольклорно-этнографической экспедиции в ст. Тамань в 1993 г.) // Очерки по традиционной медицине этносов и этнических групп Северо-Западного Кавказа. – Краснодар, 2002. – С.53.

52. Полевые записи автора...

53. Там же.

54. Там же.

55. Семенцов М.В. Традиционная медицина кубанских казаков... С.147.

56. Семенцов М.В. Этномедицинские знания... С.15.

57. Белахадар Д. Новый взгляд на традиционную медицину в Марокко // Всемирный форум здравоохранения. – Женева, 1982. – С.23.

58. Семенцов М. В. Использование средств и продуктов животного происхождения в народной медицине кубанских казаков XIX – начала XX вв. // Проблемы развития казачьей культуры. – Майкоп, 1997. – С.48.

59. Попов Г.И. Русская народно-бытовая медицина // Торэн М.Д. Русская народная медицина и психотерапия. – СПб., 1996. – С.337.

БЮСТ КОБЗАРЯ*

У Краснодарському художньому музеї імені Луначарського увагу відвідувачів привертає бюст Тараса Григоровича Шевченка.

Зберігач фондів музею в одному з листів писав: «В нашому музеї дійсно є бюст Тараса Григоровича Шевченка роботи Ф.Ф. Каменського. До нас у музей бюст надійшов у 1959 році. Це не оригінальний твір, а гіпсова копія, тонована під бронзу. Оригінал в Російському музеї в Ленінграді». А ось інший лист, з Ленінграда: «В Російському музеї зберігається бюст Т.Г. Шевченка роботи Ф.Ф. Каменського, але в 1954 році ми передали його в дар Україні. Наш бюст відлив у бронзі Миглинник з гіпсового оригіналу, який тепер зберігається у фонді музею Академії мистецтв. Гіпсові екземпляри я знаю тільки в зібраннях ДТГ (Державна Третьяковська галерея. – В. О.). Причому в 1953 році ливарник Лук'янов відлив для Третьяковської галереї цей бюст у бронзі».

Отже, з двох гіпсових оригіналів роботи Ф.Ф. Каменського відлито два бюсти в бронзі. Чому саме про бюсти Шевченка роботи цього митця зайшла мова? Чим вони привертають увагу?

Федір Федорович Каменський народився у вересні 1836 року в сім'ї директора лісового інституту. В дитинстві у нього виявився великий хист малювання й ліплення. Це захоплення збереглося на все життя.

1850 року Ф. Каменський був прийнятий до Академії мистецтв. Його вчителями були видатні російські скульптори І.П. Віболі, Н.С. Піменов, П.К. Клодт та інші.

У 1860 році Федір Федорович блискуче закінчив академію. В цьому ж році виконав свою першу самостійну роботу «Хлопчик-скульптор».

Саме у цей час молодий скульптор заприятелював з геніальним Кобзарем. Федір Федорович, тяжко переживав смерть Тараса Григоровича. Йому було доручено зняти посмертну маску поета.

Думка про те, щоб виліпити бюст Кобзаря, давно хвилювала його друзів. І ось у 1862 році по приїзді до Петербурга великого приятеля Тараса Григоровича – Якова Герасимовича Кухаренка, який гаряче підтримав цю ідею, Каменському була доручена ця почесна робота. Ось що писала про це катеринодарська газета «Кубанские областные

*Печатается по: «Вісник» Товариства української культури Кубані №2(47) 2006 С.2–3.

ведомости» в 1901 році: «Названий академік (Ф.Ф. Каменський.– В.О.) таких бюстів зробив лише п'ять примірників безпосередньо з гіпсової маски, знятої після кончини поета. Один із цих бюстів залишився у автора, другий зберігається в Академії мистецтв. Третій і четвертий дісталися друзям Шевченка – Кулішу і Білозерському, а п'ятий генералу Я.Г. Кухаренку, від якого до спадку він і перейшов до його сина, полковника О.Я. Кухаренка».

Отже, були виліплені тільки п'ять примірників. Тепер доля двох з них нам відома: один зберігається у музеї Академії мистецтв, другий – у Третяковській галереї (напевне, це екземпляр, що належав самому скульпторові).

Що ж сталося з бюстами, які придбали Куліш, Білозерський і Кухаренко?

Яків Кухаренко влітку 1862 року привіз бюст Т.Г. Шевченка на Кубань, але восени під час поїздки до Ставрополю він був захоплений горцями в полон і помер. Відтоді майже 40 років про бюст Тараса Шевченка, який належав Кухаренкові, не було жодних відомостей.

У 1901 році громадськість Кубані вирішила урочисто відзначити 40-річчя від дня смерті Кобзаря. В Катеринодарі відбувся вечір. «Сімейний вечір катеринодарською товариства красною мистецтва, – писала газета «Кубанские областные ведомости», – що відбувся в п'ятницю, 2 березня, влаштований в пам'ять Шевченка з нагоди сорокаріччя з дня смерті поета, можна вважати одним з вдалих, якщо не найбільш вдалим вечором даного товариства за весь час його існування.

Вечір відкрився рефератом П. Ротаря «Світогляд Тараса Григоровича Шевченка». Звіт про цей вечір був би неповний, якби ми не згадали... скромну за розмірами, але не позбавлену інтересу виставку портретів і малюнків..., які відображали Т.Г. Шевченка в різні періоди його життя, його друзів, вигляд його могили, ілюстрації до «Кобзаря».

Перше місце по значенню своєму зайняв невеликий, прикрашений вінком із свіжого барвінку, власноручний портрет Т.Г. Шевченка, зроблений ним на засланні і надісланий в дарунок Я.Г. Кухаренкові, останньому наказному отаману Війська Чорноморського, що був щирим довголітнім другом великого поета. «Дорогоцінний портрет цей, – писала далі газета, – що є в даний час власністю полковника О.Я. Кухаренка, був люб'язно наданий ним в розпорядження товариства на цей вечір.

Виставка завдячувала й іншою своєю визначною пам'яткою тому ж полковникові О.Я. Кухаренку: чудовим бюстом Т.Г. Шевченка, що був зроблений в 1862 році академіком Ф. Каменським».

Газета не випадково підкреслила, що автопортрет і бюст Т. Г Шевченка – власність сина Якова Герасимовича – Олександра Яковича. В сім'ї Кухаренків свято зберігали все, що було пов'язане з ім'ям українського Кобзаря.

У 1894 році Олександр Якович Кухаренко дозволив відомому кубанському вченому Митрофану Дикареву зняти копії листів Т.Г. Шевченка до Я.Г. Кухаренка. Саме Дикареву і редактору катеринодарської газети «Кубанские областные ведомости» Луці Мельникову шевченкознавство зобов'язане тим, що сім листів Шевченка до Кухаренка дійшли до наших днів. Оригінали цих листів ще не знайдені.

Природно, що саме в Олександра Яковича Кухаренка ці безцінні реліквії зберігались вдома у Катеринодарі. Помер О.Я. Кухаренко в 1913 році.

1913 року Лука Мельников опублікував у «Известиях общества любителей изучения Кубанской области» свою знамениту статтю «Я.Г. Кухаренко і Т.Г. Шевченко в їхніх взаємних стосунках». У цьому журналі вперше вміщена і репродукція автопортрета Т.Г Шевченка. Сам портрет ще не знайдено.

На жаль, шевченкознавство все ще не має відомостей про долю архіву Якова Герасимовича Кухаренка, в якому були листи Кобзаря, рукописи всіх його найголовніших творів, драми «Данило Рева».

Після смерті О.Я. Кухаренка архів батька перейшов до молодшої дочки Лариси Яківни Домантович-Кухаренко. Подальша доля його поки що невідома.

І ось в 1965 році Софія Львівна Землянкіна, жителька міста Краснодар, запропонувала Краснодарському історико-краєзнавчому музею придбати в неї бюст Т.Г. Шевченка. Бюст був придбаний і з невідомої причини пролежав у сховищі музею до 1970 року. В липні 1970 року журнал «Україна» опублікував статтю І. Куценка про цей бюст.

І. Куценко допустився помилкової, нічим не підтверженої версії про те, що бюст Землянкіноі з колекції Якова Герасимовича Кухаренка. До речі, з самою Софією Львівною І. Куценко поговорив лише після того, як стаття була вже опублікована в журналі. Перш за все про самий бюст, який передала в музей Софія Львівна Землянкіна. Це дійсно один з п'яти бюстів, виліплених Ф. Каменським. На бюсті в свіжому гіпсі зроблені написи: «С.-Петербург. Ф. Каменський. 1862 р. Тарас Григорович Шевченко. 1814–1861 р.» Всередині бюста є напис хімічним олівцем «А. М. Са-ров». Чому цей напис виявився на бюсті?

І ось я на вулиці Чапаєва, 121, в місті Краснодарі, де живе Софія Львівна Землянкінна. (Пізніше я дізнався, що за день до мене тут же побував І. Куценко).

Ми розмовляємо в невеликій виноградній альтанці під акомпанемент дощу. Софії Львівні 59 років. Це висока жінка, з чорним, посрібленим сивиною волоссям.

– Скульптура не моя, – каже вона, – вона належала моєму чоловікові Антону Михайловичу Самарову. (Ось звідки напис всередині бюста).

Хто такий Антон Михайлович Самаров? У свій час він був досить відомий артист. Народився А.М. Самаров 1890 року. Довгий час жив в Одесі, і тут хтось із його друзів подарував йому цей унікальний бюст.

В 20-х роках А. Самаров переїздить до Краснодара, знайомиться з Софією Львівною, і невдовзі вони одружуються. Все своє життя Антон Михайлович віддає театральному мистецтву. Він організовує самодіяльні театральні колективи в станиці Васюринській, в залізничному клубі міста Краснодара, багато працює.

Протягом усіх цих років в сім'ї Самарова з любов'ю зберігається бюст Т.Г. Шевченка. Антон Михайлович неодноразово підкреслював, що цей бюст дуже цінний. В 1963 році Антон Михайлович написав листа до Київського музею Т.Г. Шевченка і запропонував їм погруддя Кобзаря.

Працівники музею порадили йому приїхати до Києва. Та через раптову смерть Самарова, що сталася у 1964 році, бюст залишився в Краснодарі. Через рік він потрапляє на склад Краснодарського історико-краєзнавчого музею.

Яка б приваблива не була думка, висловлена І. Куценком на сторінках журналу «Україна», ми повинні визнати, що бюст зі сховища Краснодарського краєзнавчого музею не з колекції Я.Г. Кухаренка. Це дуже важливо. Ми не можемо вводити в оману літературознавство, архів Кухаренка необхідно шукати.

Нам треба також з'ясувати, який із двох бюстів – Куліша чи Білозерського – зберігався у Самарова, а що це так, немає ніякого сумніву.

Можливо, на це запитання дадуть відповідь старожили і шанувальники театального мистецтва Одеси, які, безперечно, зустрічалися, знали Антона Михайловича Самарова, були з ним у дружбі. Вони повинні знати ту людину, яка подарувала Самарову цей унікальний бюст.

РАЗДЕЛ 3

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

А.М. Авраменко

ПЕРВАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ УКРАИНСКОГО КАЗАЧЕСТВА.*

(Українське козацтво: Мала енциклопедія. / Науково-дослідний інститут козацтва при Запорізькому держ. університеті. Київ: Генеза; Запоріжжя: Прем'єр, 2002.568 с., илл., 79 карт и планов. 3000 экз.)

Давно назрела острая необходимость создания энциклопедического свода современных знаний о казачестве. С одной стороны, в научной литературе накопилось множество данных, нуждающихся в систематизации, сложилось немало концепций, нередко вызывающих острые споры и противоречивые оценки. С другой стороны, огромный интерес к казачеству породил массу дилетантских сочинений, которые распространяют самые фантастические представления о происхождении казачества, гипертрофированную героизацию истории, превосходящую порою подвиги былинных богатырей, и ничего общего с наукой не имеющие. Этому способствовали исторические условия, в которых создавались труды по истории казачества. В дореволюционный период официальная историография стремилась внушить мысль, что историческая миссия казачества – верное служение российскому самодержавию, хотя весьма популярно было и представление о казаках как о заведомо разбойном элементе. В советское время о казаках писали преимущественно как о палачах революции, либо в связи с народными восстаниями (причём даже явно казачьи восстания авторы предпочитали трактовать как крестьянские), упоминалось об участии казаков в войнах против врагов России, в борьбе против польского гнёта, иногда – о казаках-землепроходцах. Но в работах этого периода абсолютно преобладал классовый подход, при котором авторов далеко не всегда интересовала роль казачества в исторических событиях, если не считать отдельных эпизодов. Со времени «перестройки» хлынул настоящий поток всевозможной литературы о казачестве – от солидных научных трудов, до публицистики и различных фальсификаций.

Многие читатели, не имеющие возможности обратиться к серьёзным

*Печатается по: Культурная жизнь Юга России. Краснодар, 2003г. № 2. С.62-70.

исследованиям, оказываются жертвами агрессивного невежества современных мифотворцев. Так, в казачьей среде весьма популярен «Казачий словарь-справочник», созданный дилетантами в эмиграции [1]. Не отрицая важности предпринятой составителями инициативы, нельзя не отметить, что авторы стремились доказать, что казаки – отдельный народ, имеющий право на свою государственность, статьи крайне тенденциозны, явно преобладает история донского казачества, тематические и биографические пробелы огромны, множество неточностей и ошибок, бросается в глаза отсутствие у авторов какого-либо представления об источниковедении и критическом отношении к источникам. Впрочем, они не были профессионалами и пытались сделать то, что до самого последнего времени не удавалось сделать историкам. Будучи оторванными от отечественных архивов и библиотек, авторы «Казачьего словаря-справочника» часто опирались на свои воспоминания, а то и на различные фантазии.

Идея создания энциклопедии истории казачества возникла как в Москве, так и в Киеве. В Москве эта идея была высказана доктором технических наук А.П.Федотовым на Учредительном круге Московского землячества казаков в январе 1990 года. Вслед за тем группа энтузиастов создала Научно-редакционный совет «Казачьей энциклопедии», утверждённый Советом атаманов Союза казаков 7 апреля 1992 года. В совет вошли учёные, военные специалисты, краеведы, писатели, журналисты, художники из различных городов России. Было решено после сдачи в печать однотомной энциклопедии в Военное издательство приступить к работе над пятитомной энциклопедией. Уже в 1994–1995 гг. были разработаны в предварительном виде концепция и словник энциклопедии, а в 1996 г. объединение «Казачья энциклопедия» опубликовало для более широкого обсуждения и дополнения концепцию и словник тиражом 500 экземпляров [2]. В том же году был издан пробный выпуск кратких биографических статей «Казачья сотня» [3], показавший, к сожалению, что скороспелая работа приводит к многочисленным ошибкам, которые совершенно недопустимы в энциклопедии. В настоящее время работа над однотомником завершена, но его издание задерживают финансовые трудности.

В Киеве также давно приступили к подготовке энциклопедии украинского казачества, где в рамках Института истории Украины Национальной Академии Наук Украины организован Научно-исследовательский институт казачества. Но раньше осуществить издание первой научной энциклопедии сумели запорожские учёные, создавшие свой Научно-исследовательский институт казачества при Запорожском

университете. Они сформировали большой авторский коллектив под руководством доктора исторических наук Ф.Г. Турченко и в 2002 году опубликовали солидный том под названием: «Украинское казачество: Малая энциклопедия» (далее – УКМЭ). Несомненно, появление такой книги открывает новый этап в изучении истории казачества. Здесь содержится 1376 статей, 283 иллюстрации, 79 карт, созданных 120 историками, филологами, искусствоведами, этнологами из 11 городов, в том числе 56 авторов из Запорожья, 23 – из Киева, 20 – из Львова, 6 – из Днепропетровска, 4 – из Черкасс и т.д.. Надо отметить, что книга издана при содействии Запорожской областной государственной администрации, что делает честь руководителям области. К сожалению, ни одна российская краевая или областная администрация не оказывает подобной поддержки, и упомянутая выше российская «Казачья энциклопедия» никак не может выйти из-за отсутствия средств.

Конечно, далеко не все сюжеты, достойные внимания, оказались включёнными в УКМЭ, но это и невозможно. Понимая это, Ф.Г. Турченко вполне справедливо пишет, что ряд вопросов казачьей истории освещён недостаточно полно, осталось широкое поле для дискуссий и корректив. Но намного ошибочнее было бы пассивно выжидать. «Каждая энциклопедия подводит итог многолетним исследованиям в определённой отрасли и одновременно закладывает фундамент для дальнейшего научного поиска и продвижения» (с.6). Значение данной книги велико уже потому, что в ней впервые комплексно отображается возникновение и становление украинского казачества, его роль в истории, военное дело, международные контакты, восстания и войны с участием казачества, общественный строй, административно-территориальное устройство казачьих земель, характеристика казачьей старшины, символы и регалии, судопроизводство, хозяйственная деятельность, быт, обычаи и духовность, религиозно-церковная жизнь, многочисленные биографические справки, географические понятия и термины, связанные с историей казачества. Структура УКМЭ достаточно хорошо продумана и вполне логична. В конце крупных и средних статей приводится список литературы, указаны авторы статей. Но, к сожалению, в ключевых словах не проставлены ударения.

В предисловии, названном «Феномен украинского казачества», Ф.Г. Турченко написал замечательные слова: «Предлагаемое читателю издание посвящено одному из наиболее ярких феноменов отечественной истории – украинскому казачеству. Невозможно найти в прошлом Украины какое-то иное явление, которое бы так глубоко и разнопланово повлияло на историческую судьбу всего украинского

народа. С начала казачества и до сегодняшнего дня, а очевидно, и на будущее, жизнь украинцев – «и мёртвых, и живых, и неродившихся», всей нации с её прошлым, современным и будущим, – было, есть и, без сомнения, будет неразрывно связано с казачеством. Немного найдётся на Украине людей, которые не согласятся с этой мыслью. Убеждённость в чрезвычайно важной роли казачества в истории Украины – это одна из тех немногих истин, которая не вызывает сомнения у людей с разными, даже противоположными взглядами на политику, идеологию и историю. Это та страница истории, которая интегрирует, объединяет наше и донныне расколотое общество» (с.5). К сожалению, в России всё наоборот: многие чиновники не скрывают подозрительного, а то и враждебного отношения к казачеству, нередко и учёные показывают слабую осведомлённость в истории казачества, в массовом сознании широко распространены всевозможные мифы о казачестве – от его идеализации до полного отрицания прогрессивной роли в истории. Серьёзные исследования казачьей истории проводятся немногими энтузиастами, без какой-либо координации и государственной поддержки. По-видимому, этим можно объяснить неопределённую судьбу упомянутой выше российской «Казачьей энциклопедии».

Российским читателям было бы весьма полезно ознакомиться в УМКЭ с обстоятельной и объективной статьёй «Освободительная война украинского народа середины 17 в.» (с.64–68), так как до сих пор в российской литературе и массовом сознании широко распространены искажённые представления о политике Б.Хмельницкого, о Переяславской Раде 1654 г., о ходе русско-польской войны 1654–1667 гг. и о событиях на территории Украины в данный период. Эти представления базируются на весьма искажённой концепции, изложенной в 1954 г. в Тезисах ЦК КПСС, посвящённых 300-летию «Воссоединения Украины с Россией». Интересен список кошевых атаманов Запорожской Сечи, составленный Ю.А. Мыщыком (с.268–269). Немало нового содержат биографические статьи об украинских историках, художниках, публицистах, создававших свои произведения в эмиграции. Среди них: П. Андрусив, Н.Г. Андрусак, В.А. Беднов, Л.И. Вынар, Р. Дашкевич, Д.И. Дорошенко, кубанец В.Н. Иванис, З.Е. Когут, М.М. Кордуба, Б.Д. Крупницкий, Т. Мацькив, А.П. Оглоблин, Л. Окиншевич, Д.Г. Оляччин, Я.Н. Падох, Л.Ю. Перфецкий, Н.Д. Полонская-Василенко, О. Субтельный, С. Томашевский и др.

Представляют немалый интерес статьи о формировании казачьего типа (или пытавшихся возродить казачьи традиции), создававшихся на территории Украины с начала XX века. Любопытно, что «первое в 20 в. военное формирование украинцев, которое после длительного перерыва

возобновило традиции казачества» – легион Украинских Сечевых Стрелков (с.499), появлению которого предшествовало широкое «сечевое движение» на западноукраинских землях (с.447–448), являющихся оплотом униатской церкви. В то же время в статье А.Н. Игнатуши о Брестской церковной унии 1596 года (с.33–34) сказано: «Идеи защиты православной веры от наступления унии и отмена униатской церкви были среди лозунгов Освободительной войны украинского народа середины 17 в.» и казачество превратилось в главную силу антиуниатской борьбы (с.34). Это тем более важно отметить, что современная Галичина часто именуется «украинским Пьемонтом», по аналогии с объединением Италии. Очень любопытна и статья «Современное украинское казачество» (с.472–474), показывающая далеко не простую ситуацию в казачьем движении, где сосуществуют взаимно не признающие друг друга организации. Это очень характерно и для России. Нынешним лидерам казачьего движения в России, начавшим свою деятельность по возрождению казачества в конце 1980-х гг., будет полезно узнать, что первым неформальным объединением потомственных казаков было Донецкое казачье землячество, созданное на историческом факультете Донецкого университета в сентябре 1984 г. по инициативе Д. Белого и В. Задунайского (с.136), когда на Дону или Кубани об этом ещё не смели мечтать. Интересно сравнить опыт возрождения казачества России и Украины. Если в России сохранилось немало прямых потомков казаков, которые могут подтвердить это документально (среди них немало выходцев из Украины) и продемонстрировать семейные фотографии начала XX века, где изображены их деды в казачьей форме, то на территории Украины после ликвидации Запорожской Сечи существовали некоторое время лишь незначительные казачьи формирования, а основная масса потомков казаков растворилась среди прочего населения. В этих условиях современное украинское казачество создано как общественная организация, пользующаяся поддержкой государства. Летом 1999 г. численность казаков, объединённых этой организацией, насчитывала до 150 тыс. чел. (с.40). В отличие от России здесь нет речи о разделении казачества на реестровое и нереестровое, а также маниакальных утверждений, что казаки – особый народ, отличный от русского или украинского.

Текст энциклопедии носит достаточно взвешенный, объективный характер, хотя в отдельных статьях наблюдаются определённые перекосы. Вполне справедлива критика романа польского писателя Г. Сенкевича «Огнём и мечом» (с.81–82), являющегося грубой националистической фальсификацией, где палач украинского народа

Я. Вишневецкий показан как положительный герой. Кстати, вызывает недоумение участие известного украинского актёра Б. Ступки в экранизации этого произведения (он играл роль Б.Хмельницкого!), так как польский фильм также является карикатурой на украинское казачество и возвеличивает карателей.

С другой стороны некоторые авторы УКМЭ демонстрируют необъективное отношение к России. Материалы энциклопедии крайне редко приводят примеры боевого содружества запорожских и донских казаков (с.11, 13 и др.), хотя в Запорожской Сечи Динской курень непосредственно имел отношение к донскому казачеству, а украинцы на Дону не были чужими. В статье «Морские походы» С.Ф. Плещкий очень сдержанно и неопределённо пишет: «Иногда запорожские казаки действовали на море совместно с донцами, которые также выходили в море на своих стругах» (с.326). В этом отношении украинским коллегам следует обратить внимание на книгу Ю.П. Тушина «Русское мореплавание на Каспийском, Азовском и Чёрном морях (XVII век).» и особенно на только что изданную объёмную монографию В.Н. Королёва «Босфорская война», представленную как докторскую диссертацию [4]. Писал об этом и Ю.А. Мыцык [5] – один из авторов УКМЭ. В статье «Войско Донское» Л.М. Маленко утверждает, что во время Освободительной войны украинского народа середины XVII в. донское казачество не оказало Б. Хмельницкому и Войску Запорожскому конкретной военной помощи (с.137), хотя И.К. Свешников, проводивший раскопки на месте битвы при Берестечко, привёл убедительные доказательства участия в сражении донских казаков и даже московских стрельцов [6], которые вполне конкретно погибали за свободу Украины.

Очень странно, что в энциклопедии вместо статьи «Россия» есть лишь отсылка – см. «Московская держава» (с.430), а в последней утверждается, что «название «Россия» официально утверждено в 1721» (с.328). Эту же фантазию об «официальном переименовании» в 1721 году проповедует и Ю.А. Мыцык (с.490). Пожалуй, не меньшее недоумение вызвало бы появление в энциклопедии вместо статьи «Украина» отсылки на статью «Киевская держава». К счастью, иногда правда истории берёт своё: в статье «Алексей Михайлович» сказано, что это российский царь (с.356), а не просто московский, в статье «Пётр I» – речь идёт также о русском царе (с.375). Распространившееся в украинской публицистике поверье о мнимом переименовании Московии в Россию не имеет научных оснований. В 1721 г. Россия была провозглашена Российской империей, а Пётр I – императором. До этого в русских документах название «Россия» эпизодически прослеживается

с конца XV в., хотя ещё долго использовались как равнозначные понятия «Российское царство», «Московское государство», а в XVII в. термин «Россия» употреблялся достаточно часто. Смена формы Рус- формой Рос- в названии государства изначально происходило в церковных и дипломатических кругах под влиянием византийской традиции (в соответствии с греческим произношением). Судя по надписи на большой государственной печати, Иван IV титуловался так: «великий государь, царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси, Владимирский, Московский, Новгородский, царь Казанский, царь Астраханский, государь Псковский и великий князь Смоленский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятцкий, Болгарский и иных государств и великий князь Новагорода Низовския земли, Черниговский» [7]. В этом перечне Московская земля даже не на первом месте. На печатях царей Алексея Михайловича и Фёдора Алексеевича титул выглядел так: «царь и великий князь Великия, Малыя и Белья России...» [8], а не какой-то Московии. Непонятно, почему Л.О. Нестеренко продолжает именовать Россию «Московской державой» даже в период, когда столицей был Петербург.

Ю.А.Мыцык в статье «Малая Русь» (с.306) пишет, что в официальном языке Московского государства понятие «Малая Русь» понималась как «меньшая» и, следовательно, «второстепенная». В статье «Украина» он так же утверждает, что официальное название «Малая Русь» навязывалось украинцам (с.490). Однако авторитетный украинский археолог и историк академик П.П. Толочко пишет: «Вся совокупность свидетельств указывает на то, что название казацкой державы «Малая Русь» было местного происхождения. Оно формировалось постепенно на протяжении XIV–XVII в. и вначале относилось к Галицко-Волынскому княжеству, а позже распространилось на всю Южную Русь» [9]. Словно отвечая Ю.А.Мыцыку, П.П. Толочко пишет, что в последнее время, особенно в исторической публицистике, слова «Малороссия» и «малорос» бесосновательно рассматриваются как что-то унижающее национальное достоинство современных украинцев. Термин «Малая Русь» «этимологически связан не с размерами страны, а с её территориальной основой. Он равнозначен термину Константина Багрянородного «Внутренняя Русь». [...] Широкоизвестными являются также названия «Малая Греция», «Малая Польша», «Внутренняя Франция», что во всех случаях означало коренную этническую территорию страны. Трудно сказать, понимали ли наши пращуры глубинное значение названия «Малая Русь», но то, что оно не формировало у них комплекса неполноценности, совершенно

очевидно»[10].

Происхождение названия «Украина» в трактовке Ю.А. Мыщыка (с.490) также весьма спорно. Если Ю.А. Мыщык считает, что название «Украина» впервые встречается в 1268 г. для обозначения центра (!) Руси, то академик П.П. Толочко пишет: «Анализ контекста статей 1187, 1189, 1213 годов Ипатьевской летописи, где употребляется слово «Украина», убедительно свидетельствует, что во всех трёх случаях речь идёт об окраинных территориях Переяславского, Галицкого и Волынского княжеств. Термин «Украина» означает в этих сообщениях не собственное название какой-то определённой территории, а лишь её пограничный характер» [11]. А С.Л. Удовик для большей убедительности даже изобразил на карте эти территории [12]. «Многочисленные случаи употребления терминов «Укράїна», «Країна», «Вкраїна» в актовых документах XIII–XVII в. неоспоримо свидетельствуют об их географически ориентированном характере. Ими обозначались окраинные (пограничные) территории, которые пребывали под политическим протекторатом или были интегрированы в политическую структуру Польши, Литвы, России, Турции и даже Молдовы» [...] «почти всегда они находятся в словосочетании, имеют пояснительные слова: «Литовская Украина», «Смоленская Украина», «Малороссийская Украина», «государевы украинские города» и т.д.» [13]. Для сравнения можно напомнить Юлийскую Крайну, Книнскую Крайну, Цазинскую Крайну и подобные названия у южных славян. П.П. Толочко указывает, что в домонгольский период Русь не называлась Украиной, «о чём иногда пишут даже серьёзные исследователи», «преобладающее распространение термин «Украина» получил только во второй половине XIX – начале XX в. Заслуга в этом принадлежала украинской интеллигенции, которая возглавила движение за национальное возрождение народа» [14]. Можно напомнить, что в тексте Гадячского договора 1658 г. упоминается не «Украина», а «Русская земля» как название казацкой державы, а И. Выговский именовался «гетманом русским».

В некоторых статьях УКМЭ российская политика по отношению к Украине характеризуется как колониальная. Так, Ю.А. Мыщык пишет, что Д.П. Апостол «поддержал гетмана И. Мазепу в его антиколониальном восстании» (с.18). Почему же тогда за гетманом последовала лишь ничтожно малая кучка украинцев, да и сам Апостол через месяц перебежал на сторону Петра I ? Почему вскоре после жестокого разгрома гетманской столицы А.Д. Меншиковым Пётр I запретил ставить в вину украинцам измену Мазепы? Если верить

Ю.А. Мыцкы, под Полтавой в 1709 г. потерпели поражение «шведско-украинские войска» (с.304), хотя немногочисленные казаки Мазепы во время битвы находились в шведском обозе и в сражении не участвовали, о чём говорится в статье С.Р. Ляха «Полтавская битва 1709» (с.403). Зато можно было бы вспомнить, что украинские казаки гетмана И.И. Скоропадского участвовали в победе над Карлом XII и в этом смысле не меньше оснований говорить о победе русско-украинского войска над шведами.

Образ гетмана И.С. Мазепы в современной Украине принято идеализировать. Достаточно сказать, что его портрет изображён на банкноте в 10 гривен. Между тем, совсем иначе относился к Мазепе такой крупный историк как Н.И.Костомаров, которого трудно заподозрить в антиукраинских настроениях. В книге «Мазепа» Н.И. Костомаров писал, что «гетман Мазепа как историческая личность не был представителем никакой национальной идеи. Это был эгоист в полном смысле этого слова. [...] Он воспользовался существовавшим у малороссиян желанием сохранить автономию своей страны и свою национальность и обманывал старшин, будто у него план – приобрести для Украины самостоятельность. Но на самом деле, как показывает его тайный договор с Лещинским, он думал отдать Украину под власть Польши [...], притом сам Мазепа знал хорошо, что народ, ненавидевший его, не будет повиноваться новой династии, которая должна была начаться с него, Мазепы. Он благоразумно выговаривал себе владение в белорусском крае, а Малороссию отдавал на жертву междоусобной войны, которая неминуемо вспыхнула бы с поляками, если бы Украина поступила под польскую власть [...]. И большинство козаков, и весь малороссийский народ – всё пошло не за него, а против него. [...] Если бы, как того надеялся Карл, малороссийский народ прельстился обольщениями своего гетмана и славою северного победителя, Петру ни за что бы не сладить с своим соперником. И если кто был истинным виновником спасения Русской державы, то это – малороссийский народ, хотя эта сторона дела не выставлялась до сих пор историею в настоящем свете» [15].

Всё это совершенно не укладывается в концепцию «колониальной политики» царизма в отношении Украины. Но Ю.А. Мыцкы пишет также об усилении колониальной политики Российской империи (с.18), по его утверждению, ликвидация Сечи в 1775 г. была «проявлением колониальной политики» (с.191). Усиление колониального гнёта, очевидно, привело к тому, что видное место в российской администрации заняли Разумовские, Кочубеи, Безбородки, Трощинские и многие

другие? Кстати, в статье об И.С. Мазепе (с.303–304) Ю.А. Мыщык не упомянул о военных заслугах этого гетмана во время походов 1695–1696 гг., и о том, что Мазепа был вторым человеком в России, кого Пётр I наградил орденом Андрея Первозванного (в 1700 г.). Что касается якобы усиления «колониальной политики» Петра I по отношению к Украине (с.304), то эта политика принципиально не отличалась от той, которая проводилась в любой другой части России. Националистическая идея о мнимой колонизаторской политике России на территории Украины не учитывает психологию и политические традиции XVIII–XIX вв., когда решающее значение имела не национальность, а вероисповедание и подданство. Вполне обоснованно другой автор УКМЭ В.В. Кравченко пишет, что подобно многим своим современникам А.А. Безбородко «соединял общероссийский имперский патриотизм с местным, украинским. В Санкт-Петербурге он протезировал многим своим землякам в служебной карьере, получении российских чинов и наград» (с.32). Нельзя не согласиться с академиком П.П. Толочко в том, что «украинцы и русские [...] вместе создавали и высокую культуру Российской империи, и её государственность. Чтобы убедиться в этом, достаточно назвать лишь таких выдающихся людей России XVIII–XX вв. как Ф. Прокопович, К. Разумовский, Дмитрий Ростовский (Туптало), Д. Левицкий, Д. Березовский, Н. Гоголь, П. Скоропадский, И. Козловский (полный перечень занял бы много страниц)» [16].

Довольно слабо написаны статьи, посвященные донскому и кубанскому казачеству. По-видимому, украинские авторы (как и российские) из-за вынужденного разрушения единого научного пространства и отсутствия необходимых источников, не имели возможности уточнять информацию и ликвидировать пробелы. Так, в статье «Войско Донское» Л.М. Маленко утверждает, что в 1632 г. казаки отказались присягать царю Алексею Михайловичу (с.71), хотя до 1645 г. царём был его отец Михаил Фёдорович. Ничего не сказано об изменении в положении донского казачества при Петре I, когда впервые войсковые атаманы стали назначаться царём, об административно-территориальном делении Земли Войска Донского. Непонятно, к какому году относится фраза «теперь казацкое войско возглавлял наказный атаман» (с.72). Частично пробелы этой статьи компенсируются статьёй «Донское казачество» того же автора (с.136–138). Впрочем, там Л.М. Маленко делает новые ошибки. Так, по её утверждению, донские казаки «во главе с Ермаком, В. Атласовым, С. Дежнёвым, Е. Хабаровым и др. принимали активное участие в освоении русскими Дальнего Востока и Сибири» (с.137). Если Ермака многие связывают с донским казачеством

(что отнюдь небесспорно), то прочие упомянутые персонажи не имели к Дону никакого отношения. В то же время Л.М. Маленко ничего не упоминает о совместных морских походах запорожских и донских казаков на Турцию и Крым. Говоря об обороне Азова, С.Ф. Плещкий пишет, что 18.6.1642 «по приказу российского царя казаки оставили город, и Азов был передан Турции» (с.13). На самом деле в то время царь ещё не мог приказывать донским казакам, и он лишь советовал казакам покинуть город. Казаки не передали Азов туркам, а покинули его, разрушив укрепления. В УКМЭ утверждается, что в 1695 г. к Азову двинулась российская армия (31 тыс. чел.), а одновременно украинская армия (120 тыс. чел.) во главе с гетманом И. Мазепой и российский отряд во главе с Б. Шереметевым захватили крепости Кызыкермен, Тавань и др. (с.13). Если бы Мазепа располагал такой огромной армией, он наверняка сбросил бы «колонияльный гнёт», о котором так любят говорить некоторые авторы. На самом деле в апреле 1695 г. в Белгороде и Севске было сформировано 120-тысячное дворянское ополчение Шереметева, к которому позже присоединились казаки Мазепы [17].

Л.М. Маленко, написавшая статью «Кубанское казачество» (с.278–279), считает, что черноморские казаки были лишены права избирать войскового атамана в 1802 г., а на самом деле это произошло уже в 1797 г. Наказные атаманы появились здесь не в 1802, а в 1827 г., куренные селения были переименованы в станицы не в 1802, а в 1842 г. Она сообщает читателю, что в 1842 г. Черноморское казачье войско было разделено на 3 округа, забывая указать, что с 1794 Черноморья делилась на 5 округов, а в 1802–1842 гг. – на 4 округа. И уж совсем не говорится в статье о многочисленных изменениях административно-территориального деления в Кубанском казачьем войске и Кубанской области. Подобная выборочная информация со значительными пробелами и ошибками заметно снижает качество энциклопедического издания. Утверждение, что «с 40-х гг. 19 в. с овладением российской армией новыми территориями по р. Кубани наряду с названиями «запорожские», «черноморские» и «донские» казаки широко используется название «кубанцы», которое автоматически переносится на всё казачество Кавказского края», является всего лишь авторской фантазией Л.М. Маленко (с.278). Было бы странно такое название применять к терским казакам, входившим в то время в Кавказское линейное казачье войско. Запорожцами черноморских казаков тогда уже не называли, ибо уже в ходе переселения на Кубань бывшие запорожцы составляли меньшинство Черноморского казачьего войска. Неверно и то, что после создания Кубанского войска путём объединения Черноморского и части

Кавказского линейного казачьего войска «оба войска были слиты в одно казачье формирование, но продолжали сохранять свои особенности и даже углублять их». Напротив, постепенно различия между ними сглаживались. Решение ВЦИК о массовом «расказачивании» населения на Кубани (?), «которое сопровождалось моральным, духовным и физическим истреблением казачества» (с.279) особенно ударило по донским казакам, но никак не могло в 1919 г. затронуть Кубань, так как большевики её в то время не контролировали. Л.М. Маленко упоминает перепись 1920 г. в Кубанском округе, который появился лишь в 1924 г. По её представлениям, «названия станиц Киевская и Уманская были переименованы в Ленинградскую и Красноартельную» (с.279). На самом же деле Уманская стала Ленинградской (к сожалению, ей до сих пор не возвращено историческое название), Полтавская стала Красноармейской (недавно её историческое название было восстановлено), Киевской и Красноартельной станиц никогда на Кубани не существовало.

В статье «Кубань» Л.М. Маленко пишет, что в XVI–XVIII вв. Кубань была объектом борьбы между Турцией и Ираном, хотя Иран никогда не претендовал на кубанские земли. Крепости Кизляр и Моздок, вопреки её представлениям, находятся не на Кубани, а на Тереке (с.280). Впрочем, странные географические «открытия» Л.М. Маленко на кубанских землях уже отмечались в рецензии на её книгу об Азовском казачьем войске [18]. Ногайская орда во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. вовсе не была уничтожена, как это представляется Л.М. Маленко (с.280). Вопреки утверждению этой же исследовательницы, Ф.А. Щербина работал не в Кубанском краевом архиве (с.560), а в войсковом архиве. Статус краевого архив получил с образованием в 1937 г. Краснодарского края.

В других статьях, связанных с Кубанью, также есть немало серьёзных ошибок. Р.И. Шиян пишет, что после смерти З.А. Чепеги, А.А. Головатый был кошевым атаманом Черноморского казачьего войска в 1797 или 1796–97 гг. и похоронен в Екатеринодаре (с.109). На самом деле, Головатый умер 29 января 1797 г. во время похода в Персию, а Павел I утвердил его войсковым (кошевым) атаманом 21 марта того же года, т.е. после смерти, и Головатый не успел узнать о своей новой должности. Могила его, вероятно, находится на острове Сары в Каспийском море [19]. Непонятно, почему список атаманов Черноморского казачьего войска Р.И. Шиян заканчивает на А.А. Головатом (с.544), ведь после него войсковыми и наказными атаманами этого войска были (включая исполнявших обязанности): Т.Т. Котляревский, Ф.Я. Бурсак, Г.К. Матвеев, А.А. Безкровный, Н.С. Заводовский, Г.А. Рашпиль, Я.Г.

Кухаренко, Г.И. Филипсон, Л.И. Кусаков! Река Кубань впадает не в «Телугюкский залив», как пишет Р.И. Шиян (с.280), а в Темрюкский. Кубанское казачье войско было учреждено не 16.09.1861, как считает В.В. Задунайский (с.463), а 19 ноября 1860 года.

Бездоказательно А.Л. Олейник в статье «Текелий» пишет, что генерал-поручик П.А. Текелий не оправдал всех ожиданий правительства в связи с поручением ликвидировать Сечь в 1775 г., после чего был обвинён в злоупотреблениях и «отправлен на пенсию» (с.480). «Пенсионер» Текелий (Текелич) в 1786 г. был назначен командовать войсками на Кубани с производством в генерал-аншефы. В 1787 г. он совершил поход к верховьям рек Б. Зеленчук, Кефар и Уруп, а в 1788г. – на Анапу. Именно неудача похода на Анапу вызвала недовольство Екатерины II и Г.А. Потёмкина [20]. Но уволен он был по личной просьбе.

Л.М. Маленко убеждена, что некрасовцы после их изгнания из дельты Дуная поселились на берегах речек Магалица и Мандрозе, а также в Бандроме и в окрестностях Бабадага (с.341). Исследование Д.В. Сеня показало, что это не так: некрасовцы переселились к заливу Энос (Энез) и озеру Майнос (Маньяс) [21]. Ю.А. Мызык пишет, что «после заключения русско-турецкого мира 1742 Самара стала пограничной рекой» (с.43). На самом деле речь может идти о пограничном размежевании, которое было проведено после Белградского мира 1739г. Впрочем, Самара и тогда не могла быть пограничной рекой, так как оказалась внутри территории, отошедшей к России по Белградскому договору, что хорошо видно на карте в школьном атласе по истории Украины [22]. В статье «Полтавская битва 1709» С.Р. Лях пишет, что Полтава прикрывала Муравский шлях на Москву (с.403). Но карта Муравского шляха [23] показывает, что Полтава не имела отношения к этому шляху и выйти к нему можно было, минуя Полтаву, хотя для шведов такой путь вряд ли представлял интерес.

Количество карт и планов в энциклопедии производит хорошее впечатление. Несомненно, они значительно выиграли бы в цветном варианте, но это зависит, конечно, от финансовых возможностей. К сожалению, не указаны авторы карт и планов. Информация о том, что редактирование карт провели О.И. Коробов и С.Р. Лях вовсе не раскрывает авторства. Если не считать воспроизведения старинных картографических материалов, то к исторической картографии можно отнести 77 карт и планов. Из них 36 составляют карты территорий казачьих войск и отдельных казачьих полков, 7 карт посвящены войнам и восстаниям, 7 планов показывают Запорожскую Сечь, имеется 14 планов сражений и осад. Было бы целесообразно в конце книги дать

общий список карт и иллюстраций, представляющих немалый интерес для читателей.

Вместе с тем, надо отметить ряд существенных недостатков в содержании картографических материалов. Многие карты статичны, например, карта Азовского казачьего войска (с.12), где границы показаны неизменными для 1832–1866 гг., хотя на самом деле территория войска расширялась в 1833 и 1839 гг. Столь же статична карта «Великое княжество Литовское в 1432–1569 гг.» (с.58) – за эти годы границы много раз менялись, но на карте показана лишь одна неизменная граница без указания года, к которому она относится. На карте «Речь Посполита 1569–1648 гг.» (с.426) искажена граница между Литвой и Польшей, установленная в 1569 г. (ошибочно показана к востоку от белорусских земель), показан Харьков, не существовавший в указанные годы, искажено название острова Эзель. Крайне неудачна карта «Дунайское казачье войско (1828–1858 гг.)» (с.143) – на ней даны современные географические названия там, где требуются исторические. Напрасно читатель будет искать здесь Аккерман, зато найдёт Белгород-Днестровский, бывший Аккерманом до 1944 года! Удивительно, но на этой карте вообще нет никаких границ — где же искать войсковые земли? Непонятна датировка, указанная в заголовке карты, так как войско было в 1856 г. переименовано в Новороссийское и просуществовало под новым названием до 1869 года! На карте «Славносербия» (с.457) не видно выделенной в легенде территории. Карта «Слободско-украинские полки (по А.Г. Слюсарскому)» (с.455) отражает ситуацию накануне ликвидации полков, о чём нигде не сказано. Кстати, в обеих книгах А.Г. Слюсарского, посвящённых Слободской Украине [24], помещены карты с большими искажениями, так как они основывались на оригиналах XVIII в. без переноса на современную основу. Уже после смерти А.Г. Слюсарского этот недостаток исправил А.М. Авраменко при создании карты «Слободская Украина в XVII–XVIII вв. (до 1765 г.)» для «Атласа Харьковской области» [25]. Независимо от этого неизвестный автор карты в УКМЭ также перенёс изображение оригинала на современную основу, но почему-то Чугуевский уезд включил в территорию слободских полков без каких-либо оснований. В статье «Чугуев» С.Ф. Плещкий утверждает, что после создания Харьковского слободского казачьего полка Чугуев стал его сотенным городом (с.546). На самом деле, Чугуевский уезд был отдельной административной единицей, в чём можно легко убедиться, обратившись к картам [26]. К тому же, в 1749 г. на основе особой пятисотенной казачьей команды был создан Чугуевский конный казачий полк, не имеющий отношения к

слободским полкам. На карте «Новослободский казачий полк» (с.352) обрезана восточная часть полковых земель, хотя в этом не было никакой необходимости. На карте «Черноморское казачье войско на Кубани (1792–1860 гг.)» (с.545) показаны границы округов, не существовавших в то время. К тому же границы округов менялись в связи с изменением административно-территориального деления в 1802 и 1842 гг. [27]. Куренные селения (ставшие с 1842 г. станицами) подписаны на карте как курени: Щербиновский, Конеловский и др. Некоторые названия при этом искажены: Незамаевская и Динская станицы превращены неизвестным автором, соответственно, в Незамайковский, Донской курени. Такие карты трудно признать научными.

Некоторые ключевые понятия определены неудачно. Так, статью «Андрусовский мир 1667» следовало назвать «Андрусовское перемирие 1667» (с.15). Упомянутый в статье «Лисовчики» Деулинский мир 1618 г. (с.292) также был на самом деле перемирием. Вряд ли читатель будет искать статью о ликвидации Сечи в 1775 г. на букву «А» – статья «Атака Сечи 1775» более уместна на букву «С» (с.27). Кому придёт в голову искать статью об украинском казачестве современной эпохи на букву «С» (с.472–474)?

Странное впечатление производит статья «Гопак боевой». Этот популярный народный танец зачислен в разряд боевых искусств. В статье сообщается, что «основателем этого направления украинских боевых искусств стал В. Пилат, который в 1985 открыл в г. Львове экспериментальную школу гопака». «Мифологическая концепция современной школы Г.б. [Гопака боевого] опирается на теорию арийского происхождения украинского народа». «Овладение этим искусством является своеобразным «путём» к «волхву»» (с.111). К сожалению, подобное мифотворчество, часто связанное с неоязычеством, распространилось также в России и Белоруссии [28]. Эти сочинения, основанные не на реальных источниках, а на фантазиях авторов, в серьёзной энциклопедии неуместны. Многие из них представляют интерес не столько для историков, сколько для психиатров.

Отдельные неточности УКМЭ, вероятно, объясняются тем, что авторы иногда использовали некачественные источники, в частности, упомянутый выше «Казачий словарь-справочник» (с.13 и др.), либо невнимательно их изучали. Так, справочная книга В.Х. Казина названа в УКМЭ «Казачьи войска: Хроники гвардейских казачьих частей» (с.31, 533). Курьёз состоит в том, что в данной книге нет именно гвардейских частей! Если перевернуть неправильно оформленную обложку репринтного издания 1992 года, то на титульном листе можно прочитать:

«Казачьи войска. (Хроники гвардейских казачьих частей помещены в книге Императорская гвардия)», что полностью меняет смысл. Судя по подписи к изображению значка (куренного боевого знамени) на с.175, существовал «Шкурятинский курень». На самом деле имеется в виду Шкуринский курень, в чём нетрудно убедиться, прочитав надпись на самом значке. В статье о гетмане Д.И. Многогрешном указаны даты его жизни: 1627–1703, но в конце той же статьи сказано, что «в 1696 бывший гетман принял монашеский постриг и через 2 года умер» (с.319), т.е. в 1698 г.? Чему же верить?

В любой энциклопедии неизбежны пробелы, тем более если работа выполняется впервые. Авторы рецензируемого издания неслучайно назвали свой труд малой энциклопедией. Учитывая, что в дальнейшем возможно более полное издание «Казачьей энциклопедии», надо указать на некоторые пробелы. В энциклопедии имеются статьи о четырёх десятках казачьих полков, но этот список должен быть расширен. Из числа пропущенных надо назвать существовавшие в разные годы Балаклеяский слободской, Брагинский (Брягинский), Животовский, Лысянский, Мозырьский, Торговицкий, Фастовский, Чернобыльский, Чечельницкий полки, Чугуевский конный казачий полк. Отсутствуют статьи о Банатской Сечи, Вознесенском казачьем войске. Нужны отдельные статьи об архивах, музеях и библиотеках разных стран, где хранятся рукописные и уникальные печатные источники по истории казачества. К сожалению, в УКМЭ нет статей о научных учреждениях, занимающихся изучением истории казачества – о Научно-исследовательском институте казачества, существующем в рамках Института истории Украины НАН Украины, о Научно-исследовательский институт казачества при Запорожском университете.

Анализ содержания УКМЭ ярко демонстрирует слабую осведомлённость украинских учёных о современных российских исследованиях по истории казачества. Соответственно, в России имеют крайне поверхностное представление о современной украинской историографии. Это свидетельствует о пагубности разрыва былых научных связей. Когда-то Краснодар получал обязательный экземпляр каждой книги, выходявшей в СССР, но к настоящему времени почти вся эта литература погибла. Было бы очень полезно возродить практику широкого книгообмена и научного сотрудничества, от чего выиграют и украинские и российские учёные. Сотрудничество с российскими учёными могло бы дать будущей большой энциклопедии интересные материалы об украинских казаках, зачисленных в состав Оренбургского, Кавказского линейного и других казачьих войск, позволило бы уточнить

судьбы многих людей. Целесообразно начать подготовку совместного российско-украинского издания «Большой казачьей энциклопедии» в нескольких томах. А пока приходится лишь пожалеть, что российский читатель лишён возможности купить УКМЭ или хотя бы ознакомиться с ней в библиотеке.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Казачий словарь-справочник. / Составитель словаря Г.В. Губарёв, редактор-издатель А.И. Скрылов. Т. I–III. Кливленд (Охайо, США); Сан Ансельмо (Калифорния, США), 1966–1970. Репринтное воспроизведение издания. М., 1992.

2. Казачья энциклопедия: концепция. Словник./ Под ред. А.П. Федотова. М., 1996. 220 с.

3. Казачья сотня. (Краткие биографии ста деятелей казачества на поприще военной и гражданской службы, науки, литературы и искусства в XVI–XX вв.) М., 1996. 280 с.

4. Тушин Ю.П. Русское мореплавание на Каспийском, Азовском и Чёрном морях (XVII век). М., 1978. 184 с.; Королёв В.Н. Босфорская война. Ростов н/Д., 2002. 704 с.

5. Мыцык Ю.А. Новые данные о черноморских походах донского и запорожского казачества против Османской империи и Крымского ханства (середина – третья четверть XVII в.) // Торговля и мореплавание в бассейне Чёрного моря в древности и средние века: Межвузовский сборник научных трудов. Ростов н/Д., 1988.

6. Свешников І.К. Битва під Берестечком. Львів, 1993. С.158, 266–269, 271.

7. Лакиер А.Б. Русская геральдика. М., 1990. Табл. XV, рис. 6.

8. Там же. С.158.

9. Толочко П.П. Від Русі до України: Вибрані науково-популярні, критичні та публіцистичні праці. Київ, 1997. С.27.

10. Там же. С.28.

11. Там же. С.29.

12. Удовик С.Л. Государственность Украины: истоки и перспективы. Киев, 1999. С.14–15.

13. Толочко П.П. Вказ. праця. С.29–30.

14. Там же. С.29, 31.

15. Костомаров Н.И. Мазепа. М., 1992. С.320–322.

16. Толочко П.П. Вказ. праця. С.8.

17. Военная энциклопедия. Т. I. СПб., 1911. С.180; Морской атлас. Т. III. Военно-исторический. Ч. I. Описания к картам. [Л.], 1959. С.180.

18. Авраменко А.М., Фролов Б.Е. Монография по истории азовского казачества // Культурная жизнь Юга России. Краснодар, 2002. №1. С.64–66.

19. Бондарь В.В. «Как казаки на Каспий ходили», или В поисках места упокоения А. Головатого. // Голос минувшего: Кубанский исторический журнал. 2001. №3/4. С.88–96.

20. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т. I. Екатеринодар, 1910. С.411.

21. Сень Д.В. «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»: исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. – конец 1920-х гг.) –2-е изд., испр., доп. Краснодар, 2002. С.134.

22. Атлас з історії України (XVI–XVIII ст.). 8 клас. / Упорядники: Д.В. Ісаєв, О.В. Гісем, О.О. Мартинюк. Київ, 2001. С.13.

23. Радянська енциклопедія історії України. Т.3. Київ, 1971. С.188.

24. Слюсарський А.Г. Слобідська Україна: Історичний нарис XVII–XVIII ст. Харків, 1954; Слюсарский А.Г. Социально-экономическое развитие Слобожанщины.

XVII–XVIII вв. Харьков, 1964.

25. Атлас Харьковской области. Киев, 1993. С.40.

26. Атлас Харьковской области. Киев, 1993. С.40; Україна. Історичний атлас. 8 клас. / Концепція атласу та авторське опрацювання мап – Юрій Лоза. Київ: Мапа, 1998. С.20–21; Українське козацтво: Мала енциклопедія. К.; Запоріжжя, 2002. С.508.

27. Очерки истории Кубани с древнейших времён по 1920 г. Краснодар, 1996. С.638, 640 (карты).

28. Белов А.К. Славяно-горицкая борьба. Кн.1–2. М., 1992–1994; Адамович Г.Э. Белорусские асилки. Минск, 1993. 144 с.; Воронов И.А. Тайна 72 воинских искусств русского «Апокалипсиса». СПб., 1998. 384 с.; Русский рукопашный бой: Методические основы начального обучения славянскому боевому искусству. - 2-е изд. – Челябинск, 2001. 365 с.; Шатунов М.В. Русская профессиональная драка: Пособие по славяно-горицкой борьбе – одной из самых конкурентоспособных боевых систем. М., 2002. 560 с.; и др.

О.В. Матвеев

КУБАНСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ХРОНИКИ

Под таким значимым названием вышла новая книга известного краснодарского историка, профессора Валерия Николаевича Ратушняка. Хроника (в переводе с греческого – летопись) – наиболее распространённый в средневековой литературе Византии и Западной Европы тип произведений, которые содержали изложение исторических достопамятных событий в их временном развитии. Прошлое в такого рода сочинениях никогда не ощущалось как нечто ушедшее, не существующее, но всегда – как часть настоящего, причём лучшая его часть. Поэтому в золотом фонде кубанской исторической литературы, в трудах И.Д. Попки, П.П. Короленко, Ф.А. Щербини, В.П. Бардадыма, выполненных в лучших традициях средневеково-пристрастного отношения к прошлому, вместо отстранённой строгости – высокая образность, задушевность. Вместо принятого в исследовательской литературе категориально-понятийного аппарата и излишней академичности – почти сказовая, летописная интонация. Продолжателем такого трепетного отношения к прошлому и настоящему родного края выступает сегодня учёный и гражданин В.Н. Ратушняк, более 40 лет профессионально занимающийся историческими исследованиями, книги которого всегда навеяны особой теплотой и любовью к истории России и Кубани.

Практически все разделы новой книги с привлекательно-образными заглавиями – «Воинственные скифы и неукротимый Митридат», «Находка, открывшая тайну», «Последний потомок золотоордынских

ханов», «От войска вольного к войску государеву», «От серебристого руна до золотых снопов пшеницы», «Гордость кубанского предпринимательства», «Погубленный флот» и др., читаются на одном дыхании, сочетая в себе великолепие и богатство языка, несколько не отягощающие стиль популярные экскурсы в историографию вопроса, драматичный, иногда даже в чём-то детективно-завораживающий тон повествования, широту и разнообразие международного, российского и местного исторического фона. При этом прошлое Кубани несколько не идеализируется в сусально-лубочном изображении. Читатели получают возможность судить о всех наших бедах и победах: испытывать гордость за доблесть наших предков, воевавших под знамёнами П.А. Текели, А.В. Суворова, А.Д. Безкровного, М.Д. Скобелева, переживать вместе с автором тяготы угнетения неимущих слоёв казачества, трагедию горцев-махаджиров и погибших в гитлеровских душегубках краснодарцев.

Новая книга историка отличается от имеющихся работ по истории Кубани ещё и тем, что не содержит изложения всего фактологического массива о прошлом региона. Упор сделан на сюжеты, которые либо отсутствуют в обобщающих трудах и краеведческих учебниках, либо упоминаются вскользь. В то же время «Кубанские исторические хроники» выстроены логично и системно. Очень украшает текст то обстоятельство, что нередко автор обращается к малоизвестным фактам российской истории, напрямую не связанным с Кубанью, но вписывающимся в контекст повествования. Так, рассказывая о пребывании в крае императора Николая I, историк справедливо отмечает, что советское литературоведение напрасно представляло царя гонителем выдающихся писателей. Напротив, Николай I «нередко помогал им материально. Например, выдал А.С. Пушкину 20 тысяч рублей займа на подготовку «Истории пугачевского бунта» – книги явно не промонархического содержания. Когда вышел первый том поэмы Гоголя «Мёртвые души», царь послал писателю книгу «его собственного сочинения» – переплетеную книгу банковских билетов. Н.В. Гоголь ответил царю письмом с присущим ему остроумием и находчивостью: «Получил книгу с почтением, читал с удивлением, жду второй том с нетерпением». В подобном тоне описано и пребывание других самодержцев на Кубани: Александра II, Александра III и Николая II, главы, связанные с русско-турецкой войной 1877–1878 г., пребыванием А.В. Суворова в крае, событиями в Краснодаре 1961 г.

Увлекательно читаются в книге традиционно «скучные» в имеющейся литературе разделы, связанные с экономикой региона. Действительно испытываешь чувство глубокого уважения к гордости

кубанского предпринимательства барону Владимиру Рудольфовичу Штейнгелю, потрясают темпы строительства Владикавказской железной дороги с ветками к Екатеринодару и Новороссийску, успехи цементной и нефтяной промышленности, образно и колоритно подаётся история развития местных сельскохозяйственных культур.

Много узнаёт читатель и о противоречивой социальной повседневности казаков и иногородних, горожан и горцев. Рассказ о народных самосудах, прокатившихся по Кубани в конце XIX – начале XX в. стихии народной мести и погромов информативен и поучителен. Редкие факты приведены в главе «На страже правопорядка», где чины кубанской полиции изображены с человеческим лицом, а непривычными нам с детства держимордами и хамелеонами. В.Н. Ратушняк привёл немало примеров, когда сотрудники местной полиции проявляли мужество, находчивость и оперативность в борьбе с преступным миром, добросовестно и самоотверженно выполняли свой служебный долг по охране правопорядка в нелёгкое время.

Не однозначно, а целой палитрой красок представлено историческое полотно, связанное с советским периодом в жизни края. Главы «Казачья Голгофа», «Хлеб ценою голода», «Страшные дни оккупации» написаны не в модных ныне кроваво-разоблачительных тонах, а объективно, вдумчиво и бережно, учитывая не только просчёты и преступления, но и достижения этой противоречивой эпохи.

Завершает книгу глава «Как Феникс из пепла», посвящённая истории кубанского казачества. «Хроники» иллюстрированы великолепной подборкой репродукций исторических полотен А.А. Чечина, Г.Т. Квашуры, С.Г. Королькова, уникальными фотографиями и рисунками.

Как и каждая выдающаяся работа, новая книга вызовет, несомненно, различные оценки как специалистов, так и не в меру пристрастных деятелей от науки, желающих получать продукцию, соответствующую только их видению нашего прошлого. Наверняка обнаружатся недостатки, упущения и просчёты. Но несомненно одно: читатели Кубани, учителя и ученики, все, кому дорога память о былом, трагичном и величественном, получили прекрасный подарок. Издание прекрасно вписывается в имеющиеся программы по кубановедению и, несомненно, будет задействована и востребована как в образовательном процессе, так и в культурном пространстве Краснодарского края

КАЗАЧЬИ ПОЛКИ И ИХ ВЕЧНЫЕ ШЕФЫ

В Русской армии считалось: «Полку носить Шефство великого человека – означает это оправдывать и чаще всех бывать в боях». Этой традиции посвящена книга О.В.Матвеева и Б.Е.Фролова «В вечное сохранение и напоминание славных имен».

Вышла в свет она в историческом казачьем городе, видевшем в своих стенах Атаманов и генералов Черноморского и Линейного Казачьих Войск – С.Белого, З.Чепигу, А.Головатого, А.Безкровного, Г.Засса и А.Вельяминова, чьи имена после Высочайшего пожалования в 1904 г. стали носить шесть первоочередных полков Кубанского Войска.

Десятилетиями советская историография вытравливала из нашего сознания уважение к Русской армии, гордость победами, память о ее начальниках и воинах. В полной мере это относилось к Казачеству, славные страницы которого открывались цензурой строго дозированно и ограничивались в основном бунтами и восстаниями против «деспотизма и царского произвола». Поэтому, новая книга с отображением боевых действий казачьих полков, военной службы их Шефов, командиров, офицеров и рядовых казаков заслуживает особого внимания.

Одним из главных достоинств работы, является авторское уточнение данных, касающихся истории образования полков ККВ. Дело в том, что в XIX веке происходили довольно сложные процессы частых переформирований, изменение мест дислокации и «нумерные» переименования казачьих бригад, полков и батальонов Войска. Сведения заносились затем в справочники Военного Министерства и в хроники Императорской Главной Квартиры. Они содержат богатый фактический материал, до сего времени являются основополагающими, но не всегда отражают действительное происхождение казачьих частей. Ряд ошибок по той же проблеме наличествует и в документах Войскового Штаба ККВ.

Почти в каждом полку до 1917 г. имелись свои «Памятки» – краткие полковые истории, выпускаемые к определенным датам и юбилеям. Обычно они составлялись одним из офицеров, с академическим образованием или «интересующимся военной литературой», как писалось в аттестациях. Такому офицеру давалось служебное поручение от командира полка или начальника дивизии, выделялось свободное время на работу в архивах и ознакомление с записками старших офицеров полка. Знаю об этом не понаслышке, т.к. мой прадед

П.С.Абашкин написал такую памятку 1-го Лабинского полка, в которой большое место уделил своему Шефу – генералу Зассу. Где она теперь – неизвестно...

Именно потому полезны все, даже небольшие штрихи из полковых историй, как они поданы в емких и в то же время полных очерках о 1-м Таманском и 1-м Полтавском полках.

Правда, рассказ о службе казаков в мирное время, иногда приводит авторов к парадоксальным выводам. В 1886 г., 212 чинов 1-го Екатеринодарского полка выполняют в Войсковой столице «в основном, комендантские и полицейские» (так в книге) функции. Хотя из расписания людей следует, что непосредственно при полицмейстере города состоял 1 казак и в ст. Троицкой (для полицейской службы) – 9. Да, и кого можно отнести к комендантскому наряду: курьеров при Войсковом штабе – 4 и вестового при комендантском управлении – 1? Все остальные: Войсковые и полковые музыканты, писари, конвоец командующего войсками КавВО, вестовые в офицерской стрелковой школе, у Наказного Атамана, у командира полка, при Екатеринодарской больнице и полковой аптеке и т.д. – никак под это определение не попадают. А уж посты при арсенале, денежном ящике, пороховом погребке, в полковой канцелярии – и есть повседневные гарнизонные наряды в любом крупном городе.

Немалый интерес представляют выдержки из приказов, например, по 1-му Лабинскому полку. Если с подготовкой разведчиков нам уже приходилось сталкиваться в различных источниках, то о фактах обучения казаков иностранным (местным) языкам – известно мало, и они почти не публиковались.

Большое значение имеют свидетельства о моральном состоянии казачества, его верности присяге, самоотверженных действиях против революционеров, духовности и вере, пожертвованиях казаков на украшения полковых церквей и благодарности за это начальников. Важны такие документы, найденные О.В.Матвеевым и Б.Е.Фроловым, в сравнении с «историческими повествованиями», выходящими из-под пера современных кубанских литераторов, где кубанские же старожилы «на голубом глазу» рассказывают об «ограблении храмов Ставрополя и Кубани» белыми казачьими генералами (!?) Не имеющий в себе Бога – то и пишет...

В предисловии к книге говорится об «игнорировании местного архивного материала» (ГАКК), что приводит целый ряд изданий по казачеству к «не критическому повтору ошибок предшественников». Правда, не ясно, почему же этими архивными материалами нельзя было

воспользоваться (или их там нет?) авторам, рассказывая о военной экспедиции в Персию 1-го Лабинского полка в 1909 году? И в результате повторена серьезная ошибка работы Басхановых «Линейцы», из которой следует, что по окончании похода, якобы в том же 1909-м, Лабинцы благополучно возвратились на свои квартиры.

Между тем, еще целых три года 1-й Лабинский полк участвует в боях, перестрелках и сражениях с курдами. О Лабинцах в Персии в 1911 г. пишет Председатель Совета Министров П.А.Столыпин (этот документ мы обнаружили в московском архиве); о ранении хорунжего Н.Г.Бабиева и сотнике М.А.Фостикове в 1912 г. вспоминает генерал Е.В.Масловский; 22 мая 1912 г. в серьезной схватке под Ардебилем вместе с другими частями участвуют 5 сотен полка, есаул П.С.Абашкин командует в сражении левым флангом русского отряда; в этом бою тяжелейшее ранение от удара шахсевенского кинжала получил окруженный курдами хорунжий Некрасов – сохранилось описание поединка; в Тавризе сведения о противнике Лабинцы получают от офицера-инструктора Персидской казачьей Его Величества Шаха бригады войскового старшины А.Г.Блазнова – своего будущего командира в Великой войне. В общем, материалов – масса, они опубликованы, но в книге почему-то не использованы.

Острой проблемой в современных военно-исторических трудах остается неверное написание воинских частей, почетных званий и наименований. В советское время издательствами и редакторами были установлены «образцы и правила», которым и сейчас следуют многие исследователи. Надеемся, что только досадной опечаткой можно объяснить встретившееся в книге словосочетание «лейб-гвардии казачий полк», вместо Лейб-Гвардии Казачий Е.В. полк, т.к. даже если употребление почетного наименования «л.-гв.» с маленькой буквы и упоминание Августейшего Шефа полка ныне практикуется повсеместно, то Казачий в данном случае – название полка.

Для Истории важно сохранять обороты и термины, принятые и практикуемые в описываемые периоды, даже если нас уже и отучили произносить: Генерального Штаба капитан, вышел хорунжим Л.-Гв. в Атаманский полк (именно в такой последовательности), Вторая Отечественная или Великая (о Первой Мировой войне).

Бесспорно, вроде бы понимание того, что казачье Войско не обозначает воинское соединение (армию, какие-то войска в общем смысле) и писать его следует с заглавной буквы, а Екатеринодарцев, Кавказцев, Лабинцев, Запорожцев и т.д. (о чинах соответствующих полков) – необходимо отличать от жителей одноименных отделов,

полковых округов и городов.

Интересны биографические очерки о Шефах полков, с уточнением исторических деталей в их судьбах. Логичны разъяснения о назначении С.Белого Войсковым, а не Кошевым, как считалось, Атаманом «Войска верных казаков».

Конечно, у авторов существуют собственные взгляды на те или иные особенности биографий своих героев. Так, среди пороков А.Головатого, упоминается: «ссужал деньги под проценты даже своим родственникам». Наверное, не стоит выставлять это, как отрицательную характеристику Войскового судьи, т.к. мы сейчас не вполне представляем особенности и правила финансовых отношений между людьми той эпохи, как и во всем обществе до 1917 года. Ничего зазорного в ссуде денег под проценты не было, это называлось «услуга за услугу», т.е. «я сейчас выручу тебя, а ты потом отблагодаришь меня». Это считалось нормальным делом.

Необходимо отметить ярко выписанный с привлечением «нестандартного набора» документальных и мемуарных источников образ генерала Вельяминова. Очерк о военачальнике, первым определившим правила боевой жизни Линейных казаков, всегда идущим в делах против горцев до конца, покорителе их «прочным образом», что в конечном итоге приносило пользу самим жителям Кавказа – один из лучших в книге.

И пожелания. Не знаю, были ли оговорены издательские рамки подачи фотоматериалов в книге, но при наличии богатого их выбора на Кубани (краевой архив, личные собрания) – хотелось бы видеть оформление книги иллюстрациями более полным.

Несомненно, что книга О.В.Матвеева и Б.Е.Фролова – одно из немногих появившихся в последнее десятилетие изданий, дающих представление о настоящей, а отнюдь не беллетризированной военной службе казаков.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авраменко Анатолий Михайлович – доцент кафедры дореволюционной отечественной истории Кубанский государственный университет (КубГУ), кандидат исторических наук, член «Наукового товариства ім. Шевченка».

Жиганова Светлана Александровна – старший преподаватель Кубанского Государственного университета культуры и искусств, старший научный сотрудник НИЦТК ГНТУ «Кубанский казачий хор»

Кринко Евгений Федорович – профессор Московского государственного социального университета (Майкопский филиал), доктор исторических наук

Мартыненко Лариса Борисовна – доцент кафедры русской литературы КубГУ, кандидат филологических наук, pavel_lider@mail.ru

Матвеев Владимир Александрович – старший преподаватель Ростовского государственного университета, кандидат исторических наук.

Матвеев Олег Владимирович – доцент кафедры дореволюционной и отечественной истории КубГУ, кандидат исторических наук.

Муртузова Зинаида Дмитриевна – соискатель кафедры истории и музееведения Краснодарского государственного университета культуры и искусств (КГУКИ).

Орел Василий Николаевич (1928 – 1987) – кубанский историк-краевед, литературовед

Ракачѐв Вадим Николаевич – старший преподаватель кафедры новейшей истории КубГУ, кандидат исторических наук.

Самовтор Сергей Владимирович – главный специалист Государственного архива Краснодарского края.

Семенцов Михаил Васильевич – старший научный сотрудник НИЦТК ГНТУ «Кубанский казачий хор», аспирант кафедры дореволюционной и отечественной истории КубГУ.

Стрелянов (Калабухов) Петр Николаевич – военный историк (Москва)

Федина Алла Ивановна – доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма Краснодарского социально-экономического института.

Федина Ирина Михайловна – соискатель кафедры истории и музееведения КГУКИ.

Фролов Борис Ефимович – заведующий отделом истории Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицина.

Хлынина Татьяна Павловна – ведущий научный сотрудник Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований, доктор исторических наук.

Шкуро Владимир Ильич – главный специалист Государственного архива Краснодарского края.

Научное издание

КУБАНЬ – УКРАИНА
ВОПРОСЫ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Выпуск 1

Редактор:

И.М. Скибицкая

Корректор:

М.А. Науменко

Компьютерная верстка:

Н.О. Ткачева

Формат 62х90 ¹/₁₆

Бумага офсетная 80 г/м²

Гарнитура Times

Печать офсетная

Усл. п. л. 14,47

Уч.-изд. п. л. 13,73

Тираж: 500 экз.

Заказ № 1263

Издательство

ОК-PRESS